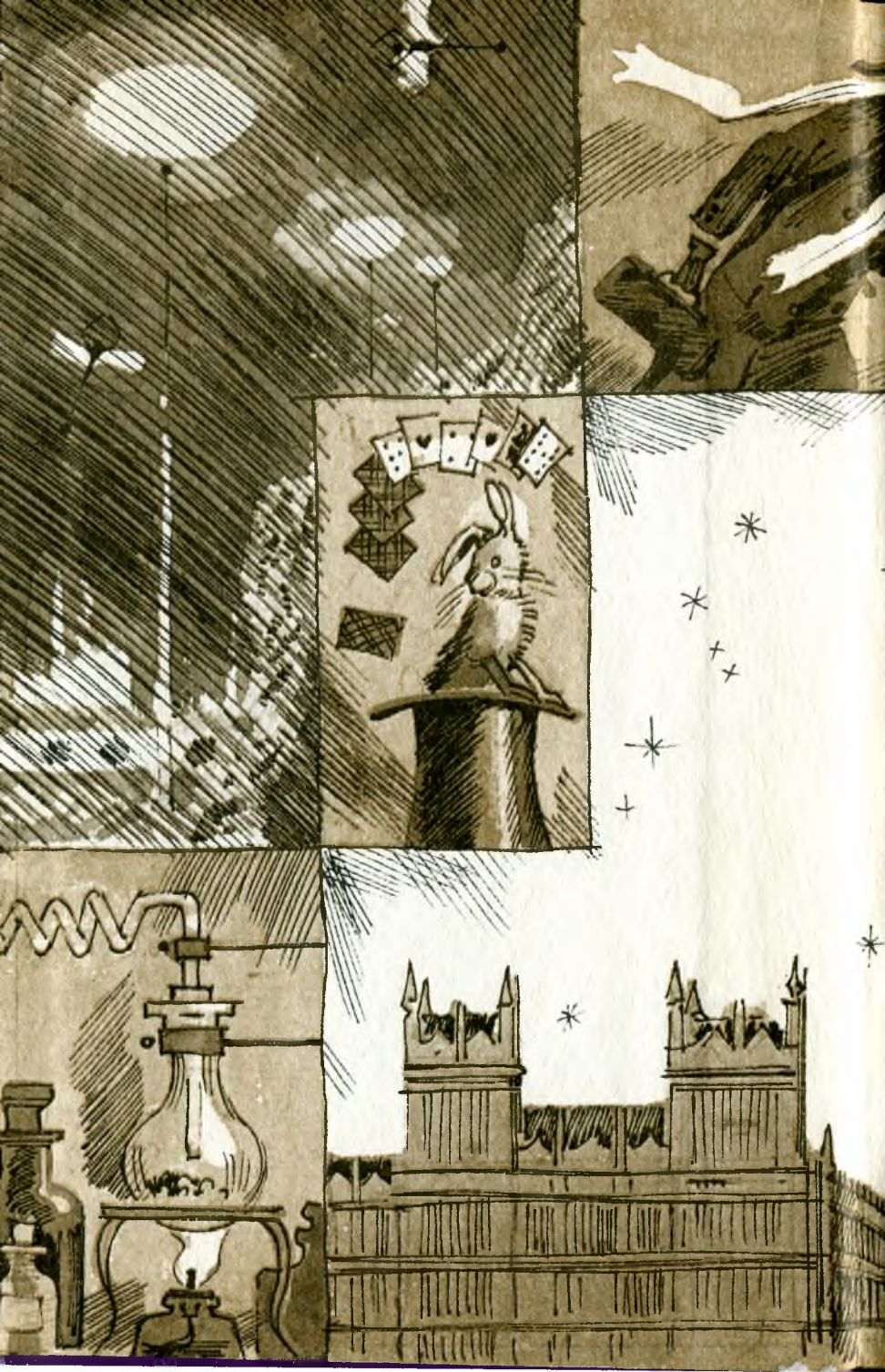
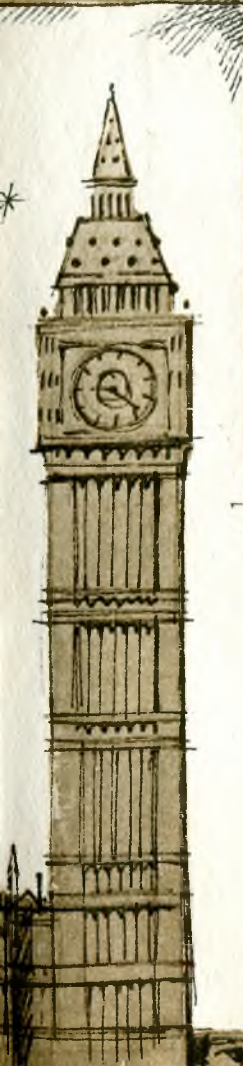

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС
**ЧЕЛОВЕК-
НЕВИДИМКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Сканировал и создал книгу - vtaKhaпkov

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1977

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ЧЕЛОВЕК- НЕВИДИМКА

*Роман
и
рассказы*

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Н(Англ)
У98

РИСУНКИ А. ИТКИНА

У $\frac{70803-498}{M101(03)77}$ 448—77

© Иллюстрации. Предисловие.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОГ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

«Это был человек, чье слово оказывалось лучом света в тысячах темных уголков. С самого начала века всюду — от Арктики до тропиков, — где молодые мужчины и женщины хотели освободиться от умственного убожества, предрассудков, невежества, жестокости и страха, Уэллс был на их стороне, неутомимый, жаждущий вдохновлять и учить...»

Так говорил в 1946 году Джон Бойнтон Пристли, английский писатель младшего поколения, выступая на похоронах Уэллса. Действительно, Уэллс положил жизнь на то, чтобы помочь людям «освободиться от умственного убожества, предрассудков, невежества, жестокости и страха». Об этом же мечтали просветители XVIII века Вольтер, Дидро, Свифт, и к моменту Французской революции 1789 года казалось, что они выполнили свою задачу. Но буржуазное общество породило новые жестокости, страхи и предрассудки. А это значило, что должны прийти новые просветители. Уэллс был в их числе — среди главных.

Замечательным в Уэллсе было то, что он умел говорить о вещах, важных для миллионов людей. При этом он не только отвечал на их вопросы, но и помогал эти вопросы поставить, иными словами — увидеть и осознать многие проблемы собственной жизни.

Для этого надо было не только хорошо знать, чем сегодня живет мир. Еще нужнее было знать людей, с которыми разговариваешь. Уэллс знал их отлично, потому что был одним из них. Их судьбы, их тревоги он понимал через свои.

Уэллс принадлежал к тому слою общества, который сформировался по-настоящему как явление массовое лишь в восьмидесятые — девяностые годы прошлого века, — к демократической интеллигенции. Люди, зарабатывавшие себе на жизнь умственным трудом, приходили отныне не из среды духовенства и дворянства, а из тех кругов, которые раньше, особенно если речь шла о литературе и искусстве, не очень принимались в расчет: из мелких лавочников, господских слуг, невысоких военных чинов, порой даже из мастеровых. Конечно, подобное происхождение было необязательным. Но тон задавали отныне именно они. Связанные тысячью нитей со своей старой средой и вместе с тем возвысившиеся над ней, рвущиеся к успеху и при этом достаточно еще осознающие свою ответственность перед теми, от чьего имени говорили, эти люди многое определяли в духовной жизни Европы. Были ли у них у всех одни и те же взгляды? Нет, конечно. Но в одном они сходились все или почти все: в мире надо многое менять. Задачу свою они видели не в том, чтобы в тысячный раз разрабатывать старое, а в том, чтобы открывать новое. Они несли в душе предчувствие какой-то невиданной перемены. Какой она будет? Когда произойдет? Кто знает! Но, наверно, ждать осталось недолго. И надо приближать эту перемену — расшатывать старое, опостылевшее, показывать несправедливость жизни. Кем-кем, а традиционалистами этих новых пришельцев назвать было нельзя. Они ведь знали оборотную сторону «старых добрых традиций».

Герберт Уэллс знал ее еще лучше других. Его родители были из «господских слуг», составлявших в Англии XIX века чуть ли не отдельное сословие — со своими убеждениями и предрассудками, своей табелью о рангах, своей гордостью и старательно подавляемым чувством социальной неполноценности. Именно последней, видимо, и заставило Сару и Джозефа Уэллс, едва они поженились, искать самостоятельного положения

в обществе. Оно скоро нашлось — в виде посудной лавки в маленьком, захолустном Бромли. В витрине стояла фигура Атласа, и дом назывался «Атлас Хаус». Бромлейскому Атласу не приходилось, однако, тащить на своих плечах слишком большой груз: лавчонка была жалкая, домишко захудаленький. И, что хуже всего, лавка почти не приносила дохода. Семья бедствовала. Ели не досыта, в одежде ходили штопаной-перештопаной. Но детей учили, надеялись вывести в люди — например, определить в мануфактурную торговлю. На большее, само собой, не замахивались.

Но это родители. У Герберта были другие планы. Сначала и не планы даже. Просто этот мальчик невероятно любил читать, причем не обязательно книги легкие и развлекательные. А потом, ему вообще понравилось учиться — всему на свете. Никакого предпочтения науке или литературе он не отдавал, тем более что способен был к тому и другому. Правда, родители пытались помочь ему занять достойное место в жизни и дважды устраивали его в мануфактурные магазины, но из первого мальчика выгнали за неспособность, а из второго, где он начал даже продвигаться по службе и из уборщика возвысился до кассира, убежал сам. Его тянуло к «ученым профессиям». Место помощника учителя, которого он через такой-то срок добился, действительно, как он и предполагал, оказалось надежной ступенькой для будущих успехов. Уэллса приняли на педагогический факультет Лондонского университета, дали стипендию, он мог наконец заняться любимым делом.

Впрочем, каким? Герберт думал сначала, что это наука. Он даже знал какая: биология. Этот предмет у него преподавал Томас Генри Хаксли (Гекели), блестящий литератор и лектор, любимый ученик Дарвина, и Уэллс с утра до ночи просиживал на лекциях, в лабораториях, в библиотеке. К биологии Уэллса привлекала, впрочем, не только личность учителя. Было и многое другое. Прежде всего — особая современность этой науки. Само слово «биология» было тогда новым — до этого говорили «естественная история» — и несло непривычный смысл. Восьмидесятые годы были временем широкого распространения теории Дарвина, и

борьба, которая шла вокруг нее, больше напоминала борьбу общественную, чем научную. Стабилен ли мир или подвержен переменам? Эволюционная теория Дарвина давала на это вполне определенный ответ. Предчувствие нового подтверждалось авторитетом науки. Изменяемость и прогресс оказывались объективными законами мира. Уэллсу ли и его новым университетским друзьям, таким же дорвавшимся до знания беднякам, было не приходиться в восторг от подобных выводов? «Широкое просветительское значение биологических и геологических исследований наполняло мое поколение надеждой и верой», — писал он много лет спустя.

Раз привлечши его к себе, биология на всю жизнь определила многие стороны его мышления. Особенно он был благодарен за это зоологии, которой непосредственно занимался у Хаксли. «Изучение зоологии в то время, — писал он потом, — складывалось из системы тонких, строгих и поразительно значительных опытов. Это были поиски и осмысление основополагающих фактов. Год, который я провел в ученичестве у Хаксли, дал для моего образования больше, чем любой другой год моей жизни. Он выработал во мне стремление к последовательности и к поискам взаимных связей между вещами, а также неприятие тех случайных предположений и необоснованных утверждений, которые составляют главный признак мышления человека необразованного, в отличие от образованного».

Биологию Уэллс не оставил. В 1930 году он совместно со своим сыном, видным биологом, впоследствии академиком, и внуком своего учителя Джулианом Хаксли, успевшим сделаться к тому времени одним из светил научного Лондона, выпустил книгу «Наука жизни», которая представляла собой популярный, но очень серьезный и полный курс этой науки. Уже очень молодым человеком он защитил докторскую диссертацию по биологии. И все-таки литература в этом соперничестве победила.

Уже на второй год своего пребывания в университете Уэллс больше занимался литературой, чем наукой. На третий год он был уже одним из худших студентов, экзамены за последний курс не сдал и диплом полу-

чил лишь много лет спустя. Зато написал несколько рассказов и начал повесть.

Повесть эта называлась «Аргонавты хроноса». Когда Уэллс, сделавшись опытным и признанным писателем, ее потом прочитал, она так ему не понравилась, что он скупил и сжег весь нераспроданный тираж журнала, где она была напечатана. Разыскать ее потом оказалось непросто, и перепечатали ее только в 1961 году, пятнадцать лет спустя после смерти Уэллса. И тут выяснилось, какую неблагодарность проявил писатель по отношению к своему раннему детищу — ведь от «Аргонавтов хроноса» пошел весь Уэллс.

Конечно, поминая «Аргонавтов» недобрым словом, он был по-своему прав: и название было претенциозное, и сюжет нескладный, и герои какие-то неестественные. Но Уэллс очень скоро понял, насколько все это плохо, и кинулся переделывать свою повесть. Когда он изменил название, оно стало звучать «Машина времени». Он начал писать один за другим новые ее варианты, и возникли ситуации и образы, из которых выросли затем «Война миров», «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне», а отчасти и «Человек-невидимка». В окончательном варианте он эти напластования отбросил. Нужно было освободить сюжет от всего лишнего, уводившего в сторону. Зато потом ему было откуда черпать материал для новых романов, посыпавшихся на читателя, как из рога изобилия.

Подъем Уэллса был триумфальным. «Машина времени» еще печаталась, а уже появились восторженные рецензии на нее. В тот же месяц, когда закончилась журнальная публикация, в мае 1895 года, она была опубликована отдельным изданием сразу в Англии и США. Книга произвела еще большее впечатление, чем журнальная публикация. Ее читали в захлеб, автора называли гением. Смелость и нежелание угождать устоявшимся мнениям публики, выразительный, энергичный стиль, необычность манеры, живое воображение — вот неполный список достоинств, открытых критиками в Уэллсе после выхода его первого романа.

Впоследствии Уэллс не очень одобрительно отзывался о «Машине времени». Он находил в ней множество недостатков. Но правы были, пожалуй, все же благо-

желательные критики, а не он. Машина времени, изобретенная Уэллсом, оказалась одним из начал новой научной фантастики. Дальность ее полета, способность покрывать расстояния в тысячи веков, давала возможность ставить проблемы огромного значения и охватывать взором сотни тысячелетий. Литература благодаря ей приобретала возможность мыслить почти в тех же временных масштабах, в каких мыслила биология, заново открытая Дарвином. Недаром последующая фантастика так ухватилась за эту идею. «Технических» вариантов машины времени существуют сейчас десятки, рассказов и романов, где используется этот «вид транспорта», — сотни, а может, и тысячи. Не это ли породило недовольство Уэллса своим романом? Он ведь упустил столько возможностей! Но разве одному человеку под силу было все это осуществить?

В одном отношении, впрочем, Уэллс был прав. В «Машине времени» есть некоторая суховатость. Масштаб мышления автора необыкновенно велик, но изложено все это несколько суммарно. Кому, как не автору, было это заметить? И, как всегда, недовольство собой принесло добрые плоды. В последующих романах он старался, не потеряв широчайшей проблематики «Машины времени», быть во всем как можно конкретней, обживать все через быт, больше заниматься психологией своих персонажей.

Наибольшим успехом его на этом пути был «Человек-невидимка» (1897).

Поначалу судьба этого романа сложилась не очень счастливо. Критика не поняла ни мыслей, в нем заключенных, ни художественных его достоинств. Сама по себе идея описать похождения невидимки казалась банальной. Разве не появлялись уже невидимки в десятках сказок? Этого ли следовало ждать от писателя, поразившего всех своей научной выдумкой? Справедливость, впрочем, скоро восторжествовала. «Человек-невидимка» сразу же полюбился публике, и критике пришлось пересматривать свои позиции.

К тому же собратья по перу приняли новый роман Уэллса восторженно. Вот что писал, например, о нем Джозеф Конрад, один из самых популярных писателей того времени: «Поверьте, ваши вещи всегда производят

на меня сильнейшее впечатление. Сильнейшее — другого слова не подберешь, поверьте мне, реалист фантастики... Если хотите знать, меня больше всего поражает ваша способность внедрить человеческое в невозможное и при этом принизить (или поднять?) невозможное до человеческого, до его плоти, крови, печали и глупости. Вот в чем удача! В этой маленькой книжке вы достигли своей цели с поразительной полнотой. Не буду говорить о том, как счастливо вы нашли сюжет. Это должно быть ясно даже вам самому. Мы троим (у меня сейчас гостят два приятеля) читали книгу и с восхищением следили за хитрой логикой вашего повествования. Это сделано мастерски, иронично, безжалостно и очень правдиво». «Сила Уэллса в том, что он не только ученый, но и талантливейший исследователь человеческого характера, в особенности — характера необычного,— писал о «Невидимке» другой крупный романист, Арнольд Беннет.— Он не только искусно опишет вам научное чудо, но и заставит его совершиться в какой-нибудь захолустной деревушке. Он будет атаковать вас с фронта и тыла, пока вы не подчинитесь до конца его волшебным чарам».

Это был перелом. До тех пор об Уэллсе зачастую говорили как об ученом, умеющем писать. Теперь о нем заговорили как о писателе, умеющем мыслить. Эта перемена в отношении к Уэллсу была такой основательной, что его даже не раз потом корили за те или иные отступления от строгой научной истины.

Подобные обвинения несправедливы. Фантастика по природе своей связана с тем, что принято называть «неполное знание». Когда о том или ином предмете мы знаем все (вернее — почти все, поскольку знать все невозможно), становится не о чем фантазировать. Уэллсу было о чем. Он всегда предпочитал такие сюжеты, которые подводили бы к областям знания, недостаточно разработанным. Но в пределах заданного добивался той меры достоверности, какая только была возможна.

Так же обстояло дело и с «Человеком-невидимкой». То, что Уэллс выбрал сюжет, не раз использованный в сказках, конечно, делало его задачу труднее. Но он показал, как можно с ней справиться.

У него, правда, был в этом смысле предшественник — американский писатель-романтик Фиц-Джеймс О'Брайан. У О'Брайана есть рассказ «Кем оно было?» (1859), где рассказывается о некоем таинственном невидимом существе, нападающем на всех, кто поселяется в «его» доме. Герою рассказа удастся, однако, его осилить, и он со своим другом, доктором, пытается выяснить тайну его невидимости. Объяснения эти сугубо научные, и во многом они предвещают те, которые приведет потом Уэллс в «Человеке-невидимке». Однако Уэллсу это удалось намного лучше.

На протяжении нескольких страниц он доказывает, что, если бы коэффициент преломления солнечных лучей в человеческом теле был равен коэффициенту преломления воздуха, человек стал бы невидимым. Доказывает, приводя примеры житейские, убедительные, научно неоспоримые. Правда, замечает он, на это можно возразить, что человек непрозрачен, но это верно только с житейской, а не с научной точки зрения, поскольку человеческий организм состоит в основном из прозрачных бесцветных тканей.

Лишь после этого популяризатор уступает место фантасту, но ни интонация, ни манера изложения не меняются, и читатель с такой же готовностью верит вымыслу, с какой только что верил научной истине. Речь идет на сей раз о том, как практически достичь невидимости и какие технические средства следует для этого применить. Выпив несколько специально составленных снадобий, рассказывает Гриффин, герой Уэллса, сумевший достичь невидимости, он подверг себя действию лучей, испускаемых построенным им аппаратом. Что это за лучи, каков был аппарат, читатель, разумеется, никогда не узнает, но он верит писателю, потому что все подробности опыта изложены очень достоверно. После того как Гриффин провел первый опыт, сделав невидимой кошку, у нее сохранилось радужное вещество на задней стенке глаза. Сам Гриффин после превращения, «подойдя к зеркалу... увидел пустоту, в которой еле-еле можно было еще различить туманные следы пигмента на сетчатой оболочке глаз».

Уэллса потом дважды — Беннет в упоминавшейся рецензии на «Невидимку» и известный наш популяри-

затор науки Я. Перельман в «Занимательной физике» — обвиняли в серьезной научной промашке. Человек-невидимка был бы слеп, говорили они. Обвинение было несправедливым. Предусмотрев, что глаза Гриффина не приобрели полной прозрачности, Уэллс предохранил его от слепоты. Правда, потом он забыл об этом и, читая «Занимательную физику», решил, что в самом деле допустил большую оплошность. Встретившись 1 августа 1934 года в Ленинграде с Я. Перельманом, он перед ним за нее извинялся. Как может увидеть внимательный читатель — совершенно напрасно.

Столь же основательно Уэллс объясняет и то, почему глаз сохранил пигментацию. Оказывается, невидимым можно сделать все, кроме пигмента. Если Гриффину вообще удалось превратиться в невидимку, то лишь потому, что он альбинос.

Подобного рода оговорки очень много значат в «Человеке-невидимке». Они служат убедительности повествования. Волшебнику доступно все, ученый же действует в заданных пределах. Он все время вынужден отделить осуществимое от неосуществимого. Поэтому, заводя речь об ограниченности возможностей Гриффина, Уэллс, по сути дела, заставляет нас тверже верить в научную состоятельность его эксперимента. Бывшая сказка как-то незаметно и очень естественно становится научной фантастикой.

Достоверность «Человека-невидимки» необыкновенная. Здесь все наглядно и осязаемо. И от этого становится особенно интересным. Мы вместе с бродягой Марвелом рассматриваем пожертвованные ему башмаки с вниманием, с каким никогда, быть может, не рассматривали собственные. Чему тут удивляться — ведь это главная принадлежность его, так сказать, «спецодежды»! Мы с не меньшим удивлением, чем сами герои, замечаем вдруг стакан, повисший в воздухе, и револьвер, движущийся в сторону дома, осажденного невидимкой. Мы наблюдаем, как Гриффин курит, и для нас, как на уроке анатомии, обозначается его носоглотка. Для нас оказывается необыкновенно занимательным, как человек снимает рубашку, поскольку ничто не отвлекает нашего внимания — ее снимают с невидимого тела. Мы видим в каждый из этих момен-

тов что-то одно — стакан, револьвер, причудливые изгибы табачного дыма, рубашку. И так во всем. Впоследствии, когда создавалась английская кинематография, Уэллс занял заметное место в этом новом виде искусства. Но приемы кино можно найти у него задолго до того, как он впервые посмотрел первый в своей жизни фильм. Прежде всего тот прием, который кинематографисты называют «крупным планом». В «Человеке-невидимке» этот прием оказался особенно нужен. Фантастическое здесь доказывается через реальное. Через подчеркнуто реальное. «У Герберта Уэллса увидеть — значит поверить, но здесь мы верим даже в невидимое», — заметил о «Человеке-невидимке» один английский критик.

Сказка это или добротное реалистическое повествование?

Во всяком случае, фантастическая посылка разработана совершенно реалистическими средствами. Здесь показано все, что нужно, доказано все, что возможно.

И потом, разве сказочным героям приходилось когда-нибудь так туго? Шапка-невидимка русских сказок или плащ-невидимка германского эпоса сразу избавляли своего обладателя от всех хлопот и придавали ему необыкновенное преимущество перед всеми. Гриффин живет в ином мире — реальном. Ему все время что-то мешает, планы его срываются. Он не успевает подготовить себе невидимую одежду и дрожит от холода, шлепая босиком по грязным лондонским улицам и оставляя за собой следы, которые сразу же привлекают к себе внимание мальчишек; он простужен и ежеминутно выдает себя громким чиханием. Осуществить свое превращение ему пришлось раньше времени, и он теперь не знает, как снова стать видимым, а именно об этом он теперь мечтает больше всего...

Да и сам он никак не напоминает сказочного героя. Люди, близко знавшие Уэллса, заметили подозрительную схожесть некоторых черт характера автора и персонажа, им нарисованного. Это было нетрудно. Уэллс давно был на виду, да и сам не склонен был что-то о себе скрывать. В этом человеке, так рано начавшем пробиваться к вершинам знания, совершившем гениальные литературные открытия и предсказавшем столь

же значительные научные (вспомним, что «Машина времени» написана до создания Альбертом Эйнштейном теории относительности), была какая-то неизбывная невзрослость. Он рассказал потом в своей автобиографии, как, будучи помощником школьного учителя, кинулся однажды с кулаками на ученика, который никак не мог решить математическую задачу, и с криком долго гнал его по деревенской улице. Увы, нечто подобное случалось с ним и на старости лет. Он мог прийти в исступление от того, что куда-то запропастилась шляпа, что не так поставили электрическую розетку... Гриффин тоже ведет себя не как Иван-царевич или Зигфрид. Он гениальный ученый, но и обыкновенный человек, со своими слабостями, каждому из нас присущими. И это лучше. Именно этим и делается он нам близок. Мы можем не соглашаться с его целями, как не соглашался с ними Уэллс, но нам интересно и понятно все, что он делает, и в нашем отношении к нему возмущение соединяется с чем-то похожим на сочувствие. Его желание установить на земле царство террора отвратительно. Он одержим манией величия, и, дай ему волю, он своего добьется. Он опасен для людей, и его так или иначе надо обезвредить. Но когда приходит возмездие, мы не торжествуем, напротив — нам жалко Гриффина. Ибо человек, задумавший все эти злодеяния, никак не злодей. Он необыкновенно сосредоточен на себе и все взял на себя. Он кажется себе сразу и творцом, и исполнителем своего плана. Но, может быть, кто-то ему это все подсказал?

Нет, мы напрасно стали бы искать в «Человеке-невидимке» эдакого тайного злодея, нашептавшего что-то Гриффину на ухо. Такого персонажа нет ни в этом романе Уэллса, ни в любом другом, им написанном. И все-таки Гриффин говорит не от своего лица. Даже не от лица кого-либо из своих друзей. Он законченный индивидуалист, и друзей у него нет. Как это ни парадоксально, он говорит от имени тех, кого ненавидит.

Города Айпинга нет на карте, равно как и города, где Гриффин начал свои эксперименты. И вместе с тем всякий желающий мог без труда их увидеть. Для этого достаточно было посетить любой из провинциальных английских городков. Такой хотя бы, как Бромли.

Здесь нашлись бы такой же точно трактир, пусть название его было бы не «Кучер и кони», очень похожая хозяйка и как вылитые — пастор, аптекарь и прочие обыватели. Люди это все добродушные, незатейливые, и если что и вызывает их шумный протест, то это вещи, которые совершенно так же задела бы всякого. Кому, скажем, понравится, если его схватить за нос невидимой рукой? Но их-то и ненавидит Гриффин. За их недалекость, за их косность, за их неспособность хоть сколько-нибудь заинтересоваться тем, что составляет предмет всех его интересов и цель его жизни, — наукой. А впрочем, за это ли только? Достойна ли их ограниченность такого сильного с его стороны чувства? Нет, конечно. Хуже другое. Гриффин чувствует свое внутреннее с ними родство. Ему нужно напряжение всех внутренних сил, чтобы от них оторваться. Это ему не удастся. Разве что обособиться. Он такой же мещанин, как они, он выражает их подавленные, неоформленные, но глубоко укоренившиеся представления о силе, власти, величии. Уэллс потом вспоминал, что, разрабатывая образ Гриффина, думал об анархистах. В другие времена он мог бы назвать кого-то другого. Но всякий раз речь шла бы о том или ином политическом течении, опирающемся на мещанина. Правда, особого — взбесившегося.

Гриффин — человек, совершивший научный подвиг, и Гриффин — маньяк, одержимый жаждой власти, Гриффин — порождение мещанской среды и Гриффин — ее жертва, — какой сложный, глубоко коренящийся во многих тенденциях XX века образ создал Уэллс! И в какую «крепкую», выразительную, соразмерную во всех своих частях книгу его вписал!

Удивительно ли, что «Человек-невидимка» самое по сей день читаемое произведение Уэллса? И не только читаемое. По мотивам «Человека-невидимки» было сделано несколько кинофильмов. Два из них известнее других. Первый немой фильм «Невидимый вор» был поставлен в 1909 году французской фирмой «Пате». Второй (он так и назывался «Человек-невидимка») — в 1933 году американским режиссером Джемсом Уэйлом. Этот фильм был у нас в прокате и пользовался большим успехом. Уэллс отзывался о нем с похвалой.

В 1934 году он даже заявил, что если «Человека-невидимку» читают не меньше, чем в год его появления, то этим он обязан исключительно превосходному фильму Уэйла. Он, впрочем, ошибался. «Невидимку» Уэйла сейчас никто не смотрит, роман Уэллса читают по-прежнему.

Литературным подражаниям этому роману тоже нет числа. Вскоре после выхода «Человека-невидимки» чрезвычайно популярный в те годы английский писатель Джильберт Честертон, вечный оппонент Уэллса, написал рассказ о человеке «интеллектуально невидимом» — его не замечают просто потому, что он всем примелькался. Гораздо ближе следовал Уэллсу Жюль Верн. Этот великий фантаст не сразу оценил своего английского собрата, и первое его интервью о нем, сделанное в 1903 году, звучит не очень уважительно. Но уже год спустя Жюль Верн заговорил об Уэллсе в ином тоне, а когда в 1910 году был посмертно опубликован его роман «Тайна Вильгельма Шторица», выяснилось, что на склоне лет он даже принял к нему подражать, — в этом романе Жюль Верн довольно близко следовал фабуле «Человека-невидимки». Много подражали Уэллсу и после этого. «Отец американской научной фантастики» Хьюго Гернсбек использовал в одном из эпизодов своего главного романа «Ральф 124 С 41+» (1911), действие которого происходит в 2660 году, «аппарат, делающий твердые тела светопроницаемыми» и тем самым (до тех пор, пока он их облучает) невидимыми. Этот аппарат был создан героем Гернсбека после того, как «экспериментирование с ультракороткими волнами убедило его в том, что можно добиться полной прозрачности любого предмета, если придать ему частоту колебаний, равную частоте света». Впрочем, подобного рода технические подробности не всех увлекают в той же мере, что Гернсбека. Совсем, например, обошелся без них Рей Бредбери в «Мальчике-невидимке», да они были бы и неуместны в этом написанном словно в подражание Честертону рассказе о полубезумной одинокой старухе, которая, чтобы удержать при себе мальчика, уверяет его, что сделала его невидимкой. Моментами, однако, этот парадоксально-романтический рассказ очень близок все-таки к Уэллсу. Так, совсем по-уэллсовски сде-

лана сцена, где старуха говорит мальчику, что невидимость постепенно «смывается» с него и он по частям «проявляется». В какой-то момент он еще без головы, потом виден уже весь. Это очень похоже на ту сцену из «Человека-невидимки», где Гриффин, срывая с себя бинты и одежду, «растает в воздухе». Просто там герой исчезает, здесь возникает. Много написано на тему Уэллса и иных рассказов, веселых и непритязательных. Таков, например, рассказ английского писателя Нормана Хантера «Великая невидимость» (1937) — о невидимом стекле, на которое все налетают...

«Человек-невидимка» воплотил многие лучшие черты писательской манеры Уэллса. Здесь перед нами воистину «реалист фантастики». Это и обеспечило ему такое признание. Но «Человек-невидимка» существует в окружении других романов Уэллса. К моменту, когда он был создан, за плечами писателя, кроме «Машины времени», был еще и «Остров доктора Моро», не признанный современниками, но очень скоро тоже сделавшийся классикой. Впереди были «Война миров», «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне». Все эти, как их принято называть, «романы первого цикла» объединяло не только общее происхождение от «Аргонатов хроноса». В них жила единая мысль, они были направлены к общей цели.

То же самое можно сказать и о рассказах Уэллса. В качестве новеллиста он выступал не очень долго. Если не считать одного опыта ранних лет, «Рассказа о XX веке», опубликованного в 1887 году в небольшом студенческом журнале (Уэллсу был тогда двадцать один год), а потом на многие десятилетия забытого и автором и, что еще важнее, издателями, рассказы Уэллса впервые появились в печати в 1894 году почти одновременно с журнальным вариантом «Машины времени». Они продолжали регулярно появляться в газетах и журналах на протяжении тех лет, в течение которых Уэллс писал романы первого цикла, но потом их поток вдруг иссяк, и после 1903 года каждый новый рассказ был событием все более редким. Рассказы, включенные в этот сборник, охватывают весь этот период. «Похищенная бацилла» числится среди первых

рассказов, принесших Уэллсу славу. Она была опубликована уже в июне 1894 года. «Волшебная лавка» появилась ровно восемь лет спустя, в июне 1903 года, среди рассказов, которыми Уэллс закончил регулярную деятельность новеллиста.

Изменилась ли за эти годы его манера? Пожалуй, нет. Конечно, рассказы он писал самые разные, но почти всё, что он мог в конце, он умел уже в самом начале. Рассказы Уэллса, о каких бы чудесах в них речь ни шла, всегда очень бытовые, часто юмористические, со множеством жизненных примет и деталей, с лаконичными, но достаточно точными и выразительными характеристиками персонажей. Вот уж где он всегда «реалист фантастики»! Необычное открывается в его рассказах не бесстрашным искателям приключений, а людям вполне заурядным, и это столкновение невероятного с обыденным дает по воле писателя эффект самый разнообразный. Порой нам смешно, порой грустно. Марсианские просторы воочию являются затравленному семьей старому антиквару и чучельнику («Хрустальное яйцо», 1897), а способность творить чудеса достается недалекому конторщику, до того недалекому, что Уэллсу не стоит большого труда извлечь из этой ситуации столько комического, что, пожалуй, хватило бы на два-три юмористических рассказа. («Человек, который мог творить чудеса», 1898). В рассказе «Замечательный случай с глазами Дэвидсона» (1895) Уэллс очень серьезен: он прорабатывает на материале индивидуального человеческого опыта один из гипотетических случаев пространственно-временных отношений. Но в «Похищенной бацилле» и «Новейшем ускорителе» (1901) он снова — хотя речь и в том и в другом случае идет о вещах достаточно важных — заставляет нас громко смеяться. Чего стоит хотя бы эпизод из «Новейшего ускорителя» с собакой, упавшей с неба! Или гонки кебов из «Похищенной бациллы»!

При этом Уэллс отнюдь не стремится писать рассказы специально «смешные» или, скажем, «страшные». Он добивается эстетического эффекта более сложного. Разве в «Похищенной бацилле» он так уж хотел нас посмешить? Нет, конечно. Фигура анархиста из этого рассказа (первый набросок образа Гриффина) выглядит

и смешно и немного трагично. Перед нами человек, вознамерившийся отомстить обществу способом диким и безобразным, но не общество ли так его ожесточило? Он одержим манией величия, но не оттого ли она возникла, что его всю жизнь унижали? Рассказы Уэллса никак не назовешь «плоскостными», они достаточно объемны, и это качество им придает прежде всего масштаб мысли автора. За простым здесь прочитывается очень многое.

Самый, может быть, интересный в этом отношении рассказ — «Волшебная лавка». Он относится к тому жанру, который в англосаксонских странах принято, в отличие от научной фантастики, называть «фэнтази» — «фантазия». О науке здесь, конечно, речь не идет. Владелец лавки с этим вполне обычным для английских детей названием (в одном Лондоне игрушечных магазинов под вывеской «Волшебная лавка» наберется, пожалуй, добрый десяток) — волшебник всамделишный и бесспорный, к тому же из самых изобретательных, наделенный жутковатым чувством юмора и немалым знанием людской психологии. Но игра, которую он затевает с Джипом и его отцом (видимо, самим Уэллсом; сына писателя звали Джип, и одним из их любимых занятий было покупать вместе оловянных солдатиков, комната для игр в их доме была буквально ими завалена), достаточно назидательна. Добрый (а может быть, злой?) волшебник желает показать, насколько ребенок превосходит взрослого своим ощущением чудесного, а значит, насколько более он открыт всему новому и необычному, насколько более готов встретить возможные перемены. Люди, приверженные привычному, устоявшемуся, данному раз и навсегда, были Уэллсу ненавистны. В этом он видел одну из самых неприятных для него сторон буржуазного сознания. Эту невосприимчивость к новому Уэллс хотел разрушить своими рассказами — и формой их и содержанием. «Волшебная лавка» — из удачайших тому примеров.

В рассказах и романах Уэллса мир удивительно подвижен и подвержен чудеснейшим переменам. Он не только способен меняться, — даже сегодняшний, для всех привычный мир можно видеть очень по-разному.

В «Машине времени» Путешественник, проделав путь в много тысячелетий, застаёт мир, новый до неузнаваемости. Изменились человеческие отношения, сами люди, даже карта неба. Но в этом же романе есть эпизод, где показан обычный мир в необычном аспекте. Тронувшись в путь на машине времени, Путешественник видел, как в его лабораторию вошла домоправительница миссис Уотчет и, не заметив его, двинулась к двери в сад. «Для того чтобы перейти комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты». Возвращаясь назад, Путешественник снова видит ту же миссис Уотчет. «Но теперь каждое ее движение казалось мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла». В «Новейшем ускорителе» использован подобного же рода прием. Когда на героев действует снадобье, ускоряющее во много раз работу организма, мир начинает жить для них в столь медленном ритме, что люди кажутся им восковыми фигурами из музея мадам Тиссо... Современного читателя этот прием вряд ли удивит. Мы к нему привыкли в кино, где используются методы ускоренной и замедленной съемки. Но ведь Уэллс нашёл этот прием до возникновения кинематографа!

Уэллс оставил после себя такие россыпи научных и художественных идей, что только ходи и подбирай! Своими романами и рассказами Уэллс завершал старый век, начинал новый. Чего только не придумали фантасты после Уэллса! Но как часто это всего лишь фокусы! Он же поистине творил чудеса!

То, что фантастические романы, которыми Уэллс составил себе славу, появились в конце прошлого века и самом начале нашего, никак нельзя назвать случайным совпадением. В эти годы люди подводили итоги минувшего, пытались проникнуть умственным взором в будущее. Уэллс был среди тех, кто непримиримее других оценивал прошлое, с наибольшей надеждой взирал на будущее. И вместе с тем в его романах нет особой лучезарности. Напротив, Уэллс предпочитает говорить неприятное. Вырождение человечества — в «Машине времени». Звери, которых подвергают мучи-

тельными операциям, чтобы сделать из них людей, и которые опять обращаются в животных — в «Острове доктора Моро». Ученый, использовавший свое открытие во зло людям, — в «Человеке-невидимке». Земля, оказавшаяся неспособной защититься от инопланетного нашествия, — в «Войне миров». Духовное вырождение — в «Когда спящий проснется» и «Первых людях на Луне». Этот «преднамеренный пессимизм», как определял настроение своих первых вещей Уэллс, был направлен против мещанского благодушия, сквозившего во многих прогнозах, опубликованных на пороге нового века. Он учил видеть жизнь такой, какая она есть (даже тогда, когда писал самые фантастические свои романы), и уже этим помогал ее переделывать. Уэллс прекрасно понимал, что миру предстоят новые тяжелые испытания, и призывал людей быть к ним готовыми. Он не ждал перемен без борьбы. Разве что перемены к худшему. И он точно указывал, против чего надо бороться.

Он и сам не оставался в стороне от этой борьбы. Огромный успех Уэллса придал ему немалый общественный вес. Это свое влияние он использовал для того, чтобы бороться против реакции, войны, любой попытки поработить людей. Уэллс был среди первых, кто рассказал в Англии правду о Ленине и Великой Октябрьской революции. Уэллс был первым английским писателем, написавшим антифашистский роман. «Он всегда боролся против старого мира» — так был озаглавлен некролог о нем, помещенный в газете английских коммунистов «Дейли уоркер».

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

Р О М А Н

Глава I

ПОЯВЛЕНИЕ НЕЗНАКОМЦА

Незнакомец появился в начале февраля. В тот морозный день бушевали ветер и вьюга — последняя вьюга в этом году; однако он пришел с железнодорожной станции Брэмблхерст пешком. В руке, обтянутой толстой перчаткой, он держал небольшой черный саквояж. Он был закутан с головы до пят; широкие поля фетровой шляпы скрывали все лицо, виднелся только блестящий кончик носа; плечи и грудь были в снегу, так же как и саквояж. Он вошел в трактир «Кучер и кони», еле передвигая ноги от холода и усталости, и бросил саквояж на пол.

— Огня! — крикнул он. — Во имя человеколюбия! Комнату и огня!

Страхнув с себя снег, он последовал за миссис Холл в приемную, чтобы договориться об условиях. Разговор был короткий. Согласившись на два соверена, незнакомец поселился в трактире.

Миссис Холл затопила камин и покинула гостя, чтобы собственноручно приготовить ему поесть. Заполучить в Айпинге зимой постояльца, да еще такого, который не торгуется,— это была неслыханная удача, и миссис Холл решила показать себя достойной счастливого случая, выпавшего ей на долю.

Когда ветчина поджарилась, а Милли, вечно сонная служанка, выслушала несколько уничтожающих замечаний, что, видимо, должно было подстегнуть ее энергию, миссис Холл отнесла в комнату приезжего скатерть, посуду и стаканы, после чего стала с особым шиком сервировать стол. Огонь весело трещал в камине, но приезжий, к величайшему ее удивлению, до сих пор не снял шляпы и пальто. Он стоял спиной к ней, глядя в окно на падающий снег. Руки его, все еще в перчатках, были заложены за спину, и он, казалось, о чем-то глубоко задумался. Хозяйка заметила, что снег у него на плечах растаял и вода капает на ковер.

— Позвольте, мистер, ваше пальто и шляпу,— обратилась она к нему,— я отнесу их на кухню и повешу сушить.

— Не надо,— ответил он, не оборачиваясь.

Она решила, что ослышалась, и уже готова была повторить свою просьбу.

Но тут незнакомец повернул голову и посмотрел на нее через плечо.

— Я предпочитаю не снимать их,— заявил он.

При этом хозяйка заметила, что у него большие синие очки-консервы и густые бакенбарды, скрывающие лицо.

— Хорошо, мистер,— сказала она,— как вам будет угодно. Комната сейчас нагреется.

Незнакомец ничего не ответил и снова повернулся к ней спиной. Видя, что разговор не клеится, миссис Холл торопливо накрыла на стол и вышла из комнаты. Когда она вернулась, он все так же стоял у окна, подобно каменному изваянию, сгорбленный, с поднятым воротником и низко опущенными полями шляпы, скры-

вавшими лицо и уши. Поставив на стол яичницу с ветчиной, она почти крикнула:

— Завтрак подан, мистер!

— Благодарю вас, — ответил он тотчас же, но не двинулся с места, пока она не закрыла за собой дверь, тогда он круто повернулся и подошел к столу.

— Ох, уж эта девчонка! — сказала миссис Холл. — А я и забыла про нее. Вот канительщица!

Взявшись сама растирать горчицу, она отпустила несколько колкостей по адресу Милли за ее необычайную медлительность. Сама она успела поджарить яичницу с ветчиной, накрыть на стол, сделать все, что нужно, а Милли — хороша помощница! — оставила гостя без горчицы. А ведь он только приехал и хочет, видно, здесь пожить. Поворчав, миссис Холл наполнила горчицницу и, поставив ее не без торжественности на черный с золотом чайный поднос, понесла к постельцу.

Она постучала и тут же вошла. Незнакомец сделал быстрое движение, но она успела увидеть что-то белое, мелькнувшее под столом. Он, очевидно, что-то подбирал с полу. Она поставила горчицу на стол и при этом заметила, что пальто и шляпа гостя лежат на стуле у камина, а на стальной решетке стоит пара мокрых башмаков. Решетка, конечно, заржавеет. Миссис Холл решительно приблизилась к камину и заявила тоном, не допускающим возражений:

— Теперь, я думаю, можно взять ваши вещи и просушить.

— Оставьте шляпу, — сказал приезжий сдавленным голосом.

Обернувшись, она увидела, что он сидит выпрямившись и смотрит на нее.

С минуту она стояла, вытаращив глаза и потеряв от удивления дар речи.

Нижнюю часть лица он прикрывал чем-то белым, по видимому салфеткой, которую привез с собой, так что ни рта, ни подбородка не было видно. Потому-то голос и прозвучал так глухо. Но не это поразило миссис Холл. Лоб незнакомца от самого края синих очков был обмотан белым бинтом, а другой бинт закрывал уши, так что неприкрытым оставался только розовый ост-

рый нос. Нос был такой же розовый и блестящий, как в ту минуту, когда незнакомец появился впервые. Одет он был в коричневую бархатную куртку; высокий темный воротник, подшитый белым полотном, был поднят. Густые черные волосы, выбиваясь в беспорядке из-под перекрещенных бинтов, торчали пучками и придавали незнакомцу чрезвычайно странный вид. Его закутанная и забинтованная голова так поразила миссис Холл, что от неожиданности она остолбенела.

Он не отнял салфетки от лица и, по-прежнему придерживая ее рукой в коричневой перчатке, смотрел на хозяйку сквозь непроницаемые синие стекла.

— Оставьте шляпу, — снова невнятно сказал он сквозь салфетку.

Миссис Холл, оправившись от испуга, положила шляпу обратно на стул.

— Я не знала, сударь... — начала она, — что вы... — И смущенно замолчала.

— Благодарю вас, — сухо сказал он, многозначительно поглядывая на дверь.

— Я сейчас все высушу, — сказала она и вышла, унося с собой платье.

В дверях она снова посмотрела на его забинтованную голову и синие очки; он все еще прикрывал рот салфеткой. Закрывая за собой дверь, она вся дрожала, и на лице ее было написано смятение.

— В жизни своей... — прошептала она. — Ну и ну!

Она тихо вернулась на кухню и даже не спросила Милли, чего она там возится.

Незнакомец между тем внимательно прислушивался к удаляющимся шагам хозяйки. Прежде чем отложить салфетку и снова приняться за еду, он испытующе посмотрел на окно. Проглотив кусок, он опять, уже с подозрением, посмотрел на окно, потом встал и, держа салфетку в руке, спустил штору до белой занавески, прикрывавшей нижнюю часть окна. Комната погрузилась в полумрак. Несколько успокоенный, он вернулся к столу и продолжал завтрак.

— Бедняга, он расшибся, или ему сделали операцию, или еще что-нибудь, — сказала миссис Холл. — Весь перевязанный, даже смотреть страшно.

Она подбросила угля в печку, придвинула подстав-

ку для сушки платья и разложила на ней пальто при-
езжего.

— А очки! Да что говорить, водолаз какой-то, а не человек.— Она повесила на подставку шарф.— Лицо прикрывает тряпкой. И говорит сквозь нее... Может быть, у него рот тоже болит? — Тут она обернулась, видимо внезапно вспомнив о чем-то.— Боже милостивый! — воскликнула она.— Милли! Неужели блинчики еще не готовы?

Когда миссис Холл вошла в гостиную, чтобы убрать со стола, она нашла новое подтверждение своей догадке, что рот незнакомца изуродован или искалечен несчастным случаем: незнакомец курил трубку и все время, пока она была в комнате, ни разу не приподнял шелковый платок, которым была обвязана нижняя часть его лица, и не взял мундштук в рот. А ведь он вовсе не забыл про свою трубку: миссис Холл заметила, что он поглядывает на тлеющий понапрасну табак. Он сидел в углу, спиной к опущенной шторе. Подкрепившись и согревшись, он, очевидно, почувствовал себя лучше и говорил уже не так отрывисто и раздраженно. В красноватом отблеске огня его огромные очки как будто ожили.

— На станции Брэмблхерст,— сказал он,— у меня остался кое-какой багаж. Нельзя ли послать за ним? — Выслушав ответ, он вежливо наклонил забинтованную голову.— Значит, только завтра? — сказал он.— Неужели нельзя раньше? — И очень огорчился, когда она ответила, что нельзя.— Никак нельзя?— переспросил он.— Быть может, все-таки найдется кто-нибудь, кто съездил бы на станцию?

Миссис Холл охотно отвечала на все вопросы, надеясь таким образом вовлечь его в беседу.

— Дорога к станции очень крутая,— сказала она и, пользуясь случаем, добавила:— В прошлом году на этой дороге опрокинулся экипаж. Седок и кучер оба убились насмерть. Долго ли до беды? Одна минута — и готово, не правда ли, мистер?

Но гостя не так-то легко было втянуть в разговор.

— Правда,— сказал он, спокойно глядя на нее сквозь непроницаемые очки.

— А потом когда еще поправишься, правда? Вот,

к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой — косил, знаете, споткнулся и порезал,— так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой. С тех пор я ужас как боюсь этих кос.

— Это не удивительно,— сказал приезжий.

— Одно время мы даже думали, ему придется сделать операцию, так ему было худо.

Приезжий отрывисто засмеялся, словно залаял.

— Так ему было худо? — повторил он.

— Да, мистер. И это было вовсе не смешно для тех, кому приходилось с ним возиться. Вот хоть бы и мне, мистер, потому что сестра все нянчилась со своими малышками. Только и знай завязывай да развязывай ему руку, так что, ежели позволите...

— Дайте мне, пожалуйста, спички,— вдруг прервал он ее.— Моя трубка погасла.

Миссис Холл замолчала. Несомненно, с его стороны несколько грубо прерывать ее таким образом. С минуту она сердито смотрела на него, но, вспомнив про два соверена, пошла за спичками.

— Благодарю,— коротко сказал он, когда она положила спички на стол, и, повернувшись к ней спиной, стал снова глядеть в окно.

Очевидно, разговор о бинтах и операциях был ему неприятен. Она решила не возвращаться к этой теме. Нелюбезность незнакомца рассердила ее, и Милли пришлось это почувствовать на себе.

Приезжий оставался в гостиной до четырех часов, не давая решительно никакого повода зайти к нему. Почти все это время там было очень тихо; вероятно, он сидел у догорающего камина и курил трубку, а может быть, просто дремал.

Однако если бы кто-нибудь внимательно прислушался, то мог бы услышать, как он поворошил угли, а потом минут пять рассказывал по комнате и разговаривал сам с собою. Потом он снова сел, и под ним скрипнуло кресло.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ МИСТЕРА ТЕДДИ ХЕНФРИ

В четыре часа, когда уже почти стемнело и миссис Холл собралась с духом заглянуть к постояльцу и спросить, не хочет ли он чаю, в трактир вошел Тедди Хенфри, часовщик.

— Что за скверная погода, миссис Холл! — сказал он. — А я еще в легких башмаках.

Снег за окном валил все гуще.

Миссис Холл согласилась, что погода ужасная, и вдруг, увидев чемоданчик с инструментами, просияла:

— Знаете что, мистер Хенфри, раз вы уже здесь, взгляните, пожалуйста, на часы в гостиной. Идут они хорошо и бьют как следует, но часовая стрелка как остановилась на шести часах, так ни за что не хочет сдвинуться с места.

Она провела часовщика до двери гостиной, постучала и вошла.

Приезжий, как она успела заметить, открывая дверь, сидел в кресле у камина и, казалось, дремал: его забинтованная голова склонилась к плечу. Комнату освещал красный отблеск пламени; стекла очков сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, а лицо оставалось в тени; последние блики зимнего дня пробивались в комнату сквозь приоткрытую дверь. Миссис Холл все показалось красноватым, причудливым и неясным, тем более что она еще была ослеплена светом лампы, которую только что зажгла над стойкой в распивочной. На секунду ей показалось, что у постояльца чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо. Видение было мгновенное — белая забинтованная голова, огромные очки вместо глаз и под ними широкий, разинутый, как бы зевающий рот. Но вот спящий пошевелинулся, выпрямился в кресле и поднял руку. Миссис Холл распахнула дверь настежь, в комнате стало светлее; теперь она получше рассмотрела его и увидела, что лицо у него прикрыто шарфом, так же как раньше салфеткой. И она решила, что все это ей только померещилось, было игрой теней.

— Не разрешите ли, мистер, часовщику осмотреть часы? — сказала она, приходя в себя.

— Осмотреть часы? — спросил он, сонно озираясь. Потом, как бы очнувшись, добавил: — Пожалуйста.

Миссис Холл пошла за лампой, а он встал с кресла и потянулся. Появилась лампа, и мистер Тедди Хенфри, войдя в комнату, очутился лицом к лицу с забинтованным человеком. Он был, по его собственному выражению, «огорошен».

— Добрый вечер, — сказал незнакомец, глядя на него, «как морской рак», по выражению Тедди; на такое сравнение его навели, очевидно, темные очки.

— Надеюсь, я вас не беспокою? — сказал Тедди.

— Нисколько, — ответил приезжий. — Хотя я думал, — прибавил он, обращаясь к миссис Холл, — что эта комната отведена мне для личного пользования.

— Я полагаю, сударь, — сказала хозяйка, — что вы не будете возражать, если часы...

Она хотела добавить: «починят», но осеклась.

— Конечно, — прервал он ее. — Правда, вообще я предпочитаю оставаться один и не люблю, когда меня беспокоят. Но я рад, что часы будут починены, — продолжал он, видя, что мистер Хенфри остановился в нерешительности: он уже хотел извиниться и уйти, но слова приезжего успокоили его.

Незнакомец повернулся спиной к камину и заложил руки за спину.

— Когда часы починят, я выпью чаю, — заявил он. — Но не раньше.

Миссис Холл уже собиралась выйти из комнаты — на этот раз она не делала никаких попыток завязать разговор, не желая, чтобы ее грубо оборвали в присутствии мистера Хенфри, — как вдруг незнакомец спросил, позаботилась ли она о доставке его багажа. Она сказала, что говорила об этом с почтальоном и что багаж будет доставлен завтра утром.

— Вы уверены, что раньше его невозможно доставить? — спросил он.

— Уверена, — ответила она довольно холодно.

— Мне следовало сразу сказать вам, кто я такой, но я до того промерз и устал, что еле ворочал языком. Я, видите ли, исследователь...

— Ах, вот как! — проговорила миссис Холл, на которую эти слова произвели сильнейшее впечатление.

— Багаж мой состоит из всевозможных приборов и аппаратов.

— Очень даже полезные вещи,— вставила миссис Холл.

— И я с нетерпением жду возможности продолжать свои исследования.

— Это понятно, мистер.

— Приехать в Айпинг,— продолжал он медленно, как видно, тщательно подбирая слова,— меня побудило... м-м... стремление к тишине и покою. Я не хочу, чтобы меня тревожили во время моих занятий. Кроме того, несчастный случай...

«Так я и думала»,— заметила про себя миссис Холл.

— ...вынуждает меня к уединению. Дело в том, что мои глаза иногда до того слабеют и начинают так мучительно болеть, что приходится запираяться в темной комнате на целые часы. Это случается время от времени. Сейчас этого, конечно, нет. Но, когда у меня приступ, малейшее беспокойство, появление чужого человека заставляют меня мучительно страдать... Я думаю, лучше предупредить вас об этом заранее.

— Конечно, мистер,— сказала миссис Холл.— Осмелюсь спросить вас...

— Это все, что я хотел сказать вам,— прервал ее приезжий тоном, не допускающим возражения.

Миссис Холл замолчала и решила отложить расспросы и изъявления сочувствия до более удобного случая.

Хозяйка удалилась, а приезжий остался стоять перед камином, свирепо глядя на мистера Хенфри, чинившего часы (так, по крайней мере, говорил потом сам мистер Хенфри). Часовщик поставил лампу возле себя, и зеленый абажур отбрасывал яркий свет на его руки и на части механизма, оставляя почти всю комнату в тени. Когда он поднимал голову, перед глазами у него плавали разноцветные пятна. Будучи от природы человеком любопытным, мистер Хенфри вынул механизм, в чем не было решительно никакой надобности, надеясь затянуть работу и, кто знает, быть может, да-

же вовлечь незнакомца в разговор. Но тот стоял молча, не двигаясь с места. Он стоял так тихо, что это начало действовать мистеру Хенфри на нервы. Ему показалось даже, что он один в комнате, но, подняв глаза, перед которыми сразу поплыли зеленые пятна, он увидел в сером полумраке неподвижную фигуру с забинтованной головой и выпуклыми синими очками. Это было до того жутко, что мистер Хенфри с минуту стоял неподвижно, глядя на незнакомца. Потом опустил глаза. Какая неловкость! Надо бы заговорить о чем-нибудь. Не сказать ли, что погода не по сезону холодная?

Он снова поднял глаза, как бы прицеливаясь.

— Погода...— начал он.

— Скоро вы кончите и уйдете?— сказал неподвижный человек, видимо еле сдерживая ярость.— Вам только и надо было сделать, что прикрепить часовую стрелку к оси, а вы тут возитесь без толку!

— Сейчас, мистер... одну минутку... Я упустил из виду...— И мистер Хенфри, быстро закончив работу, удалился, сильно, однако, раздосадованный.

«Черт подери!— ворчал Хенфри про себя, шагая сквозь мокрый снегопад.— Надо же когда-нибудь проверить часы... Скажите пожалуйста, и посмотреть-то на него нельзя! Черт знает что!.. Видно, нельзя. Он так забинтован и закутан, как будто полиция его разыскивает».

Дойдя до угла, он увидел Холла, недавно женившегося на хозяйке трактира «Кучер и кони», где остановился незнакомец. Холл возвращался со станции Сиддербридж, куда возил в айпингском омнибусе случайных пассажиров. По тому, как он правил, было ясно, что Холл малость «хватил» в Сиддербридже.

— Как поживаешь, Тедди?— окликнул он Хенфри, поравнявшись с ним.

— У вас остановился какой-то подозрительный малый,— сказал Тедди.

Холл, радуясь случаю поговорить, натянул вожжи.

— Что такое?— спросил он.

— У вас в трактире остановился какой-то подозрительный малый,— повторил Тедди.— Ей-богу...— И он стал с живостью описывать Холлу странного гостя.— С виду ни дать ни взять ряженный. Будь это мой дом,

я бы, конечно, предпочел знать в лицо своего постояльца,— сказал он.— Но женщины всегда доверчивы, когда дело касается незнакомых мужчин. Он поселился у вас, Холл, и даже не сказал своей фамилии.

— Неужели? — спросил Холл, не отличавшийся быстротой соображения.

— Да,— подтвердил Тедди.— Он заплатил за неделю вперед. Значит, кто бы он там ни был, вам нельзя будет отделаться от него раньше чем через неделю. И он говорит, у него куча багажа, который доставят завтра. Будем надеяться, что это не ящики с камнями.

Тут он рассказал, как какой-то приезжий с пустыми чемоданами надул его тетку в Хастингсе. В общем, разговор с Тедди возбудил в Холле какое-то смутное подозрение.

— Ну, трогай, старуха! — прикрикнул Холл на свою лошадь.— Надо будет навести порядок.

А Тедди, облегчив душу, пошел своей дорогой уже в лучшем настроении.

Однако, вместо того чтобы наводить порядок, Холлу по возвращении домой пришлось выслушать множество упреков за то, что он так долго пробыл в Сиддербридже, а на свои робкие вопросы о новом постояльце он получил резкие, но уклончивые ответы. Но все же семена подозрения, зароненные часовщиком в душу Холла, дали ростки.

— Вы, бабы, ничего не смыслите,— сказал мистер Холл, решив при первом же удобном случае разузнать подробней, кто такой приезжий.

И после того как постоялец ушел в свою спальню— это было около половины десятого,— мистер Холл с весьма вызывающим видом вошел в гостиную и стал внимательно оглядывать мебель, как бы желая показать этим, что тут хозяин он, а не приезжий. Он презрительно взглянул на лист бумаги с математическими выкладками, который оставил незнакомец. Ложась спать, мистер Холл посоветовал жене внимательно присмотреться, что за багаж завтра доставят постояльцу.

— Не суйся не в свое дело! — оборвала его миссис Холл.— Смотри лучше за собой, а я без тебя управлюсь.

Она тем более сердилась на мужа, что приезжий действительно был какой-то странный, и в душе она сама беспокоилась. Ночью она вдруг проснулась, увидев во сне огромные глазастые головы, похожие на брюквы, которые тянулись к ней на длинных шеях. Но, будучи женщиной рассудительной, она подавила свой страх, повернулась на другой бок и снова уснула.

Глава III

ТЫСЯЧА И ОДНА БУТЫЛКА

Итак, девятого февраля, когда только начиналась оттепель, неведомо откуда появился в Айпинге странный незнакомец. На следующий день в слякоть и распутицу его багаж доставили в трактир. И багаж этот оказался не совсем обычным. Оба чемодана, правда, ничем не отличались от тех, какие обычно бывают у путешественников; но, кроме них, прибыл ящик с книгами — большими, толстыми книгами, причем некоторые были не напечатаны, а написаны чрезвычайно неразборчивым почерком — и с дюжину, если не больше, корзин, ящиков и коробок, в которых лежали какие-то предметы, завернутые в солому; Холл, не преминувший поворошить солому, решил, что это бутылки. В то время как Холл оживленно болтал с Фиренсайдом, возницей, собираясь помочь ему перенести багаж в дом, в дверях показался незнакомец в низко надвинутой шляпе, в пальто, перчатках и шарфе. Он вышел из дому и даже не взглянул на собаку Фиренсайда, лениво обнюхивавшую ноги Холла.

— Несите ящики в комнату, — сказал он. — Я и так уж заждался.

С этими словами он спустился с крыльца и подошел к задку подводы, собираясь собственноручно унести небольшую корзину.

Завидев его, собака Фиренсайда злобно зарычала и ошетибилась; когда же он спустился с крыльца, она подскочила и вцепилась ему в руку.

— Куш! — крикнул Холл, вздрагивая, так как всегда побаивался собак.

А Фиренсайд заорал:

— Ложись! — и схватился за кнут.

Они видели, как зубы собаки скользнули по руке незнакомца, услышали звук пинка, собака подпрыгнула и вцепилась в ногу незнакомца, после чего раздался треск разрываемых брюк. В это время кончик кнута Фиренсайда настиг собаку, и она, заскулив от обиды и боли, спряталась под повозку. Все это произошло за какие-нибудь полминуты. Никто не говорил, все кричали. Незнакомец быстро взглянул на разорванную перчатку и штанину, сделал движение, будто хотел нагнуться, затем повернулся и бегом взбежал на крыльцо. Они услышали, как он торопливо прошел по коридору и застучал каблуками по деревянной лестнице, которая вела в его комнату.

— Ах ты тварь эдакая! — выругался Фиренсайд, слезая на землю с кнутом в руке, в то время как собака зорко следила за ним из-за колес. — Иди сюда! — крикнул Фиренсайд. — Не то хуже будет!

Холл стоял в смятиении, разинув рот.

— Она укусила его, — заговорил он. — Пойду посмотрю, что с ним. — И он зашагал вслед за незнакомцем.

В коридоре он встретил жену и сказал ей:

— Постояльца искусила собака Фиренсайда.

Он поднялся по лестнице. Дверь незнакомца была приоткрыта, он распахнул ее и вошел в комнату без особых церемоний, спеша выразить свое сочувствие.

Штора была спущена, и в комнате царил полумрак. Холл успел заметить что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти, занесенную над ним, и лицо, состоявшее из трех больших расплывчатых пятен на белом фоне, очень похожее на бледный цветок анютиных глазок. Потом сильный толчок в грудь отбросил его в коридор, дверь захлопнулась перед самым его носом, и он услышал, как щелкнул ключ в замке. Все это произошло так быстро, что Холл ничего не успел сообразить. Мелькание каких-то смутных теней, толчок, боль в груди — и вот он стоит на темной площадке перед дверью, спрашивая себя, что же это он такое видел.

Немного погодя он присоединился к кучке людей,

сбравшейся на улице перед трактиром. Здесь был и Фиренсайд, который уже второй раз рассказывал всю историю с самого начала, и миссис Холл, твердившая, что его собака не имеет никакого права кусать ее постояльцев; тут же стоял и Хакстерс, владелец лавки напротив, сильно заинтересованный происшествием, и Сэнди Уоджерс, кузнец, слушавший Фиренсайда с глубокомысленным видом. Сбежались и женщины и дети, каждый изрекал какую-нибудь глупость вроде: «Попробовала бы она меня укусить», «Нельзя держать таких собак» и так далее.

Мистер Холл глядел на них с крыльца, прислушивался к их разговорам, и ему уже начало казаться, что ничего необычайного он там, наверху, не видел. Да ему и слов не хватило бы, чтобы описать свои впечатления.

— Он сказал, что ему ничего не нужно, — только и ответил он на вопрос жены. — Пожалуй, надо внести багаж.

— Лучше бы сразу прижечь рану, — сказал мистер Хакстерс, — в особенности если воспалится.

— Я пристрелила бы ее! — сказала одна из женщин.

Вдруг собака снова зарычала.

— Давайте вещи! — послышался сердитый голос, и на пороге появился незнакомец, закутанный, с поднятым воротником и в низко надвинутой шляпе. — Чем скорее вы внесете их, тем лучше, — продолжал он.

По свидетельству одного из очевидцев, он успел переменить перчатки и брюки.

— Сильно она вас укусила, сударь? — спросил Фиренсайд. — Очень это мне неприятно, что моя собака...

— Пустяки, — ответил незнакомец. — Даже следа никакого нет. Поторопитесь-ка лучше с вещами.

Тут он, по утверждению мистера Холла, выругался вполголоса.

Как только первую корзину внесли по его указанию в гостиную, незнакомец нетерпеливо принялся ее распаковывать, без зазрения совести разбрасывая солому по ковру миссис Холл. Он начал вытаскивать из корзины бутылки — маленькие пузатые пузырьки с по рошками, небольшие узкие — с разноцветной или бес-

цветной жидкостью, изогнутые склянки с надписью «яд», круглые бутылки с тонким горлышком, большие бутылки из зеленого и белого стекла, бутылки со стеклянными пробками и вытравленными на них надписями, бутылки с притертыми пробками, с деревянными затычками, из-под вина и прованского масла. Все эти бутылки он расставил рядами на комод, на каминной доске, на столе, на подоконнике, на полу, на этажерке — всюду. В брэмблхерстской аптеке не набралось бы и половины такой уймы бутылок. Получилось внушительное зрелище. Он распаковывал корзину за корзиной, и во всех были бутылки. Наконец все ящики и корзины опустели, а на столе выросла гора соломы; кроме бутылок, в корзинах оказалось еще немало пробирок и тщательно завернутые весы.

Освободив все корзины, незнакомец отошел к окну и немедленно принялся за работу, не обращая ни малейшего внимания на кучу соломы, на потухший камин, на ящик с книгами, оставшийся на улице, на чемоданы и остальной багаж, который был уже внесен наверх.

Когда миссис Холл подала ему обед, он был так поглощен своей работой — переливанием по каплям жидкости из бутылок в пробирки, — что даже не заметил ее присутствия. И только когда она убрала солому и поставила поднос на стол, быть может, несколько более шумно, чем раньше, так как ее взволновало плачевное состояние ковра, он быстро взглянул в ее сторону и тотчас отвернулся. Она успела заметить, что он был без очков: они лежали возле него на столе, и ей показалось, что его глазные впадины необычайно глубоки. Он надел очки, повернулся и посмотрел ей в лицо. Она собиралась уже высказать свое недовольство по поводу соломы на полу, но он предупредил ее.

— Я просил бы вас не входить в комнату без стука, — сказал он с необычайным раздражением, которое, видимо, легко вспыхивало в нем по малейшему поводу.

— Я постучалась, но должно быть...

— Быть может, вы и стучали. Но во время моих исследований — исследований чрезвычайно важных и необходимых — малейшее беспокойство, скрип двери... Я попросил бы вас...

— Конечно, мистер. Если вам угодно, вы можете запирать дверь на ключ. В любое время.

— Очень удачная мысль! — сказал незнакомец.

— Но эта солома, сударь... Осмелюсь заметить...

— Не надо! Если солома вас беспокоит, поставьте ее в счет. — И он пробормотал про себя что-то очень похожее на ругательство.

Он стоял перед хозяйкой с воинственным и раздраженным видом, держа в одной руке бутылку, а в другой — пробирку, и весь его облик был так странен, что миссис Холл смутилась. Но она была особа решительная.

— В таком случае, — заявила она, — я бы хотела знать, сколько вы полагаете...

— Шиллинг. Поставьте шиллинг. Я думаю, этого достаточно?

— Хорошо, пусть будет так, — сказала миссис Холл, принимаясь накрывать на стол. — Конечно, если вы согласны...

Незнакомец отвернулся и сел спиной к ней.

До самого вечера он работал, запершись на ключ и, как уверяла миссис Холл, почти в полной тишине. Только один раз послышался стук и звон стекла, как будто кто-то толкнул стол и с размаху швырнул на пол бутылку, а затем раздались торопливые шаги по ковру. Опасаясь, уж не случилось ли чего-нибудь, хозяйка подошла к двери и, не стуча, стала прислушиваться.

— Ничего не выйдет! — кричал он в ярости. — Не выйдет! Триста тысяч, четыреста тысяч! Это необъятно! Обманут! Вся жизнь уйдет на это! Терпение! Легко сказать! Дурак, дурак!

Тут кто-то вошел в трактир, послышались тяжелые шаги, и миссис Холл должна была волей-неволей отойти от двери, не дослушав.

Когда она вернулась, в комнате снова было совсем тихо, если не считать слабого скрипа кресла и случайного позвякивания бутылок. Очевидно, незнакомец снова принялся за работу.

Когда она принесла чай, то увидела в углу комнаты, под зеркалом, разбитые бутылки и золотистое, небрежно вытертое пятно. Она обратила на это его внимание.

— Поставьте все это в счет,— огрызнулся он.— И, ради бога, не мешайте мне! Если я причиняю вам какой-нибудь убыток, ставьте в счет.— И он снова принялся делать пометки в лежавшей перед ним тетради...

— Знаете, что я вам скажу? — таинственно начал Фиренсайд; разговор происходил вечером того же дня в пивной.

— Ну? — спросил Тедди Хенфри.

— Этот человек, которого укусила моя собака... Ну, так вот: он чернокожий. По крайней мере, ноги у него черные. Я это заметил, когда собака порвала ему штаны и перчатку. Можно было ожидать, что сквозь дыры будет видно розовое тело, правда? Ну, а на самом деле ничего подобного. Одна только чернота. Верно вам говорю: он так же черен, как моя шляпа.

— Господи помилуй! — воскликнул Хенфри.— Вот тебе нá! А ведь нос-то у него самый что ни на есть розовый.

— Так-то оно так,— сказал Фиренсайд,— это верно. Только вот что я тебе скажу, Тедди. Малый этот пегий: где черный, а где белый, пятнами. И он этого стыдится. Он вроде какой-нибудь помеси, так сказать, разномастный, только масти, вместо того чтобы перемешаться, пошли пятнами. Я и раньше слышал о таких случаях. А у лошадей это бывает сплошь и рядом, спроси кого хочешь.

Глава IV

МИСТЕР КАСС ИНТЕРВЬЮИРУЕТ НЕЗНАКОМЦА

Я так подробно изложил обстоятельства, сопровождавшие приезд незнакомца в Айпинг, для того, чтобы читателю стало понятно всеобщее любопытство, вызванное его появлением. Что же касается его пребывания там до знаменательного дня клубного праздника, то на этом, за исключением двух странных происшествий, можно почти не останавливаться. Иногда у него бывали столкновения с миссис Холл на хозяйственной

почве, из которых постоялец всегда выходил победителем, тотчас же предлагая дополнительную плату, и так продолжалось до конца апреля, когда у него стали обнаруживаться первые признаки безденежья.

Холл недолго любил его и при всяком удобном случае повторял, что надо от него избавиться, но неприязнь эта выражалась главным образом в том, что Холл старался по возможности избегать встреч с постояльцем.

— Потерпи до лета, — урезонивала его миссис Холл. — Начнут съезжаться художники, тогда посмотрим. Он, конечно, нахал, не спорю, но зато аккуратно платит по счетам, этого у него отнять нельзя, что ни толкуй.

Постоялец в церковь не ходил и не делал никакого различия между воскресеньем и буднями, даже одевался и то всегда одинаково. Работал он, по мнению миссис Холл, весьма нерегулярно. В иные дни он спускался в гостиную с раннего утра и работал подолгу. В другие же вставал поздно, расхаживал по комнате, целыми часами громко ворчал, курил или дремал в кресле у камина. Сношений с внешним миром у него не было никаких. Настроение его по-прежнему оставалось чрезвычайно неровным: по большей части он вел себя как человек до крайности раздражительный, а несколько раз у него были припадки бешеной ярости, и он швырял, рвал и ломал все, что попадалось под руку. Казалось, он постоянно находится в чрезвычайном возбуждении. Он все чаще разговаривал вполголоса с самим собой, но миссис Холл ничего не могла понять, хотя усердно подслушивала.

Днем он редко выходил из дому, но в сумерки гулял, закутанный так, что его лица нельзя было увидеть — все равно, было ли на дворе холодно или тепло, и выбирал для прогулок самые уединенные тропинки, затененные деревьями или огражденные насыпью. Его темные очки и страшное забинтованное лицо под широкополой шляпой иногда пугали в темноте возвращавшихся домой рабочих; а Тедди Хенфри однажды, выйдя, пошатываясь, из трактира «Красный камзол» в половине десятого вечера, чуть не умер со страху, увидев похожую на череп голову незнакомца (тот гу-

для со шляпой в руке). Детям, увидевшим его в сумерках, ночью снились страшные сны. Мальчишки терпеть его не могли, и он их тоже; трудно сказать, кто кого больше не любил, но, во всяком случае, неприязнь была взаимная и очень острая.

Нет ничего удивительного, что человек такой паразитической наружности и такого странного поведения доставлял жителям Айпинга обильную пищу для разговоров. Относительно его занятий мнения расходились. Миссис Холл в этом деле была весьма щепетильна. На вопрос, что он делает, она обыкновенно отвечала с большой торжественностью, что он занимается «экспериментальными исследованиями», — эти слова она произносила очень медленно и осторожно, точно боясь оступиться. Когда же ее спрашивали, что это означает, она говорила с оттенком некоторого превосходства, что это известно всякому образованному человеку, и поясняла: «Он делает разные открытия». С ее постояльцем произошел несчастный случай, рассказывала она, руки и лицо его потеряли свой естественный цвет, а так как он человек весьма чувствительный, то старается не показываться в таком виде на людях.

Но за спиной миссис Холл распространялся упорный слух, что ее постоялец — преступник, который скрывается от правосудия и старается с помощью своего удивительного наряда сбить с толку полицию. Впервые эта догадка зародилась в голове у мистера Тедди Хенфри. Впрочем, ни о каком сколько-нибудь громком преступлении, которое имело бы место за последние недели, не было известно. Поэтому мистер Гоулд, школьный учитель, несколько видоизменил эту догадку: по его мнению, постоялец миссис Холл был анархист, занимающийся изготовлением взрывчатых веществ, и он решил посвятить свое свободное время слежке за незнакомцем. Слежка заключалась главным образом в том, что при встречах с незнакомцем мистер Гоулд упорно глядел на него и расспрашивал о нем людей, которые никогда его не видели. Тем не менее мистеру Гоулду не удалось ничего узнать.

Было много сторонников версии, выдвинутой Фиренсайдом, что незнакомец пегий или что-нибудь в этом

роде. Так, например, Сайлас Дэрган не раз говорил, что если бы незнакомец решился показывать себя на ярмарках, то нажил бы состояние, и даже ссылался на известный из Библии случай с человеком, зарывшим свой талант в землю. Другие считали, что незнакомец страдает тихим помешательством. Этот взгляд имел то преимущество, что разом объяснял все.

Кроме стойких приверженцев этих основных течений в общественном мнении Айпинга, были люди колеблющиеся и готовые на уступки.

Жители графства Суссекс мало подвержены суеверию, и первые догадки о сверхъестественной природе незнакомца появились лишь после апрельских событий, да и то этому верили одни женщины.

Но каковы бы ни были мнения о незнакомце отдельных жителей Айпинга, неприязнь к нему была всеобщей и единодушной. Его раздражительность, которую мог бы понять горожанин, занимающийся умственным трудом, неприятно поражала уравновешенных суссекских жителей. Яростная жестикуляция, стремительная походка, ночные прогулки, когда он неожиданно в темноте выскакивал из-за угла в самых безлюдных местах, бесцеремонное пресечение всех попыток вовлечь его в беседу, страсть к потемкам, побуждавшая его запираť двери, спускать шторы, тушить свечи и лампы, — кто мог бы примириться с этим? Когда незнакомец проходил по улице, встречные сторонились его, а за его спиной местные шутники, подняв воротник пальто и низко надвинув шляпу, подражали его нервной походке и загадочному поведению. В то время пользовалась популярностью песенка «Человек-призрак». Мисс Стэтчел спела ее на концерте в школе — сбор пошел на покупку ламп для церкви; и после этого, как только на улице появлялся незнакомец, тотчас же кто-нибудь начинал насвистывать — громко или тихо — мотив этой песенки. Даже запоздавшие ребята, спеша вечером домой, кричали ему вслед: «Человек-призрак!» — и мчались дальше, замирая от страха и восторга.

Касс, местный врач, сгорал от любопытства. Забинтованная голова вызывала в нем чисто профессиональный интерес; слухи же о тысяче и одной бутылке воз-

буждали его завистливое почтение. Весь апрель и май он искал случая заговорить с незнакомцем. Наконец не выдержал и накануне троицы решил пойти к нему, воспользовавшись как предлогом подписным листом в пользу сиделки местной больницы. Он был поражен, узнав, что миссис Холл не знает имени своего постояльца.

— Он назвал себя,— сказала миссис Холл (это утверждение было лишено всякого основания),— но я не расслышала.

Ей неловко было сознаться, что постоялец и не думал называть себя.

Касс постучал в дверь гостиной и вошел. Оттуда послышалась невнятная брань.

— Прошу извинения за то, что вторгаюсь к вам,— проговорил Касс, после чего дверь закрылась и дальнейшего разговора миссис Холл уже не слышала.

В течение десяти минут до нее долетал только неясный гул голосов; затем раздался возглас удивления, шарканье ног, грохот отброшенного стула, отрывистый смех, быстрые шаги, и на пороге появился Касс, бледный, с вытаращенными глазами. Оставив дверь открытой и не взглянув на хозяйку, он прошел по коридору, спустился с крыльца и быстро зашагал по улице. Шляпу он держал в руке. Миссис Холл зашла за стойку, стараясь взглянуть через открытую дверь в комнату постояльца. Она услышала негромкий смех, потом шаги. Со своего места она не могла видеть его лица. Потом дверь гостиной захлопнулась, и все стихло.

Касс направился прямо к викарию Бантингу.

— Скажите, я сошел с ума? — произнес он отрывисто, едва войдя в скромный кабинет викария. — Похож я на помешанного?

— Что случилось? — спросил викарий, кладя раковину, заменявшую ему пресс-папье, на листы своей очередной проповеди.

— Этот субъект, постоялец Холлов...

— Ну?

— Дайте мне выпить чего-нибудь,— сказал Касс и опустился на стул.

Когда Касс несколько успокоился с помощью стакана дешевого хереса — других напитков у добрейше-

го викария не бывало, — он стал рассказывать о своей встрече с незнакомцем.

— Вхожу, — начал он задыхающимся голосом, — и прошу подписаться в пользу сиделки. Как только я вошел, он сунул руки в карманы и плюхнулся в кресло. «Вы интересуетесь наукой, как я слышал?» — начал я. «Да», — ответил он и фыркнул. Все время фыркал. Простудился, должно быть. Да и не мудрено, раз человек так кутается. Я стал распространяться насчет сиделки, а сам озираюсь по сторонам. Повсюду бутылки, химические препараты. Тут же весы, пробирки, и пахнет ночными фиалками. Не угодно ли ему подписаться? «Подумаю», — говорит. Тут я прямо спросил его, занимается ли он научными изысканиями. «Да», — говорит. «Длительные изыскания?» Его злость взяла. «Чертовски длительные!» — выпалил он. «Вот как?» — говорю я. Ну, тут и пошло. Он уже раньше весь так и кипел, и мой вопрос был последней каплей. Он получил от кого-то рецепт, чрезвычайно ценный рецепт; для какой цели, этого он не может сказать. «Медицинский?» — «Черт побери. А вам какое дело?» Я извинился. Он снисходительно фыркнул, откашлялся и продолжал. Рецепт он прочел. Пять ингредиентов. Положил на стол, отвернулся. Вдруг шорох: бумажку подхватило сквозняком. Каминная труба была открыта. Пламя вспыхнуло, и не успел он оглянуться, как рецепт сгорел и пепел вылетел в трубу. Бросился к камину — поздно. Вот. Тут он безнадежно махнул рукой.

— Ну?

— А руки-то и нет — пустой рукав. «Господи, — подумал я, — вот калека-то! Вероятно, у него деревянная рука и он ее снял. И все-таки, — подумал я, — тут что-то неладно. Как же это рукав не повиснет, если в нем ничего нет?» А в нем ничего не было, уверяю вас. Совершенно пустой рукав, до самого локтя. Я видел, что рукав пуст, и, кроме того, прореха светилась насквозь. «Боже милосердный!» — воскликнул я. Тогда он замолчал. Уставился своими синими очками сначала на меня, потом на свой рукав.

— Ну?

— И все. Не сказал ни слова, только глянул на ме-

ня и быстро засунул рукав в карман. «Я, кажется, остановился на том, как рецепт сгорел?» Он вопросительно кашлянул. «Как это вы, черт возьми, умудряетесь двигать пустым рукавом?» — спросил я. «Пустым рукавом?» — «Ну да, — сказал я, — пустым рукавом». — «Так это, по-вашему, пустой рукав? Вы видели, что он пустой?» Он поднялся с кресла. Я тоже встал. Тогда он медленно сделал три шага, подошел ко мне и стал совсем вплотную. Язвительно фыркнул. Я стоял спокойно, хотя, честное слово, это забинтованное страшилище с круглыми очками хоть кого испугало бы. «Так вы говорите, рукав пустой?» — сказал он. «Конечно», — ответил я. Тогда этот нахал снова уставился на меня своими стеклами. А потом преспокойно вытянул рукав из кармана и протянул его мне, как будто хотел снова показать. Все это он проделал очень медленно. Я посмотрел на рукав. Казалось, прошла целая вечность. «Ну вот, — сказал он, откашлявшись, — в нем ничего нет». Что-то надо было сказать. Мне стало страшно. Я видел весь рукав насквозь. Он вытягивал его медленно-медленно — вот так, — пока обшлаг не очутился дюймах в шести от моего лица. Странное это ощущение — видеть, как приближается пустой рукав... А потом...

— Ну?

— Чем-то — мне показалось, большим и указательным пальцами — он потянул меня за нос.

Бантинг засмеялся.

— Но там не было ничего! — сказал Касс, чуть не взвизгнув, когда произносил «ничего». — Хорошо вам смеяться, а я был так ошеломлен, что ударил по обшлагу рукава, повернулся и выбежал из комнаты...

Касс замолчал. В неприятии его испуга нельзя было сомневаться. Он беспомощно повернулся и выпил еще стакан скверного хереса, которым угощал его добрейший викарий.

— Когда я хватил его по рукаву, — сказал он, — то, уверяю вас, я почувствовал, что бью по руке. А руки там не было. И намека на руку не было.

Мистер Бантинг задумался. Потом подозрительно посмотрел на Касса.

— Это в высшей степени любопытная история,— сказал он с весьма глубокомысленным и серьезным видом.— Безусловно, история в высшей степени любопытная,— повторил он еще более внушительно.

Глава V

КРАЖА СО ВЗЛОМОМ В ДОМЕ ВИКАРИЯ

О краже со взломом в доме викария мы узнали главным образом из рассказов самого викария и его жены. Это случилось перед рассветом в духов день; в этот день айпингский клуб устраивает ежегодные празднества. Миссис Бантинг внезапно проснулась в предрассветной тишине с отчетливым ощущением, что дверь спальни хлопнула. Сначала она решила не будить мужа, а села на кровати и стала прислушиваться. Она явственно различила шлепанье босых ног, словно кто-то вышел из туалетной комнаты и направился по коридору к лестнице. Тогда она как можно осторожнее разбудила мистера Бантинга. Проснувшись и узнав, в чем дело, он решил не зажигать огня, но, надев очки, капот жены и сунув ноги в купальные туфли, вышел на площадку. Он совершенно ясно услышал возню в своем кабинете внизу, потом там кто-то громко чихнул.

Тогда он вернулся в спальню, вооружился самым надежным оружием, какое нашлось,— кочергой, и сошел с лестницы, стараясь не шуметь. Миссис Бантинг вышла на площадку.

Было около четырех часов; ночной мрак редел. В прихожей уже брезжил свет, но дверь кабинета зияла черной дырой. В тишине слышен был только слабый скрип ступенек под ногами мистера Бантинга и легкое движение в кабинете. Потом что-то щелкнуло, слышно было, как открылся ящик, зашуршали бумаги. Послышалось ругательство, вспыхнула спичка, и кабинет осветился желтым светом. В это время мистер Бантинг был уже в прихожей и через приотворенную дверь увидел письменный стол, выдвинутый ящик и свечу, горевшую на столе. Но вора ему не было видно. Он стоял в прихожей, не зная, что предпринять, а позади него

медленно спускалась с лестницы бледная, перепуганная миссис Бантинг. Одно обстоятельство поддерживало мужество мистера Бантинга: убеждение, что вор принадлежит к числу местных жителей.

Затем они услышали звон монет и поняли, что вор нашел деньги, отложенные на хозяйство, — два фунта полусovereнами и десять шиллингов. Звон монет мгновенно вывел мистера Бантинга из нерешительности. Крепко сжав в руке кочергу, он ворвался в кабинет; миссис Бантинг следовала за ним по пятам.

— Сдавайся! — яростно крикнул мистер Бантинг и остановился пораженный: в комнате никого не было.

И все же, вне всякого сомнения, минуту назад здесь кто-то двигался. С полминуты супруги стояли разинув рты, потом миссис Бантинг заглянула за ширмы, а мистер Бантинг, побуждаемый тем же чувством, посмотрел под стол. Затем миссис Бантинг отдернула оконные занавески, а мистер Бантинг осмотрел камин и пошарил в трубе кочергой. Миссис Бантинг перерыла корзину для бумаг, а мистер Бантинг открыл ящик с углем. Продавав все это, они в недоумении устали друг на друга.

— Я готов поклясться... — сказал мистер Бантинг. — А свеча! — воскликнул он. — Кто зажег свечу?

— А ящик! — сказала миссис Бантинг. — И куда девались деньги? — Она поспешно пошла к дверям.

— В жизни своей ничего подобного...

В коридоре кто-то громко чихнул. Они выбежали из комнаты и тут же услышали, как хлопнула дверь кухни.

— Принеси свечу, — сказал мистер Бантинг и пошел вперед.

Оба ясно слышали стук торопливо отодвигаемых засовов.

Открывая дверь на кухню, мистер Бантинг увидел, что парадная дверь отворяется и в слабом утреннем свете мелькнула темная зелень сада. Но он уверял, что в дверь никто не вышел. Она открылась, а потом со стуком захлопнулась. Пламя свечи, которую несла миссис Бантинг, замигало и вспыхнуло ярче. Прошло несколько минут, прежде чем они вошли в кухню.

Там никого не оказалось. Они снова заперли на за-

сов входную дверь, тщательно обыскали кухню, чулан, буфетную и наконец спустились в погреб. Но, несмотря на самые тщательные поиски, они никого не обнаружили.

Утро застало vikария и его жену в весьма странном наряде; они все еще сидели в нижнем этаже своего домика при ненужном уже свете догоравшей свечи и терялись в догадках.

— В жизни своей ничего подобного... — в двадцатый раз начал vikарий.

— Дорогой мой, — прервала его миссис Бантинг, — вот идет Сюзии. Пусть она пройдет в кухню, и пойдем оденемся.

Глава VI

ВЗБЕСИВШАЯСЯ МЕБЕЛЬ

В это же утро, на рассвете духовая дня, когда даже служанка Милли еще спала, мистер и миссис Холл встали с постели и бесшумно спустились в погреб. Там у них было дело совершенно особого характера, имевшее некоторое отношение к специфической крепости их пива.

Не успели они войти в погреб, как миссис Холл вспомнила, что забыла захватить бутылочку с сарсапарелью, которая стояла у них в спальне. Так как главным знатоком и мастером предстоящего дела была она, то наверх за бутылкой отправился Холл.

На площадке лестницы он с удивлением заметил, что дверь в комнату постояльца приоткрыта. Пройдя в спальню, он нашел бутылку на указанном женой месте.

Но, возвращаясь обратно в погреб, он заметил, что засовы выходной двери отодвинуты и дверь закрыта просто на щеколду. Осененный внезапной мыслью, он сопоставил это обстоятельство с открытой дверью в комнату постояльца и предположениями мистера Тедди Хенфри. Он ясно помнил, что сам держал свечку, когда миссис Холл задвигала засовы на ночь. Он остался пораженный; затем, все еще держа бутылку

в руке, снова поднялся наверх и постучал в дверь постояльца. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, затем распахнул дверь настежь и вошел в комнату.

Все оказалось так, как он и ожидал. Комната была пуста, постель не тронута. На кресле и на спинке кровати была разбросана одежда незнакомца и его бинты, широкополая шляпа и та торчала на столбике кровати. Это обстоятельство показалось чрезвычайно странным даже не слишком сообразительному Холлу, тем более что другого платья, насколько он знал, у постояльца не было.

Стоя в недоумении посреди комнаты, он слышал снизу, из погреба, голос своей жены; захлебывающаяся скороговорка и высокие, визгливые ноты, характерные для жителей Западного Суссекса, изобличали крайнее нетерпение.

— Джордж! — кричала она. — Ты нашел что нужно? Он повернулся и поспешил к жене.

— Дженни! — крикнул он, нагибаясь над лестницей, ведущей в погреб. — А ведь Хенфри-то прав. Жильца в комнате нет. И засов на парадной двери снят.

Сначала миссис Холл не поняла, о чем речь, но, сообразив, в чем дело, решила сама осмотреть пустую комнату. Холл, все еще с бутылкой в руках, пошел вперед.

— Его самого нет, а одежда тут, — сказал он. — Где ж он шляется голый? Странное дело!

Когда они поднимались по лестнице из погреба, им обоим, как выяснилось впоследствии, почудилось, что кто-то открыл и снова закрыл парадную дверь; но так как они нашли ее закрытой, то в ту минуту они об этом ничего друг другу не сказали. В коридоре миссис Холл опередила своего мужа и взбежала по лестнице первая. В это время на лестнице кто-то чихнул. Холл, отставший от жены на шесть ступенек, подумал, что это она чихает; она же была убеждена, что чихнул он. Поднявшись наверх, она распахнула дверь и стала осматривать комнату незнакомца.

— В жизни своей ничего подобного не видела! — сказала она.

В это время сзади над самым ее ухом кто-то фыркнул, она обернулась и, к величайшему своему удивле-

нию, увидела, что Холл стоит шагах в двенадцати от нее, на верхней ступеньке лестницы. Он сразу же пошел к ней. Она наклонилась и стала ощупывать подушку и белье.

— Холодное,— сказала она.— Его нет уже с час, а то и больше.

Не успела она произнести эти слова, как произошло нечто в высшей степени странное: постельное белье свернулось в узел, который тут же перепрыгнул через спинку кровати. Казалось, чья-то рука скомкала одеяло и простыни и бросила на пол. Вслед за этим шляпа незнакомца соскочила со своего места, описала в воздухе дугу и шлепнулась прямо в лицо миссис Холл. За ней с такой же быстротой полетела с умывальника губка; затем кресло, небрежно сбросив с себя пиджак и брюки постояльца и рассмеявшись сухим смехом, чрезвычайно похожим на смех постояльца, повернулось всеми четырьмя ножками к миссис Холл и, нацелившись, бросилось на нее. Она вскрикнула и повернулась к двери, а ножки кресла осторожно, но решительно уперлись в ее спину и вытолкали ее вместе с Холлом из комнаты. Дверь захлопнулась, замок щелкнул. Кресло и кровать, по-видимому, еще поплясали немного, как бы торжествуя победу, а затем все стихло.

Миссис Холл почти без чувств повисла на руках у мужа. Мистеру Холлу с величайшим трудом удалось при помощи Милли, которая успела проснуться от крика и шума, снести ее вниз и дать ей укрепляющих капель.

— Это духи,— сказала миссис Холл, придя наконец в себя.— Я знаю, это духи. Я читала про них в газетах. Столы и стулья начинают прыгать и танцевать...

— Выпей еще немножко, Дженни,— прервал ее Холл.— Это подкрепит тебя.

— Запри дверь,— сказала миссис Холл.— Смотри не впускай его больше. Я все время подозревала... Как это я не догадалась! Глаз не видно, голова забинтована и в церковь по воскресеньям не ходит. А сколько бутылок!.. На что порядочному человеку столько бутылок! Он напустил духов в мебель... Моя милая старая мебель! В этом кресле любила сидеть моя дорогая

матушка, когда я была еще маленькой девочкой. И подумать только, оно поднялось теперь против меня!..

— Выпей еще капель, Дженни,— сказал Холл,— у тебя нервы совсем расстроены.

Было уже пять часов, лучи утреннего солнца заливали улицу. Супруги послали Милли разбудить мистера Сэнди Уоджерса, кузнеца, который жил напротив.

— Хозяин вам кланяется,— сказала ему Милли.— И у нас что-то стряслось с мебелью. Может, вы зайдете и поглядите?

Мистер Уоджерс был человек весьма сведущий и смысленный. Он отнесся к рассказу Милли серьезно.

— Это колдовство, головой ручаюсь,— сказал он.— Такому постояльцу только копыт не хватает.

Он пришел сильно озабоченный. Мистер и миссис Холл хотели было подняться с ним наверх, но он, по-видимому, с этим не спешил. Он предпочитал продолжать разговор в коридоре. Из табачной лавки Хакстерса вышел приказчик и стал открывать ставни. Его пригласили принять участие в обсуждении случившегося. За ним через несколько минут подошел, конечно, сам мистер Хакстерс. Англосаксонский парламентский дух проявился здесь полностью: говорили много, но за дело не принимались.

— Установим сначала факты,— настаивал мистер Сэнди Уоджерс.— Обсудим, вполне ли будет правильно с нашей стороны взломать дверь в его комнату? Запертую дверь всегда можно взломать, но раз дверь взломана, ее не сделаешь невзломанной.

Но вдруг, ко всеобщему удивлению, дверь в комнату постояльца открылась сама, и, взглянув наверх, они увидели закутанную фигуру незнакомца, спускавшегося по лестнице и пристально смотревшего на них злобным взглядом сквозь свои темно-синие очки. Медленно, деревянной походкой он спустился с лестницы, прошел по коридору и остановился.

— Смотрите,— сказал он, вытянув палец в перчатке.

Взглянув в указанном направлении, они увидели у самой двери погреба бутылку с сарсапарелью. А незнакомец вошел в гостиную и неожиданно быстро, со злобностью захлопнул дверь перед самым их носом.

Никто не произнес ни слова, пока не замер стук захлопнутой двери. Все молча переглядывались.

— Признаюсь, это уже верх...— начал мистер Уоджерс и не закончил фразы.— Я бы на вашем месте пошел и спросил его, что все это значит,— сказал Уоджерс Холлу.— Я потребовал бы объяснения.

Понадобилось некоторое время, чтобы убедить хозяина решиться на это. Наконец он постучался в дверь, открыл ее и начал:

— Простите...

— Убирайтесь к черту! — крикнул в бешенстве незнакомец.— Затворите дверь!

На этом объяснение и закончилось.

Глава VII

РАЗОБЛАЧЕНИЕ НЕЗНАКОМЦА

Незнакомец вошел в гостиную около половины шестого утра и оставался там приблизительно до полудня; шторы в комнате были спущены, дверь заперта, и после неудачи, постигшей Холла, никто не решался войти туда.

Все это время незнакомец, очевидно, ничего не ел. Три раза он звонил, причем в третий раз долго и сердито, но никто не отозвался.

— Ладно, я ему покажу «убирайтесь к черту»! — ворчала про себя миссис Холл.

Слух о ночном происшествии в доме викария уже успел распространиться, и между обоими событиями усматривали некую связь. Холл в сопровождении Уоджерса отправился к судье мистеру Шэклфорсу, чтобы с ним посоветоваться. Наверх подняться никто не решался. Чем занимался все это время незнакомец, неизвестно. Иногда он нетерпеливо шагал из угла в угол, два раза из его комнаты доносились ругательства, шуршание разрываемой бумаги и звон разбиваемых бутылок.

Кучка испуганных, но сгоравших от любопытства людей все росла. Пришла миссис Хакстерс, а потом несколько бойких молодых парней, вырядившихся по

случаю праздника в черные пиджаки и галстуки из белого пике; они стали задавать нелепые вопросы. Арчи Харкер оказался смелее всех: он вошел во двор и постарался заглянуть под опущенную штору. Разглядеть он не мог ничего, но дал понять, будто видит что-то, и к нему присоединился еще кто-то из айпингского молодого поколения.

День для праздника выдался на славу — теплый и ясный. На деревенской улице появились с десятков ларьков и тир для стрельбы, а на лужайке перед кузницей стояли три полосатых желто-коричневых фургона, и какие-то люди в живописных костюмах устраивали приспособление для метания кокосовых орехов.

Мужчины были в синих свитерах, дамы — в белых передниках и модных шляпах с большими перьями. Уоджерс из «Красной лани» и мистер Джеггерс, сапожник, торговавший также подержанными велосипедами, протягивали поперек улицы гирлянду из национальных флагов и королевских штандартов (оставшихся от празднования юбилея королевы Виктории).

А в полутемной гостиной с занавешенными окнами, куда проникал лишь слабый свет, незнакомец, вероятно голодный и злой, задыхаясь от жары в своих повязках, глядел сквозь темные очки на листок бумаги, позвякивая грязными бутылками, и неистово ругал собравшихся под окном невидимых мальчишек. В углу у камина валялись осколки полудюжины разбитых бутылок, а в воздухе стоял едкий запах хлора. Вот все, что нам известно по рассказам очевидцев, и такой вид имела комната, когда в нее вошли.

Около полудня незнакомец внезапно открыл дверь гостиной и остановился на пороге, пристально глядя на трех-четырех человек, сгрудившихся у стойки.

— Миссис Холл! — крикнул он.

Кто-то нехотя вышел из комнаты позвать хозяйку.

Появилась миссис Холл, несколько запыхавшаяся, но весьма решительная. Мистер Холл еще не вернулся. Она все уже обдумала и потому принесла на небольшом подносике неоплаченный счет.

— Вы хотите уплатить по счету? — спросила она.

— Почему мне не подали завтрака? Почему вы не

приготовили мне поесть и не отзывались на звонки? Вы думаете, я могу обходиться без еды?

— А почему вы не уплатили по счету? — возразила миссис Холл. — Вот что я желала бы знать.

— Еще третьего дня я сказал вам, что жду денежного перевода...

— А я еще вчера сказала вам, что не намерена ждать никаких переводов. Нечего ворчать, что завтрак запаздывает, если по счету уже пять дней не плачено.

Постоялец кратко, но энергично выругался.

— Легче, легче! — раздалось из распивочной.

— Я прошу вас, мистер, держать свои ругательства при себе! — сказала миссис Холл.

Постоялец замолчал и стоял на пороге, похожий в своих очках на рассерженного водолаза. Посетители трактира чувствовали, что перевес на стороне миссис Холл. Дальнейшие слова незнакомца подтвердили это.

— Послушайте, голубушка... — начал он.

— Я вам не голубушка! — сказала миссис Холл.

— Говорю вам, я еще не получил перевода...

— Уж какой там перевод! — сказала миссис Холл.

— Но в кармане у меня...

— Третьего дня вы сказали, что у вас и совершена не наберется.

— Ну, а теперь я нашел побольше.

— Ого! — раздалось из распивочной.

— Хотела бы я знать, где это вы нашли деньги, — сказала миссис Холл.

Это замечание, по-видимому, не понравилось незнакомцу. Он топнул ногой.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Только то, что я хотела бы знать, откуда у вас деньги, — сказала миссис Холл. — И прежде чем подавать вам счета, готовить завтрак или вообще что-либо делать для вас, я попрошу вас объяснить некоторые вещи, которых я не понимаю и никто не понимает, но которые мы все хотим понять. Я хочу знать, что вы делали наверху с моим креслом; хочу знать, как это ваша комната оказалась пустой и как вы опять туда попали. Мои постояльцы входят и выходят через двери, так у меня заведено, вы же делаете по-другому, и я хочу знать, как вы это делаете. И еще...

Незнакомец вдруг поднял руки, обтянутые перчатками, сжал кулаки, топнул ногой и крикнул: «Стойте!» — так иступленно, что миссис Холл немедленно умолкла.

— Вы не понимаете, — сказал он, — кто я и чем занимаюсь. Я покажу вам. Как бог свят, покажу! — При этих словах он приложил руку к лицу и сейчас же отнял ее. Посреди лица зияла пустая впадина. — Держите, — сказал он и, шагнув к миссис Холл, подал ей что-то.

Не сводя глаз с его преобразившегося лица, миссис Холл машинально взяла протянутую ей вещь. Затем, рассмотрев, что это, она громко вскрикнула, уронила ее на пол и попятилась. По полу покатился нос — нос незнакомца, розовый, лоснящийся.

Затем он снял очки, и все вытаращили глаза от удивления. Он снял шляпу и стал яростно срывать бакенбарды и бинты. Они не сразу поддались его усилиям. Все замерли в ужасе.

— О господи! — вымолвил кто-то.

Наконец бинты были сорваны.

То, что предстало взорам присутствующих, превзошло все ожидания. Миссис Холл, стоявшая с разинутым ртом, дико вскрикнула и побежала к дверям. Все вскочили с мест. Ожидали увидеть ужасные раны, уродства, а тут — ничего. Бинты и парик полетели в распивочную, едва не задев стоявших там. Все кинулись прочь с крыльца, натываясь друг на друга, ибо на пороге гостиной, выкрикивая бессвязные объяснения, стояла фигура, похожая на человека вплоть до зоротника пальто, а выше не было ничего. Решительно ничего.

Жители Айпинга слышали крики и шум, доносившиеся из трактира «Кучер и кони», и увидели, как откуда стремительно выбегают посетители. Они увидели, как миссис Холл упала и как мистер Тедди Хенфри подпрыгнул, чтобы не споткнуться о нее. Потом они слышали истошный крик Милли, которая, выскочив из кухни на шум, неожиданно наткнулась на безголового незнакомца. Крик сразу оборвался.

После этого все, кто был на улице — продавец слюстей, владелец балагана для метания в цель и его

помощник, хозяин качелей, мальчишки и девчонки, деревенские франты, местные красотки, старики в блузах и цыгане в фартуках,— ринулись к трактиру. Не прошло и минуты, как перед заведением миссис Холл собралось человек сорок; толпа быстро росла, все шумели, толкались, орали, вскрикивали, задавали вопросы, строили догадки. Никто никого не слушал, и все говорили сразу — настоящее столпотворение. Несколько человек поддерживали миссис Холл, которую поднимали с земли почти без памяти. Среди общего смятения один из очевидцев, стараясь перекричать всех, давал ошеломляющие показания.

— Оборотень!

— Что же он натворил?

— Ранил служанку.

— Кажется, кинулся на них с ножом.

— Не для красного словца, а в самом деле без головы!

— Говорят вам, нет головы на плечах!

— Пустяки! Наверное, какой-нибудь фокус.

— Как снял он бинты...

Стараясь заглянуть в открытую дверь, толпа образовала живой клин, острие которого, направленное в дверь трактира, составляли самые отчаянные смельчаки.

— Он стоит на пороге. Вдруг девушка как вскрикнет! Он обернулся, а девушка — бежать. Он за ней. Минутное дело — уж он идет обратно, в одной руке нож, в другой — краюха хлеба. Остановился и будто глядит. Вот только сейчас. Он вошел в эту самую дверь. Говорят вам: головы у него совсем нет. Приди вы на минуточку раньше, вы бы сами...

В задних рядах произошло движение. Рассказчик замолчал и посторонился, чтобы дать дорогу небольшой процессии, которая с весьма воинственным видом направлялась к дому; во главе ее шел мистер Холл, очень красный, с решительным видом, далее мистер Бобби Джефферс, констебль, и, наконец, мистер Уоджерс, из осторожности державшийся позади. У них был приказ об аресте незнакомца.

Им наперебой сообщали последние новости: один кричал одно, другой — совсем другое.

— С головой он там или без головы, — сказал мистер Джефферс, — а я получил приказ арестовать его, и приказ этот я выполняю.

Мистер Холл поднялся на крыльцо, направился прямо к двери гостиной и распахнул ее.

— Констебль, — сказал он, — исполняйте свой долг.

Джефферс вошел первый, за ним — Холл и последним — Уоджерс. В полумраке они разглядели безголовую фигуру с недоеденной коркой хлеба в одной руке и с куском сыра — в другой; обе руки были в перчатках.

— Вот он, — сказал Холл.

— Это еще что? — раздался сердитый возглас из пустого пространства над воротником.

— Таких, как вы, я еще не видывал, сударь, — сказал Джефферс. — Но есть ли у вас голова или нет, в приказе сказано: «Препроводить», а долг службы прежде всего...

— Не подходите! — крикнул незнакомец, отступая на шаг.

В одно мгновение он бросил хлеб и сыр на пол, и мистер Холл едва успел вовремя убрать нож со стола. Незнакомец снял левую перчатку и ударил ею Джефферса по лицу. Джефферс сразу, оборвав свои разъяснения относительно смысла приказа, схватил одной рукой кисть невидимой руки, а другой — сдавил невидимое горло. Тут он получил здоровый пинок по ноге, заставивший его вскрикнуть, но добычи своей он не выпустил. Холл через стол передал нож Уоджерсу, который действовал, так сказать, в качестве голкипера, а сам бросился на помощь Джефферсу. В яростной схватке противники наткнулись на стул, он с грохотом отлетел в сторону, и оба упали на пол.

— Хватайте его за ноги! — прошипел сквозь зубы Джефферс.

Мистер Холл, попытавшийся выполнить его распоряжение, получил сильный удар в грудь и на минуту выбыл из строя, а мистер Уоджерс, видя, что безголовый незнакомец извернулся и начал одолевать Джефферса, попятился с ножом в руках к двери, где столкнулся с мистером Хакстерсом и сиддербриджским извозчиком, спешившими на выручку блюстителю зако-

на и порядка. В это самое время с полки посыпались бутылки, и комната наполнилась едкой вонью.

— Сдаюсь! — крикнул незнакомец, несмотря на то что подмял под себя Джефферса; он встал, тяжело дыша, без головы и без рук, ибо во время борьбы стянул обе перчатки. — Все равно ничего не выйдет, — сказал он, еле переводя дух.

В высшей степени странно было слышать голос, исходивший как бы из пустого пространства, но жители Суссекса — вероятно, самые трезвые люди на свете. Джефферс также встал и вынул из кармана пару наручников. Но тут он остановился в полном недоумении.

— Вот так штука! — сказал он, смутно начиная сознавать несообразность всего происходящего. — Черт возьми! Похоже, что они без надобности.

Незнакомец провел пустым рукавом по пиджаку, и пуговицы, словно по волшебству, расстегнулись. Затем он сказал что-то о своих ногах и нагнулся. Повидимому, он занялся своими башмаками и носками.

— Пойдите! — воскликнул вдруг Хакстерс. — Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда. Посмотрите-ка, можно заглянуть за воротник, и подкладку пиджака видно. Я могу просунуть руку...

С этими словами он протянул руку. Казалось, он наткнулся на что-то в воздухе, ибо тотчас же с криком отдернул ее.

— Я бы вас попросил держать свои пальцы подальше от моих глаз! — раздался из пустоты слова, произнесенные яростным тоном. — Суть в том, что я весь тут — с головой, руками, ногами и всем прочим, но только я невидимка. Это чрезвычайно неудобно, но ничего не поделаешь. Однако это обстоятельство еще не дает права каждому дураку в Айпинге тыкать в меня руками.

Перед ним стоял, подбоченясь, костюм, весь расстегнутый и свободно висящий на невидимой опоре.

Тем временем с улицы вошли еще несколько мужчин, и в комнате сталолюдно...

— Что? Невидимка? — сказал Хакстерс, не обращая внимания на оскорбительный тон незнакомца. — Этого же не бывает.

— Это, может быть, странно, но ведь преступного тут ничего нет. На каком основании на меня набрасывается констебль?

— А, это совсем другое дело,— сказал Джефферс.— Правда, здесь темновато и разглядеть вас трудно, но у меня есть приказ о вашем аресте, и приказ по всей форме. Вы подлежите аресту не за то, что вы невидимка, а по подозрению в краже со взломом. Неподалеку отсюда был ограблен дом и украдены деньги.

— Ну?

— Некоторые обстоятельства указывают...

— Вздор! — воскликнул Невидимка.

— Надеюсь, что так, сударь. Но я получил приказ.

— Хорошо,— сказал незнакомец,— я пойду с вами. Пойду Но без наручников.

— Так полагается,— сказал Джефферс.

— Без наручников,— упорствовал незнакомец.

— Нет уж, извините,— сказал Джефферс.

Вдруг фигура Невидимки осела на пол, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, башмаки, брюки и носки полетели под стол. Затем Невидимка вскочил и сбросил с себя пиджак.

— Стой, стой! — закричал Джефферс, вдруг сообразив, в чем дело

Он схватился за жилетку, та стала сопротивляться; затем оттуда выскочила рубашка, и в руках у Джефферса остался пустой жилет.

— Держите его! — крикнул Джефферс — Стоит ему только раздеться...

— Держи его! — закричали все и бросились на мелькавшую в воздухе белую рубашку — все, что осталось видимого от незнакомца.

Рукав рубашки нанес Холлу сильнейший удар по лицу, что пресекло его решительную атаку и толкнуло его назад, прямо на Тутсома, причетника; в тот же миг рубашка приподнялась в воздухе, где она стала извиваться, как всякая рубашка, которую снимают через голову. Джефферс крепко ухватился за рукав, но этим только помог снять ее. Что-то из воздуха ударило его в нижнюю челюсть; он тотчас выхватил свою дубинку и, размахнувшись изо всей мочи, ударил Тедди Хенфри прямо по макушке.

— Берегись! — кричали все, наугад рассыпая удары по воздуху. — Держи его!.. Заприте двери! Не выпускайте!.. Я что-то поймал! Вот он!

Началось настоящее вавилонское столпотворение. Тумаки, казалось, сыпались на всех сразу, и мудрый Сэнди Уоджерс, чья сообразительность обострилась благодаря сокрушительному удару по носу, отворил дверь и первый выбежал из комнаты. Все тотчас же последовали за ним. В дверях началась страшная давка. Удары продолжали сыпаться. Сектанту Фипсу выбили передний зуб, а Генри поранили ушную раковину. Джефферс получил удар в подбородок и, обернувшись, ухватился за что-то невидимое, втиснувшееся в суматохе между ним и Хакстерсом. Он нащупал мускулистую грудь, и в ту же минуту весь клубок борющихся, разгоряченных людей выкатился в коридор.

— Поймал! — крикнул Джефферс, задыхаясь.

Не выпуская из рук невидимого врага, весь багровый, со вздувшимися венами, он кружил в толпе, раступавшейся перед этим странным поединком. Наконец все скатились с крыльца на землю. Джефферс закричал придушенным голосом, все еще сжимая в объятиях что-то невидимое и энергично работая коленом, потом зашатался и упал навзничь, грохнувшись затылком о камни. Только тогда он разжал пальцы.

Раздались крики: «Держи его!», «Невидимка!» Какой-то молодой человек не из Айпинга, чье имя так и не удалось установить, подбежал, схватил что-то, но тут же выпустил из рук и упал на распростертое тело констебля. Посреди улицы вскрикнула едва не сбита с ног женщина; собака, видимо получившая пинок, завизжала и с воем кинулась во двор к Хакстерсу. Этим и закончился побег Невидимки. С минуту толпа стояла изумленная и взволнованная, затем бросилась врассыпную, словно палая листва, развеянная порывом ветра.

Только Джефферс лежал неподвижно, обратив лицо к небу и согнув колени.

Глава VIII

МИМОХОДОМ

Восьмая глава необычайно коротка. В ней рассказывается о том, как Джиббинс, местный натуралист-любитель, дремал на холмике в полной уверенности, что по крайней мере на две мили окрест нет ни души, и вдруг услышал совсем близко от себя шаги какого-то человека, который кашлял, чихал и отчаянно ругался; обернувшись, он не увидел никого. И тем не менее голос раздавался вполне явственно. Невидимый прохожий продолжал ругаться той отборной и витиеватой бранью, по которой сразу можно узнать образованного человека. Голос поднялся до самых высоких нот, потом стал тише и наконец совсем замер, удалившись, как показалось Джиббинсу, по направлению к Эддердину. Последнее громкое чиханье — и все стихло. Джиббинсу ничего не было известно об утренних событиях, но явление это до того поразило и смутило его, что все его философское спокойствие исчезло. Вскочив, он со всей быстротой, на какую был способен, спустился с холма и направился в селение.

Глава IX

МИСТЕР ТОМАС МАРВЕЛ

Чтобы получить представление о мистере Томасе Марвеле, вы должны вообразить себе человека с толстым, дряблым лицом, с широким длинным носом, слюнявым подвижным ртом и растущей вкривь и вкось щетинистой бородой. Он был явно предрасположен к полноте, что было особенно заметно благодаря очень коротким конечностям. Он носил потрепанный шелковый цилиндр; а то, что на самых ответственных частях туалета вместо пуговиц красовались бечевки и ботиночные шнурки, свидетельствовало, что он закоренелый холостяк.

Мистер Томас Марвел сидел, спустив ноги в канаву, у дороги, ведущей к Эддердину, примерно в полутора

милях от Айпинга. На ногах у него не было ничего, кроме рваных носков; вылезшие из дыр большие пальцы ног, широкие и приподнятые, напоминали уши насторожившейся собаки. Неторопливо — он все делал не торопясь — Томас Марвел рассматривал башмаки, которые собирался примерить. Это были очень крепкие башмаки, какие ему давно уже не попадались, но они оказались ему слишком велики; между тем старые башмаки его, вполне подходящие для сухой погоды, не годились для сырой, так как у них была слишком тонка подошва. Мистер Марвел терпеть не мог свободную обувь, но он не выносил и сырости. Собственно говоря, он еще не установил, что ему неприятнее — просторная обувь или сырость, — но день был погожий, других дел не предвиделось, и он решил поразмыслить. Поэтому он поставил на землю все четыре башмака, расположив их в виде живописной группы, и стал смотреть на них. Глядя, как они стоят среди буйно разросшегося репейника, он вдруг решил, что обе пары очень безобразны. Он нисколько не удивился, услышав позади себя чей-то голос.

— Как-никак обувь, — сказал Голос.

— Это пожертвованная обувь, — сказал мистер Томас Марвел, склонив голову набок и с неудовольствием глядя на башмаки. — И я, черт возьми, не могу даже решить, какая из этих пар хуже.

— Гм!.. — сказал Голос.

— Я носил обувь и похуже. По правде говоря, мне случалось обходиться и совсем без нее. Но таких наглых уродов, если можно так выразиться, я не носил никогда. Давно уже подыскиваю себе башмаки, потому что мои мне осточертели. Они крепкие, что и говорить. Но человек, который постоянно на ногах, все время видит свои башмаки. И, поверите ли, сколько я ни старался, во всей округе не мог достать других башмаков, кроме этих. Вы только взгляните. А ведь, вообще-то говоря, в здешней округе обувь хорошая. Только мое уж счастье такое. Я лет десять ношу здешнюю обувку. И вот какую дрянь мне подсунули.

— Это отвратительная округа, — сказал Голос, — и народ здесь прескверный.

— Верно ведь? — сказал Томас Марвел. — Ну и обувка! Чтоб она пропала!

С этими словами он через плечо покосился вправо, чтобы посмотреть на обувь собеседника и сравнить ее со своей, но, к величайшему его изумлению, там, где он ожидал увидеть пару башмаков, не оказалось ни башмаков, ни ног. Он посмотрел через левое плечо, но и там не обнаружил ни башмаков, ни ног. Это ошеломило его.

— Где же вы? — спросил Томас Марвел, поворачиваясь на четвереньках.

Перед ним расстиралась пустая холмистая равнина, только далекие кусты вереска качались на ветру.

— Пьян я, что ли? — сказал Томас Марвел. — Померещилось мне? Или я сам с собой разговаривал? Что за черт!..

— Не пугайтесь, — сказал Голос.

— Оставьте, пожалуйста, ваши шутки! — воскликнул Томас Марвел. — Где вы? «Не пугайтесь»! Скажите на милость!

— Не пугайтесь, — повторил Голос.

— Ты сам сейчас испугаешься, болван ты этакий! — сказал Томас Марвел. — Где ты? Вот я до тебя доберусь!

Молчание.

— Под землей ты, что ли? — спросил Томас Марвел.

Ответа не было. Томас Марвел продолжал стоять в одних носках, в распахнутом пиджаке, и лицо его выражало полное недоумение.

— Фю-ить, — раздался вдали свист.

— Вот тебе и «фю-ить»! Что вы, в самом деле, дурачитесь? — сказал Томас Марвел.

Местность была безлюдная. В какую бы сторону он ни поглядел, никого не было видно. Дорога с глубокими канавами, окаймленная рядами белых придорожных столбов, гладкая и пустынная, тянулась на север и на юг, в безоблачном небе тоже ничего не было заметно, кроме пеночки.

— С нами крестная сила! — воскликнул Томас Марвел, застегивая пиджак. — Всё водка проклятая. Так я и знал!

— Это не водка,— сказал Голос.— Не волнуйтесь.

— Ох! — простонал Марвел, побледнев.— Все водка! — беззвучно повторили его губы. Он постоял немного, мрачно глядя прямо перед собой, потом стал медленно поворачиваться.— Готов поклясться, что слышал голос! — прошептал он.

— Конечно, слышали.

— Вот опять! — сказал Марвел, закрывая глаза и трагическим жестом хватаясь за голову.

Но тут его вдруг взяли за шиворот и так встряхнули, что у него совсем помутилось в голове.

— Брось дурить,— сказал Голос.

— Я рехнулся...— сказал Марвел.— Ничего не может. И все из-за проклятых башмаков! Прямо-таки рехнулся. Или это привидение?..

— Ни то, ни другое,— сказал Голос.— Послушай...

— Рехнулся,— повторил Марвел.

— Да погоди же! — сказал Голос, еле сдерживая раздражение.

— Ну? — сказал Марвел, испытывая странное ощущение, как будто кто-то коснулся пальцем его груди.

— Ты думаешь, я тебе только почудился, да?

— А как же иначе? — ответил Томас Марвел, почесывая затылок.

— Отлично,— сказал Голос.— В таком случае, я буду швырять в тебя камнями, пока ты не убедишься в противном.

— Да где же ты?

Голос не ответил. Свист — и камень, по-видимому пущенный из воздуха, пролетел у самого плеча мистера Марвела. Обернувшись, мистер Марвел увидел, как другой камень, описав дугу, взлетел вверх, повис на секунду в воздухе и затем полетел к его ногам с почти неуловимой быстротой. Он был до того поражен, что даже не попробовал увернуться. Камень, ударившись о голый палец ноги, отлетел в канаву. Томас Марвел подскочил и взвыл от боли. Потом кинулся бежать, но споткнулся обо что-то и, перекувырнувшись, очутился в сидячем положении.

— Ну-с, что скажешь теперь? — спросил Голос, и третий камень, описав дугу, взлетел вверх и повис в воздухе над бродягой.— Что я такое? Воображение?

Марвел вместо ответа встал на ноги, но немедленно был снова брошен на землю. С минуту он лежал не двигаясь.

— Сиди смирно, — сказал Голос, — не то я разобью тебе камнем голову!

— Ну и дела! — сказал мистер Марвел, садясь и потирая ушибленную ногу, но не сводя глаз с камня. — Ничего не понимаю. Камни сами летают. Камни разговаривают. Не кидайся. Сгинь. Мне крышка!

Камень упал на землю.

— Все очень просто, — сказал Голос, — я невидимка.

— Расскажите что-нибудь поновее, — сказал мистер Марвел, охая и корчась от боли. — Где вы прячетесь, как вы это делаете? Не могу догадаться. Сдаюсь.

— Я невидимка, только и всего. Понимаешь ты или нет? — сказал Голос.

— Да это ясней ясного. И нечего, мистер, злиться. А теперь скажите-ка лучше, как вы прячетесь.

— Я невидимка, в этом вся суть. Пойми ты...

— Но где же вы? — прервал его Марвел.

— Да тут, перед тобой, в пяти шагах.

— Рассказывай! Я не слепой. Еще скажешь, что ты воздух. Я ведь не какой-нибудь неуч...

— Да, я воздух. Ты смотришь сквозь меня.

— Что? И в тебе все-таки ничего нет? Один только болтливый голос, и все?

— Я такой же человек, как все, из плоти и крови, мне нужно есть, пить и прикрыть свою наготу. Но я невидимка. Понятно? Невидимка. Это очень просто. Невидимый человек.

— Настоящий человек?

— Да.

— Ну, если так, — сказал Марвел, — дайте-ка мне руку. Это будет все-таки на что-то похоже... Ох! — воскликнул он вдруг. — Как вы меня напугали! Надо же так вцепиться!

Он ощупал руку, которая стиснула его кисть, затем нерешительно ощупал плечо, мускулистую грудь, бороду. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Здорово! — сказал он. — Это почище петушиного боя. Просто поразительно! Я могу увидеть сквозь вас

зайца в полумиле отсюда, а вас самого нисколько не видеть... Впрочем...

Тут Марвел стал внимательно всматриваться в пространство, казавшееся пустым.

— Скажите, вы не ели хлеб с сыром? — спросил он, не выпуская невидимой руки.

— Правильно. Эта пища еще не усвоена организмом.

— А-а,— сказал мистер Марвел.— Все-таки это странно.

— Право же, это далеко не так странно, как вам кажется.

— Для моего скромного разума это достаточно странно,— сказал Томас Марвел.— Но как вы это устраиваете? Как вам, черт возьми, удается?

— Это слишком длинная история. И кроме того...

— Я просто в себя не могу прийти! — сказал Марвел.

— Я хочу тебе вот что сказать: я нуждаюсь в помощи — меня довели до этого. Я наткнулся на тебя неожиданно. Шел взбешенный, голый, обессиленный, готов был убить... И я увидел тебя...

— Господи! — вырвалось у Марвела.

— Я подошел к тебе сзади... подумал и пошел дальше.

Лицо мистера Марвела весьма красноречиво выражало его чувства.

— Потом остановился. «Вот,— подумал я,— такой же отверженный, как я. Вот человек, который мне нужен». Я вернулся и направился к тебе. И...

— Господи! — сказал мистер Марвел.— У меня голова идет кругом! Позвольте спросить: как же это так? Невидимка. И какая вам нужна помощь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне достать одежду, кров и еще кое-что... Всего этого у меня нет уже давно. Если же ты не хочешь... Но ты поможешь мне, должен помочь.

— Постойте,— сказал Марвел.— Дайте мне собраться с мыслями. Нельзя же так — обухом по голове. И не трогайте меня! Дайте прийти в себя. Ведь вы чуть не перебили мне палец на ноге. Все это так нелепо: пустые холмы, пустое небо. На много миль кругом ничего

не видать, кроме красот природы. И вдруг голос. Голос с неба. И камни. И кулак. Ах ты господи!

— Ну, нечего нюни распускать,— сказал Голос.— Делай лучше то, что я приказываю.

Марвел надул щеки, и глаза его стали совсем круглыми.

— Я остановил свой выбор на тебе,— сказал Голос,— ты единственный человек, если не считать нескольких деревенских дураков, который знает, что на свете есть невидимка. Ты должен мне помочь. Помогите мне, и я многое для тебя сделаю. В руках человека-невидимки большая сила.— Он остановился и громко чихнул.— Но если ты меня выдашь,—продолжал он,—если ты не сделаешь то, что я прикажу...

Он замолчал и крепко стиснул плечо Марвела. Тот взвыл от ужаса.

— Я не собираюсь выдавать вас,— сказал он, стараясь отодвинуться от Невидимки.— Об этом и речи быть не может. С радостью вам помогу. Скажите только, что я должен делать. (Господи!) Все, что пожелаете, я сделаю с величайшим удовольствием!

Глава X

МИСТЕР МАРВЕЛ В АЙПИНГЕ

После того как паника немного улеглась, жители Айпинга стали прислушиваться к голосу рассудка. Скептицизм внезапно поднял голову,— правда, несколько шаткий, неуверенный, но все же скептицизм. Ведь не верить в существование Невидимки было куда проще, а тех, кто видел, как он рассеялся в воздухе, или почувствовал на себе силу его кулаков, можно было пересчитать по пальцам. К тому же один из очевидцев, мистер Уоджерс, отсутствовал, он заперся у себя в доме и никого не пускал, а Джефферс лежал без чувств в трактире «Кучер и кони». Великие, необычайные идеи, выходящие за пределы опыта, часто имеют меньше власти над людьми, чем малозначительные, но зато вполне конкретные соображения. Айпинг разукрасился флагами, жители разрядились. Ведь к празднику

готовились целый месяц, его предвкушали. Вот почему несколько часов спустя даже те, кто верил в существование Невидимки, уже предавались развлечениям, утешая себя мыслью, что он исчез навсегда; что же касается скептиков, то для них Невидимка превратился в забавную шутку. Как бы то ни было, среди тех и других царило необычайное веселье.

На Хайсменском лугу разбили палатку, где миссис Бантинг и другие дамы приготавливали чай, а вокруг ученики воскресной школы бегали взапуски по траве и играли в разные игры под шумным руководством викария, мисс Касс и мисс Сэкбат. Правда, чувствовалось какое-то легкое беспокойство, но все были настолько благоразумны, что скрывали свой страх. Большим успехом у молодежи пользовался наклонно натянутый канат, по которому, держась за блок, можно было стремглав слететь вниз, на мешок с сеном, лежавший у другого конца веревки. Не меньшим успехом пользовались качели, метание кокосовых орехов и карусель с паровым органом, непрерывно наполнявшим воздух пронзительным запахом масла и не менее пронзительной музыкой. Члены клуба, побывавшие утром в церкви, щеголяли разноцветными значками, а большинство молодых людей разукрасили свои котелки яркими лентами. Старик Флетчер, у которого были несколько суровые представления о праздничном отдыхе, стоял на доске, положенной на два стула, как это можно было видеть сквозь цветы жасмина на подоконнике или через открытую дверь (как кому угодно было смотреть), и белил потолок своей столовой.

Около четырех часов в Айпинге появился незнакомец; он пришел со стороны холмов. Это был невысокий толстый человек в чрезвычайно потрепанном цилиндре, сильно запыхавшийся. Он то втягивал щеки, то надувал их до отказа. Лицо у него было в красных пятнах, выражало страх, и двигался он хотя и быстро, но явно неохотно. Он завернул за угол церкви и направился к трактиру «Кучер и кони». Среди прочих обратил на него внимание и старик Флетчер, который был поражен необычайно взволнованным видом незнакомца и до тех пор смотрел ему вслед, пока известка, набранная на кисть, не затекла ему в рукав.

Незнакомец, по свидетельству хозяина тира, вслух разговаривал сам с собой. То же заметил и мистер Хакстерс. Он остановился у крыльца гостиницы и, по словам мистера Хакстерса, по-видимому, долго колебался, прежде чем решился войти в дом. Наконец он поднялся по ступенькам, повернул, как это успел заметить мистер Хакстерс, налево и открыл дверь в гостиную. Мистер Хакстерс услышал голоса изнутри, а также оклики из распивочной, указывавшие незнакомцу на его ошибку.

— Не туда! — сказал Холл.

Тогда незнакомец закрыл дверь и пошел в распивочную.

Через несколько минут он снова появился на улице, вытирая губы рукой с видом спокойного удовлетворения, показавшимся Хакстерсу напускным. Он немного постоял, огляделся, а затем мистер Хакстерс увидел, как он, крадучись, направился к воротам, которые вели во двор, куда выходило окно гостиной. После некоторого колебания незнакомец прислонился к створке ворот, вынул короткую глиняную трубку и стал набивать ее табаком. Руки его дрожали. Наконец он кое-как раскурил трубку и, скрестив руки, начал дымить, приняв позу скучающего человека, чему отнюдь не соответствовали быстрые взгляды, которые он то и дело бросал во двор.

Все это мистер Хакстерс видел из-за жестянок, стоявших в окне табачной лавочки, и странное поведение незнакомца побудило его продолжать наблюдение.

Вдруг незнакомец порывисто выпрямился, сунул трубку в карман и исчез во дворе. Тут мистер Хакстерс, решив, что на его глазах совершается кража, выскочил из-за прилавка и выбежал на улицу, чтобы перехватить вора. В это время незнакомец снова появился в сбитом набекрень цилиндре, держа в одной руке большой узел, завернутый в синюю скатерть, а в другой — три книги, связанные, как выяснилось впоследствии, подтяжками викария. Увидев Хакстерса, он охнул и, круто повернув влево, бросился бежать.

— Держи вора! — крикнул Хакстерс и пустился вдогонку.

Последующие ощущения мистера Хакстерса были

сильны, но мимолетны. Он видел, как вор бежал по направлению к церкви. Он запомнил мелькнувшие впереди флаги и толпу гуляющих, причем только двое или трое оглянулись на его крик.

— Держи вора! — завопил он еще громче.

Но не пробежал он и десяти шагов, как что-то ухватило его за ноги, и вот уже он не бежит, а пулей летит по воздуху. Не успел он опомниться, как уже лежал на земле. Мир рассыпался на миллионы кружащихся искр, и дальнейшие события перестали его интересоваться.

Глава XI

В ТРАКТИРЕ «КУЧЕР И КОНИ»

Чтобы ясно понять все, что произошло в трактире, необходимо вернуться назад, к тому моменту, когда мистер Марвел впервые появился перед окном мистера Хакстерса.

В это самое время в гостиной находились мистер Касс и мистер Бантинг. Они самым серьезным образом обсуждали утренние события и с разрешения мистера Холла тщательно исследовали вещи, принадлежавшие Невидимке. Джефферс несколько оправился от своего падения и ушел домой, сопровождаемый заботливыми друзьями. Миссис Холл убрала разбросанную по полу одежду Невидимки и привела комнату в порядок. У окна на столе, за которым приезжий обыкновенно работал, Касс сразу же наткнулся на три рукописные книги, озаглавленные «Дневник».

— Дневник! — воскликнул Касс, кладя все три книги на стол. — Теперь уж мы, во всяком случае, кое-что узнаем.

Викарий подошел и оперся руками на стол.

— Дневник, — повторил Касс, усаживаясь на стул. Он подложил две книги под третью и открыл верхнюю. — Гм!.. На заглавном листе никакого названия. Фу ты!.. Цифры. И чертежи.

Викарий обошел стол и заглянул через плечо Касса.

Касс переворачивал страницы одну за другой, и лицо его выражало горькое разочарование.

— Эхма! Тут одни цифры... Бантинг!

— Нет ли тут диаграмм?—спросил Бантинг.—Или рисунков, проливающих свет...

— Посмотрите сами,— ответил Касс.— Тут и математика, и по-русски или еще на каком-то таком языке (если судить по буквам), а кое-что написано и по-гречески. Ну, а греческий-то, я думаю, вы уж разберете...

— Конечно,— сказал мистер Бантинг, вынимая очки и протирая их. Он сразу почувствовал себя крайне неловко, ибо от греческого языка в голове у него осталась самая малость.— Да, греческий, конечно, может дать ключ...

— Я сейчас покажу вам место...

— Нет, лучше уж я просмотрю сначала все книги,— сказал мистер Бантинг, все еще протирая очки.— Сначала, Касс, необходимо получить общее представление, а потом уж, знаете, можно будет поискать ключ.

Он кашлянул, медленно надел очки и мысленно пожелал, чтобы что-нибудь случилось и предотвратило его позор. Затем он взял книгу, которую ему передал Касс.

А затем действительно случилось нечто.

Дверь вдруг отворилась.

Касс и викарий вздрогнули от неожиданности, но, подняв глаза, с облегчением увидели красную физиономию под потрепанным цилиндром.

— Распивочная? — прохрипела физиономия, тараща глаза.

— Нет,— ответили в один голос оба джентльмена.

— Это напротив, милейший,— сказал мистер Бантинг.

— И, пожалуйста, закройте дверь,— добавил с раздражением мистер Касс.

— Ладно,— сказал вошедший вполголоса.— Есть! — прохрипел он.— Полный назад! — скомандовал он сам себе, исчезая и закрывая дверь.

— Матрос, наверное,— сказал мистер Бантинг.— Забавный народ. «Полный назад» — слышали? Это, должно быть, морской термин, означающий выход из комнаты.

— Вероятно, так,— сказал Касс.— Вот только нервы у меня ни к черту. Я даже подскочил, когда дверь вдруг открылась.

Мистер Бантинг снисходительно улыбнулся, словно он сам не подскочил точно так же.

— А теперь,— сказал он,— займемся книгами.

— Одну секунду,— сказал Касс, вставая и запирая дверь.— Теперь, я думаю, нам никто не помешает.

В этот миг кто-то фыркнул.

— Одно не подлежит сомнению,— заявил мистер Бантинг, придвигая свое кресло к креслу Касса,— в Айпинге за последние дни имели место какие-то странные события, весьма странные. Я, конечно, не верю в эту нелепую басню о Невидимке...

— Это невероятно,— сказал Касс,— невероятно. Но факт тот, что я видел... да, да, я заглянул в рукав...

— Но вы уверены... верно ли, что вы видели? Быть может, там было зеркало... Ведь вызвать оптический обман очень легко. Я не знаю, видели ли вы когда-нибудь настоящего фокусника...

— Не будем спорить,— сказал Касс.— Ведь мы уже обо всем этом толковали. Обратимся к книгам... Ага, вот это, по-моему, написано по-гречески. Ну конечно, это греческие буквы.

Он указал на середину страницы. Мистер Бантинг слегка покраснел и склонился над книгой: с его очками, очевидно, опять что-то случилось. Его познания в греческом языке были весьма слабы, но он полагал, что все прихожане считают его знатоком и греческого и древнееврейского. И вот... Неужели сознаться в своем невежестве? Или сочинить что-нибудь? Вдруг он почувствовал какое-то странное прикосновение к своему затылку. Он попробовал поднять голову, но встретил непреодолимое препятствие.

Он испытывал непонятное ощущение тяжести, как будто чья-то крепкая рука пригнала его книзу, так что подбородок коснулся стола.

— Не шевелитесь, милейшие,— раздался шепот,— или я размозжу вам головы.

Он взглянул в лицо Касса, близко придвинувшееся к нему, и увидел на нем отражение собственного испуга и безмерного изумления.

— Я очень сожалею, что приходится принимать крутые меры, сказал Голос, — но это неизбежно... С каких это пор вы научились залезать в частные записи исследователей? — сказал Голос, и два подбородка одновременно ударились о стол, а две пары челюстей одновременно щелкнули. — С каких это пор вы научились вторгаться в комнату человека, попавшего в беду? — И снова удар по столу и щелканье зубов. — Куда вы дели мое платье?.. А теперь слушайте, — сказал Голос. — Окна закрыты, а из дверного замка я вынул ключ. Человек я очень сильный, и под рукой у меня кочерга, не говоря уж о том, что я невидим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если б я только захотел, мне не стоило бы никакого труда убить вас обоих и преспокойно удалиться. Понятно? Так вот. Обещаете ли вы не делать глупостей и исполнить все, что я вам прикажу, если я вас не трону?

Викарий и доктор посмотрели друг на друга, и доктор скорчил гримасу.

— Обещаем, — сказал викарий.

— Обещаем, — сказал доктор.

Тогда Невидимка выпустил их, и они выпрямились. Лица у обоих были очень красные, и они усиленно вертели головами.

— Попрошу вас оставаться на местах, — сказал Невидимка. — Видите, вот кочерга. Когда я вошел в эту комнату, — продолжал он, по очереди поднося кочергу к носу своих собеседников, — я не ожидал встретить здесь людей. И, кроме того, я надеялся найти, кроме своих книг, еще платье. Где оно?.. Нет, нет, не вставайте. Я вижу: его унесли отсюда. Хотя дни теперь стоят достаточно теплые, для того чтобы невидимка мог ходить нагишом, по вечерам все же довольно прохладно. Поэтому я нуждаюсь в одежде и в некоторых других вещах. Кроме того, мне нужны эти три книги.

НЕВИДИМКА ПРИХОДИТ В ЯРОСТЬ

Здесь необходимо снова прервать наш рассказ ввиду весьма тягостного обстоятельства, о котором сейчас пойдет речь. Пока в гостиной происходило все описанное выше и пока мистер Хакстерс наблюдал за Марвелом, курившим трубку у ворот, ярдах в двенадцати от него, в распивочной, стояли мистер Холл и мистер Хенфри; озадаченные, они обсуждали единственную айпингскую злобу дня.

Вдруг раздался сильный удар в дверь гостиной, оттуда донесся пронзительный крик, потом все смолкло.

— Эй! — воскликнул Тедди Хенфри.

— Эй! — раздалось в распивочной.

Мистер Холл усваивал происходящее медленно, но верно.

— Там что-то неладно, — сказал он, выходя из-за стойки и направляясь к двери гостиной.

Он и Тедди вместе подошли к двери. На лицах — напряженное внимание, во взгляде — задумчивость.

— Что-то неладно, — сказал Холл, и Хенфри кивнул головой в знак согласия.

На них пахнуло тяжелым запахом химикалий, а из комнаты послышался приглушенный разговор, очень быстрый и тихий.

— Что у вас там? — быстро спросил Холл, постучав в дверь.

Приглушенный разговор круто оборвался, на минуту наступило полное молчание, потом снова послышался громкий шепот, после чего раздался крик: «Нет, нет, не надо!» Затем поднялась возня, послышался стук падающего стула и шум короткой борьбы. И снова тишина.

— Что за черт! — воскликнул Хенфри вполголоса.

— Что у вас там? — снова поспешно спросил мистер Холл.

Викарий ответил каким-то странным, прерывающимся голосом:

— Все в порядке. Пожалуйста, не мешайте.

— Странно! — сказал Хенфри.

— Странно! — сказал Холл.

— Просят не мешать, — сказал Хенфри.

— Слышал, — сказал Холл.

— И кто-то фыркнул, — добавил Хенфри.

Они продолжали стоять у дверей, прислушиваясь. Разговор в гостиной возобновился, такой же приглушенный и быстрый.

— Я не могу! — раздался голос мистера Бантинга. — Говорю вам, я не хочу!

— Что такое? — спросил Хенфри.

— Говорит, что не хочет, — сказал Холл. — Кому это он — нам, что ли?

— Возмутительно! — послышался голос мистера Бантинга.

— Возмутительно, — повторил мистер Хенфри. — Я ясно это слышал.

— А кто сейчас говорит?

— Вероятно, мистер Касс, — сказал Холл. — Вы что-нибудь разбираете?

Они помолчали. Разговор за дверью становился все невнятной и загадочней.

— Кажется, скатерть сдирают со стола, — сказал Холл.

За стойкой появилась хозяйка. Холл стал знаками внушать ей, чтобы она не шумела и подошла к ним. Это сейчас же пробудило в его супруге дух противоречия.

— Чего это ты там стоишь и слушаешь? — спросила она. — Другого дела у тебя нет, да еще в праздничный день?

Холл пытался объяснить жестами и мимикой, но миссис Холл не желала понимать. Она упорно повышала голос. Тогда Холл и Хенфри, сильно смущенные, на цыпочках подошли к стойке и объяснили ей, в чем дело.

Сначала она вообще отказалась признать что-либо необыкновенное в том, что услышала. Потом потребовала, чтобы Холл замолчал и говорил один Хенфри. Она была склонна считать все это пустяками — может, они просто передвигали мебель.

— Я слышал, как он сказал «возмутительно», ясно слышал, — твердил Холл.

- И я слышал, миссис Холл, — сказал Хенфри.
- Так это или нет... — начала миссис Холл.
- Тс-с! — прервал ее Хенфри. — Слышите — окно?
- Какое окно? — спросила миссис Холл.
- В гостиной, — ответил Хенфри.

Все замолчали, напряженно прислушиваясь. Невидящий взор миссис Холл был устремлен на светлый прямоугольник трактирной двери, на белую дорогу и фасад лавки Хакстерса, залитый июньским солнцем. Вдруг дверь лавки распахнулась, и появился сам Хакстерс, размахивая руками, с вытаращенными от волнения глазами.

— Держи вора! — крикнул он и бросился бежать наискось к воротам трактира, где и исчез.

В ту же секунду из гостиной донесся громкий шум и хлопанье затворяемого окна.

Холл, Хенфри и все бывшие в распивочной гурьбой выбежали на улицу. Они увидели, как кто-то быстро кинулся за угол по направлению к проселочной дороге и как мистер Хакстерс совершил в воздухе сложный прыжок, закончившийся падением. Толпа гуляющих застыла в изумлении, несколько человек подбежали к нему.

Мистер Хакстерс был без сознания, как определил склонившийся над ним Хенфри. А Холл с двумя работниками из трактира добежал до угла, выкрикивая что-то нечленораздельное, и они увидели, как Марвел исчез за углом церковной ограды. Они, должно быть, решили, что это и есть Невидимка, внезапно сделавшийся видимым, и пустились вдогонку. Но не успел Холл пробежать и десяти шагов, как, громко вскрикнув от изумления, отлетел в сторону и, ухватившись за одного из работников, грохнулся вместе с ним наземь. Он был сбит с ног, совсем как на футбольном поле сбивают игрока. Второй работник обернулся и, решив, что Холл просто оступился, продолжал преследование один; но тут и он свалился так же, как Хакстерс. В это время первый работник, успевший встать на ноги, получил сбоку такой удар, которым можно было бы свалить быка.

Он упал, и в эту минуту из-за угла показались люди, прибежавшие с лужайки, где происходило гулянье.

Впереди всех бежал владелец тира, рослый мужчина в синей фуфайке. Он очень удивился, увидев, что на дороге нет никого, кроме трех человек, нелепо барахтающихся на земле. В ту же секунду с его ногой что-то случилось; он растянулся во всю длину и откатился в сторону, прямо под ноги следовавшего за ним брата и компаньона, отчего и тот распластался на земле. Все бежавшие следом спотыкались о них, падали кучей, валясь друг на друга, и осыпали их отборной руганью.

Когда Холл, Хенфри и работники выбежали из трактира, миссис Холл, наученная долголетним опытом, осталась сидеть за кассой. Вдруг дверь гостиной распахнулась, оттуда выскочил мистер Касс и, даже не взглянув на нее, сбежал с крыльца и понесся за угол дома.

— Держите его! — кричал он. — Не давайте ему выпустить из рук узел! Пока он держит этот узел, его можно видеть!

О существовании Марвела никто не подозревал, так как Невидимка передал тому книги и узел во дворе. Вид у мистера Касса был сердитый и решительный, но в костюме его кое-чего не хватало: по правде говоря, все одеяние его состояло из чего-то вроде легкой белой юбочки, которая могла бы сойти за одежду разве только в Греции.

— Держите его! — вопил он. — Он унес мои брюки! И всю одежду викария! Я сейчас доберусь до него! — крикнул он Хенфри, пробегая мимо распростертого на земле Хакстерса и огибая угол, чтобы присоединиться к толпе, гнавшейся за Невидимкой, но тут же был сшиблен с ног и шлепнулся на дорогу в самом неприглядном виде.

Кто-то тяжело наступил ему на руку. Он взвыл от боли, попытался встать на ноги, снова был сшиблен, упал на четвереньки и наконец убедился, что участвует не в погоне, а в бегстве. Все бежали обратно. Он снова поднялся, но получил здоровый удар по уху. Шатаясь, он повернул к трактиру, перескочив через забытого всеми Хакстерса, который к тому времени уже очнулся и сидел посреди дороги.

Поднимаясь на крыльцо трактира, мистер Касс вдруг услышал позади себя звук громкой оплеухи и

яростный крик боли, покрывший разноголосый гам. Он узнал голос Невидимки. Тот кричал так, словно его привела в бешенство неожиданная острая боль.

Мистер Касс кинулся в гостиную.

— Бантинг, он возвращается! — крикнул он, врываясь в комнату. — Спасайтесь! Он сошел с ума!

Мистер Бантинг стоял у окна и мастерил себе костюм из каминного коврика и листа «Западносurreйской газеты».

— Кто возвращается? — спросил он и так вздрогнул, что чуть не растерял весь свой костюм.

— Невидимка! — ответил Касс и подбежал к окну. — Надо убираться отсюда. Он дерется как безумный. Прямо как безумный!

Через секунду он был уже на дворе.

— Господи помилуй! — в ужасе воскликнул Бантинг, не зная, на что решиться.

Но тут из коридора трактира донесся шум борьбы, и это положило конец его колебаниям. Он вылез в окно, наскоро приладил свой костюм и пустился бежать по улице со всей скоростью, на которую только были способны его толстые, короткие ножки.

Начиная с той минуты, как послышался разъяренный крик Невидимки и мистер Бантинг пустился бежать, уже невозможно установить последовательность в ходе айпингских событий. Быть может, первоначально Невидимка хотел только прикрыть отступление Марвела с платьем и книгами. Но так как он вообще не отличался кротким нравом да еще случайно угодивший в него удар окончательно вывел его из себя, он стал сыпать ударами направо и налево, колотить всех, кто попадался под руку.

Представьте себе улицу, заполненную бегущими людьми, хлопанье дверей и драку из-за укромных местечек, куда можно было бы спрятаться. Представьте себе, как подействовала эта буря на неустойчивое равновесие доски, положенной на два стула в столовой старика Флетчера, и какая за этим последовала катастрофа. Представьте себе перепуганную парочку, застигнутую бедствием на качелях. А потом буря про-

неслась, и айпингская улица, разукрашенная флагами и гирляндами, опустела; один только Невидимка продолжал бушевать среди раскиданных по земле кокосовых орехов, опрокинутых парусиновых щитов и разбросанных сластей с лотка торговца. Отовсюду доносился стук закрываемых ставней и задвигаемых засовов, и только кое-где, выдавая присутствие людей, мелькал сквозь щелку вытаращенный глаз под испуганно приподнятой бровью.

Невидимка некоторое время забавлялся тем, что бил окна в трактире «Кучер и кони», затем просунул уличный фонарь в окно гостиной миссис Грогрэм. Он же, вероятно, перерезал телеграфный провод за домиком Хиггинса на Эддердинской дороге. А затем, пользуясь своим необыкновенным свойством, бесследно исчез, и в Айпинге о нем больше не было ни слуху ни духу. Он скрылся навсегда.

Но прошло добрых два часа, прежде чем первые смельчаки решились вновь выйти на пустынную айпингскую улицу.

Глава XIII

МИСТЕР МАРВЕЛ ХОДАТАЙСТВУЕТ ОБ ОТСТАВКЕ

Когда начало смеркаться и жители Айпинга стали боязливо выползать из домов, поглядывая на печальные следы побоища, разыгравшегося в праздничный день, по дороге в Брэмблхерст за буковой рощей тяжело шагал коренастый человек в потрепанном цилиндре. Он нес три книги, перетянутые чем-то вроде эластичной ленты, и какие-то вещи, завязанные в голубую скатерть. Его багровое лицо выражало уныние и усталость, а в походке была какая-то судорожная торопливость. Его подгонял чей-то голос, и он то и дело корчился от прикосновения невидимых рук.

— Если ты опять удерешь,— сказал Голос,— если ты опять вздумаешь удирать...

— Господи! — простонал Марвел.— И так уж живого места на плече не осталось!

— Я тебя убью, честное слово! — продолжал Голос.

— Я и не думал удирать, — сказал Марвел, чуть не плача. — Клянусь вам! Я просто не знал, где нужно сворачивать, только и всего. И откуда я мог это знать? Мне и так досталось по первое число.

— И достанется еще больше, если ты не будешь слушаться, — сказал Голос, и Марвел сразу замолчал. Он надул щеки, и глаза его красноречиво выражали глубокое отчаяние.

— Хватит с меня, что эти ослы узнали мою тайну, а тут ты еще вздумал улизнуть с моими книгами. Счастье их, что они вовремя попрятались, иначе... Никто не знал, что я невидим. А теперь что мне делать?

— А мне-то что делать? — пробормотал Марвел.

— Все теперь известно. В газеты еще попадет! Все будут теперь искать меня, будут настороже... — Голос крепко выругался и замолк.

Отчаяние на лице Марвела усугубилось, и он замедлил шаг.

— Ну, пошевеливайся! — сказал Голос.

Промежутки между красными пятнами на лице Марвела посерели.

— Не урони книги, болван! — сердито сказал Голос. — Одним словом, — продолжал он, — мне придется воспользоваться тобой... Правда, орудие неважное, но у меня выбора нет.

— Я жалкое орудие, — сказал Марвел.

— Это верно, — сказал Голос.

— Я самое скверное орудие, какое только вы могли избрать, — сказал Марвел. — Я слабосильный, — продолжал он. — Я очень слабый, — повторил он, не дождавшись ответа.

— Разве?

— И сердце у меня слабое. Ваше поручение я выполнил. Но, уверяю вас, мне казалось, что я вот-вот упаду.

— Да?

— У меня храбрости и силы такой нет, какие вам нужны.

— Я тебя подбодрю.

— Лучше уж не надо! Я не хочу испортить вам все

дело, но это может случиться. Вдруг я струхну или рас-
теряюсь...

— Уж постарайся, чтобы этого не случилось,— ска-
зал Голос спокойно, но твердо.

— Лучше уж помереть,— сказал Марвел.— И ведь
это несправедливо,— продолжал он.— Согласитесь са-
ми... Мне кажется, я имею право...

— Вперед! — сказал Голос.

Марвел прибавил шагу, и некоторое время они шли
молча.

— Очень тяжелая работа,— сказал Марвел.

Это замечание не возымело никакого действия. То-
гда он решил начать с другого конца.

— А что мне это даст? — заговорил он снова тоном
горькой обиды.

— Довольно! — гаркнул Голос.— Я тебя обеспечу.
Только делай, что тебе велят. Ты отлично справишься.
Хоть ты и дурак, а справишься...

— Говорю вам, мистер, я неподходящий человек
для этого. Я не хочу вам противоречить, но это так...

— Заткнись, а не то опять начну выкручивать тебе
руку,— сказал Невидимка.— Ты мешаешь мне думать.

Впереди сквозь деревья блеснули два пятна желто-
го света, и в сумраке стали видны очертания квадрат-
ной колокольни.

— Я буду держать руку у тебя на плече,— сказал
Голос,— пока мы не пройдем через деревню, Ступай
прямо и не вздумай дурить. А то будет худо.

— Знаю,— ответил со вздохом Марвел,— это-то я
хорошо знаю.

Жалкая фигура в потрепанном цилиндре прошла
со своей ношей по деревенской улице мимо освещенных
окон и скрылась во мраке за околицей.

Глава XIV

В ПОРТ-СТОУ

На следующий день в десять часов утра Марвел,
небритый, грязный, растрепанный, сидел на скамье у
входа в трактирчик в предместье Порт-Стоу; руки он

засунул в карманы, и вид у него был крайне усталый, расстроенный и тревожный. Рядом с ним лежали книги, связанные уже веревкой. Узел был оставлен в лесу за Брэмблхерстом в связи с переменой в планах Невидимки. Марвел сидел на скамье, и, хотя никто не обращал на него ни малейшего внимания, волнение его все усиливалось. Руки его то и дело беспокойно шарили по многочисленным карманам.

После того как он просидел так добрый час, из трактира вышел пожилой матрос с газетой в руках и присел рядом с Марвелом.

— Хороший денек, — сказал матрос.

Марвел стал испуганно озираться.

— Превосходный, — подтвердил он.

— Погода как раз по сезону, — продолжал матрос тоном, не допускавшим возражений.

— Вот именно, — согласился Марвел.

Матрос вынул зубочистку и несколько минут был занят исключительно ею. А между тем взгляд его был устремлен на Марвела и внимательно изучал запыленную фигуру и лежавшие рядом книги. Когда матрос подходил к Марвелу, ему показалось, что у того в кармане звенели деньги. Его поразило несоответствие между внешним видом Марвела и этим позвякиванием. И он заговорил о том, что владело его воображением.

— Книжки? — спросил он вдруг, усердно орудуя зубочисткой.

Марвел вздрогнул и посмотрел на связку, лежавшую рядом.

— Да, — сказал он, — да, да, это книги.

— Удивительные вещи можно найти в книгах, — продолжал матрос.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Марвел.

— И не только в книгах, — заметил матрос.

— Правильно, — подтвердил Марвел. Он взглянул на своего собеседника, затем огляделся по сторонам.

— Вот, к примеру сказать, удивительные вещи иногда пишут в газетах, — начал снова матрос.

— Н-да, бывает.

— Вот и в этой газете, — сказал матрос.

— А! — сказал мистер Марвел.

— Вот здесь, — продолжал матрос, не сводя с Мар-

вела упорного и серьезного взгляда,— напечатано про Невидимку.

Марвел скривил рот и почесал щеку, чувствуя, что у него покраснели уши.

— Чего только не выдумают,— сказал он слабым голосом.— Где это, в Австралии или в Америке?

— Ничего подобного,— возразил матрос,— здесь.

— Господи! — воскликнул Марвел, вздрогнув.

— То есть не то чтобы совсем здесь,— пояснил матрос, к величайшему облегчению мистера Марвела,— не на этом самом месте, где мы сейчас сидим, но поблизости.

— Невидимка,— сказал Марвел.— Ну, а что он делает?

— Все,— сказал моряк, внимательно разглядывая Марвела.— Все что угодно,— добавил он.

— Я уже четыре дня не видал газет,— заметил Марвел.

— Сперва он объявился в Айпинге,— сказал матрос.

— Вот как? — сказал Марвел.

— Там он объявился в первый раз,— продолжал матрос,— а откуда он взялся, этого, видно, никто не знает. Вот: «Необыкновенное происшествие в Айпинге». И в газете сказано, что все это точно и достоверно.

— Господи! — воскликнул Марвел.

— Да уж и впрямь удивительная история! И викарий и доктор утверждают, что видели его совершенно ясно... то есть, вернее говоря, не видели. Тут пишут, что он жил в трактире «Кучер и кони» и, видно, никто сперва не подозревал о его несчастье, а потом в трактире случилась драка, и у него с головы сорвали бинты. Тогда-то и заметили, что голова у него невидимая. Тут сказано, что его сразу же хотели схватить, да ему удалось сбросить с себя остальную одежду и скрыться. Правда, ему пришлось выдержать отчаянную борьбу, во время которой он нанес серьезные ранения достойному и почтенному констеблю мистеру Джефферсу. Вот как тут сказано. Все начистоту, а? Имена названы полностью, и все такое.

— Господи! — проговорил Марвел, беспокойно оглядываясь по сторонам и пытаясь ошупью сосчитать

деньги в карманах; ему пришла в голову странная и весьма любопытная мысль. — Как все это удивительно! — сказал он.

— Правда ведь? Просто необычайно. Никогда в жизни не слышал о невидимках. Да что говорить, в наше время порой слышишь о таких вещах, что...

— И это все, что он сделал? — спросил Марвел как можно непринужденнее.

— А этого разве мало? — сказал матрос.

— Он не вернулся в Айпинг? — спросил Марвел. — Просто скрылся, и все?

— Все, — сказал матрос. — Мало вам?

— Что вы, более чем достаточно, — проговорил Марвел.

— Еще бы не достаточно, — сказал моряк, — еще бы...

— А товарищей у него не было? Ничего не пишут об этом? — с тревогой спросил Марвел.

— Неужто вам мало одного такого молодца? — спросил матрос. — Нет, слава тебе господи, он был один. — Матрос хмуро покачал головой. — Даже подумать тошно, что он тут где-то околачивается! Он на свободе, и, как пишут в газете, по некоторым данным вполне можно предположить, что он направился в Порт-Стоу. А мы как раз тут! Это уж вам не американское чудо какое-нибудь. Вы подумайте только, что он может тут натворить! Вдруг он выпьет лишнего и вздумает броситься на вас? А если захочет грабить, кто ему помешает? Он может грабить, он может укокошить человека, может красть, может пройти сквозь полицейскую заставу так же легко, как мы с вами можем удрать от слепого. Еще легче! Слепые, говорят, замечательно хорошо слышат. А если он увидал винцо, которое ему пришлось бы по вкусу...

— Да, конечно, положение его очень выгодное, — сказал Марвел, — и...

— Правильно, — сказал матрос, — очень выгодное.

В течение всего этого разговора Марвел не переставал напряженно оглядываться по сторонам, прислушиваясь к едва слышным шагам и стараясь заметить неуловимые движения. Он, по-видимому, готов был принять какое-то важное решение.

Кашлянув в руку, он еще раз оглянулся, прислушался, потом наклонился к матросу и, понизив голос, сказал:

— Факт тот, что я случайно кое-что знаю об этом Невидимке. Из частных источников.

— Ого! — воскликнул матрос. — Вы?

— Да, — сказал Марвел. — Я.

— Вот как! — сказал матрос. — А разрешите...

— Вы будете удивлены, — сказал Марвел, прикрывая рот рукой. — Это изумительно.

— Еще бы! — сказал матрос.

— Дело в том... — начал Марвел доверительным тоном. Но вдруг выражение его лица, как по волшебству, изменилось. — Ой! — простонал он и тяжело заворочался на скамье; лицо его искривилось от боли. — Ой-ой-ой! — простонал он опять.

— Что с вами? — участливо спросил матрос.

— Зубы болят, — сказал Марвел и приложил руку к щеке. Потом быстро взял книги. — Мне, пожалуй, пора, — сказал он и начал как-то странно ерзать по скамейке, отодвигаясь от своего собеседника.

— Но вы же собирались рассказать мне про Невидимку, — запротестовал матрос.

Марвел остановился в нерешительности.

— Утка, — сказал Голос.

— Это утка, — повторил Марвел.

— Да ведь в газете написано... — возразил матрос.

— Просто утка, — сказал Марвел. — Я знаю, кто все это выдумал. Никакого нет Невидимки. Враки.

— Как же так? Ведь в газете...

— Все враки, от начала и до конца, — решительно заявил Марвел.

Матрос встал с газетой в руках и выпучил глаза. Марвел судорожно оглядывался кругом.

— Постойте, — сказал матрос медленно и раздельно. — Вы хотите сказать...

— Да, — сказал Марвел.

— Так какого же черта вы сидели и слушали, что я болтаю? Чего же вы молчали, когда я перед вами тут дурака валял? А?

Марвел надул щеки. Матрос вдруг побагровел и сжал кулаки.

— Я тут, может, десять минут сижу и размазываю эту историю, а ты, толстомордый болван, невежа ты этакий, не мог...

— Пожалуйста, перестаньте ругаться, — сказал Марвел.

— Ругаться? Погоди-ка...

— Идем! — сказал Голос.

Марвела вдруг приподняло, завертело, и он зашагал какой-то странной, дергающейся походкой.

— Убирайся, покуда цел! — сказал матрос.

— Это мне-то убираться? — сказал Марвел.

Он отступал какой-то неровной, торопливой походкой, почти скачками; потом что-то забормотал винноватым и вместе с тем обиженным тоном.

— Старый дурак! — сказал матрос; широко расставив ноги и подбоченясь, он глядел вслед удалявшемуся Марвелу. — Вот она, газета, тут все сказано. Я тебе покажу, нахал этакий! Меня не проведешь!

Марвел ответил что-то бессвязное; потом он скрылся за поворотом, а матрос все стоял посреди дороги, пока тележка мясника не заставила его отойти. Тогда он повернул к Порт-Стоу.

— Сколько дураксв на свете! — проворчал он. — Видно, хотел подшутить надо мной. Вот осел! Да ведь это в газете напечатано...

Вскоре ему пришлось услышать еще об одном удивительном событии, которое произошло совсем рядом. Это было видение «пригоршни денег» (не больше не меньше), путешествовавшей без видимых посредников вдоль стены на углу Сент-Майклс-Лейн. Свидетелем этого поразительного зрелища в то самое утро оказался другой матрос. Он, конечно, попытался схватить деньги, но был тут же сшиблен с ног, а когда вскочил, деньги упорхнули, как бабочка. Наш матрос склонен был, по его собственным словам, многому поверить, но это было уж слишком. Впоследствии он, однако, изменил свое мнение.

История о летающих деньгах была вполне достоверна. В этот день по всей округе, даже из великолепного филиала Лондонского банка, из касс трактиров и лавок — по случаю теплой погоды двери везде были открыты настежь — деньги спокойно и ловко выскаки-

вали пригоршнями и пачками и летали по стенам и закоулкам, быстро ускользая от взоров приближающихся людей. Свое таинственное путешествие деньги заканчивали — хотя никто этого не проследил — в карманах беспокойного человека в потрепанном цилиндре, сидевшего у дверей трактира в предместье Порт-Стоу.

Глава XV

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Ранним вечером доктор Кемп сидел в своем кабинете, в башенке дома, стоявшего на холме, откуда открывался вид на Бэрдок. Это была небольшая уютная комната с тремя окнами — на север, запад и юг, со множеством полок, уставленных книгами и научными журналами, и с массивным письменным столом; у северного окна стоял столик с микроскопом, стекляшками, всякого рода мелкими приборами, культурами бактерий и бутылочками, содержащими реактивы. Лампа в кабинете была уже зажжена, хотя лучи заходящего солнца еще ярко освещали небо; шторы были подняты, так как не приходилось опасаться, что кто-нибудь вздумает заглянуть в окно. Доктор Кемп был высокий, стройный молодой человек с льняными волосами и светлыми, почти белыми усами. Работе, которой он был сейчас занят, доктор придавал большое значение, рассчитывая попасть благодаря ей в члены Королевского научного общества.

Случайно подняв глаза от работы, он увидел пламенеющий закат над холмом против окна. С минуту, быть может, рассеянно прикусив кончик ручки, он любовался золотым сиянием над вершиной холма; затем внимание его привлекла маленькая черная фигурка, двигавшаяся по холму к его дому. Это был низенький человечек в цилиндре, и бежал он с такой быстротой, что ноги его так и мелькали в воздухе.

«Еще один осел,— подумал доктор Кемп.— Вроде того, который налетел на меня сегодня утром с криком: «Невидимка идет!» Не понимаю, что творится с людь-

ми. Можно подумать, что мы живем в тринадцатом веке».

Он встал, подошел к окну и стал смотреть на холм, окутанный сумраком, и на темную фигуру бегущего человека.

— Видно, он отчаянно торопится, — сказал доктор Кемп, — но от этого что-то мало толку. Он бежит так тяжело, как будто карманы у него набиты свинцом. Ходу, сэр, ходу! — сказал доктор Кемп.

Через минуту бегущий скрылся из виду за одной из вилл на склоне холма со стороны Бэрдока. Но еще через минуту он снова появился в просвете между виллами, потом опять скрылся и опять появился и так три раза, пока не исчез окончательно.

— Ослы! — сказал доктор Кемп и, отвернувшись от окна, снова направился к письменному столу.

Но те, кому случилось быть в это время на дороге и видеть вблизи бегущего человека, видеть выражение дикого ужаса на его мокром от пота лице, не разделяли презрительного скептицизма доктора. Человек бежал, и от него при этом исходил звон, как от туго набитого кошелька, который бросают то туда, то сюда. Он не оглядывался ни направо, ни налево, он смотрел испуганными глазами прямо перед собой, туда, где у подножия холма один за другим вспыхивали фонари и толпился народ. Его уродливая нижняя челюсть отвисла, на губах выступила пена, дышал он хрипло и громко. Все прохожие останавливались, начинали оглядывать дорогу и с беспокойством расспрашивали друг друга, чем может быть вызвано столь поспешное бегство.

Вдруг в отдалении, на вершине холма, собака, резвившаяся на дороге, завизжала, кинулась в подворотню, и, пока прохожие недоумевали, мимо них пронеслось что-то: не то ветер, не то шлепанье ног, не то звук тяжелого дыхания.

Люди закричали. Люди шарахнулись в сторону. С воплем кинулись под гору. Их крики уже раздавались на улице, когда Марвел был еще на середине холма.

Добежав до дому, они лихорадочно запирали за собой двери и, еле переводя дух, сообщали страшную

весть. Марвел слышал хлопанье дверей и бежал из последних сил.

Ужас пронесся мимо него, опередил его и в одно мгновение охватил весь город.

«Невидимка идет! Невидимка!..»

Глава XVI

В КАБАЧКЕ «ВЕСЕЛЫЕ КРИКЕТИСТЫ»

Кабачок «Веселые крикетисты» находится у самого подножия холма, там, где начинается линия конки. Хозяин кабачка, опершись толстыми красными руками о стойку, разговаривал о лошадях с худосочным извозчиком, а чернобородый человек, одетый в серое, уплетал сухари с сыром, потягивал вино и беседовал с полисменом, только что сменившимся с дежурства. Судя по акценту, это был американец.

— Что это за крики? — сказал извозчик, вдруг прервав разговор и стараясь поверх грязной желтой занавески на низеньком окне кабачка рассмотреть тянувшуюся вверх по холму дорогу.

Кто-то пробежал по улице мимо дверей.

— Уж не пожар ли? — сказал хозяин.

Послышались приближающиеся шаги; кто-то тяжело бежал. С шумом распахнулась дверь, и в комнату влетел Марвел, плачущий, растрепанный, без шляпы, с разорванным воротником. Судорожно обернувшись, он попытался закрыть дверь, но ему помешал ремень, которым она была привязана к стене.

— Идет! — завизжал Марвел не своим голосом. — Он идет, Невидимка! Гонится за мной! Ради бога... Спасите! Спасите! Спасите!

— Закройте дверь, — сказал полисмен. — Кто идет? В чем дело? — Он подошел к двери, отцепил ремень, и дверь захлопнулась. Американец закрыл вторую дверь.

— Пустите меня за стойку, — сказал Марвел, дрожа и плача, но крепко прижимая к себе книги. — Пустите меня! Спрячьте где-нибудь. Говорят вам, он гонится за мной. Я сбежал от него. Он сказал, что убьет меня. И убьет.

— Вам нечего бояться,— сказал чернобородый.— Двери заперты. А в чем дело?

— Спрячьте меня! — повторил Марвел и вдруг взвизгнул от страха: дверь затряслась от сильного удара, потом снаружи послышался торопливый стук и крики.

— Эй! — закричал полицейский.— Кто там?

Марвел как безумный заметался по комнате в поисках выхода.

— Он убьет меня! — кричал он.— У него нож! Ради бога!

— Вот,— сказал хозяин,— идите сюда.— И он откинул стойку.

Марвел бросился к нему. Стук в дверь возобновился.

— Не открывайте! — закричал Марвел.— Пожалуйста, не открывайте! Куда мне спрятаться?

— Так это, значит, Невидимка? — спросил чернобородый, заложив одну руку за спину.— Я думаю, пора уж и посмотреть на него.

Вдруг окно кабачка разлетелось вдребезги, и снаружи послышались крики и беготня. Полисмен, встав на скамейку и высунув голову в окно, старался разглядеть, что делается у дверей. Потом слез и сказал, озадаченно подняв брови:

— Это он.

Хозяин постоял перед дверью в соседнюю комнату, где заперли Марвела, поглядел на разбитое окно и пошел к своим посетителям.

Все вдруг затихло.

— Жаль, что у меня нет при себе дубинки,— сказал полисмен, нерешительно подходя к двери.— Как откроем дверь, так он сейчас и войдет. Ничем его не остановишь.

— А вы не очень торопитесь открывать дверь,— боязливо сказал худосочный извозчик.

— Отодвиньте засов,— сказал чернобородый.— Пусть только войдет...— И он показал револьвер, который держал в руке.

— Это не годится,— сказал полицейский,— может выйти убийство.

— Я знаю наши законы,— возразил чернобородый.— Я буду целиться в ноги. Отодвиньте засов.

— А если вы угодите мне в спину? — сказал хозяин, выглядывая из-под занавески в окно.

— Ладно, — бросил чернобородый и, нагнувшись, сам отодвинул засов, держа револьвер наготове.

Хозяин, извозчик и полисмен повернулись лицом к двери.

— Войдите, — негромко сказал чернобородый, отступая на шаг и глядя на открытую дверь; револьвер он держал за спиной.

Но никто не вошел, и дверь не открылась. Когда минут пять спустя другой извозчик осторожно заглянул в кабачок, то все они еще стояли в выжидательных позах, а из соседней комнаты выглядывала бледная, испуганная физиономия.

— Все ли двери в доме заперты? — спросил Марвел. — Он где-нибудь тут, вынюхивает. Ведь он хитер, как черт.

— Боже мой! — воскликнул хозяин. — А задняя дверь! Вы тут посторожите. Вот ведь... — Он беспомощно огляделся. Дверь в соседнюю комнату захлопнулась, и ключ щелкнул в замке. — Дверь во двор и отдельный ход! Дверь во двор...

Он выбежал из комнаты.

Через минуту он вернулся с кухонным ножом в руках.

— Дверь во двор открыта! — сказал он, и его толстая нижняя губа отвисла.

— Может, он уже в доме? — сказал первый извозчик.

— В кухне его нет, — сказал хозяин. — Там две служанки, и я по всей кухне прошел вот с этим ножом, ни одного уголка не пропустил. Они тоже говорят, что он не входил. Они ничего не заметили...

— Вы заперли дверь? — спросил первый извозчик.

— Не маленький, слава богу, — ответил хозяин.

Чернобородый спрятал револьвер. Но в ту же секунду хлопнула откидная доска стойки, загремела задвижка, громко затрещал замок, и дверь в соседнюю комнату распахнулась настежь. Они услышали, как Марвел взвизгнул, точно пойманный заяц, и кинулись за стойку к нему на помощь. Чернобородый выстрелил,

зеркало в соседней комнате треснуло, осколки со звоном разлетелись по полу.

Вбежав в комнату, хозяин увидел, что Марвел корчится и барахтается перед дверью, которая вела через кухню во двор. Пока хозяин стоял в нерешительности, дверь открылась, и Марвела втащили в кухню. Оттуда слышались крики и грохот падающих кастрюль. Марвел, нагнув голову, упирался, но его все же дотащили до двери. Засов отодвинулся.

Полисмен, протиснувшись мимо хозяина, вбежал на кухню, сопровождаемый одним из извозчиков, и схватил кисть невидимой руки, которая держала за шиворот Марвела, но тут же получил удар в лицо, пошатнулся и отступил.

Дверь раскрылась, и Марвел сделал отчаянную попытку спрятаться за ней. В это время извозчик что-то схватил.

— Я держу его! — закричал извозчик.

Красные руки хозяина вцепились в невидимое.

— Поймал! — крикнул он.

Марвел, выпущенный из невидимых рук, упал на пол и попытался проползти между ногами боровшихся людей. Борьба сосредоточилась у двери. Впервые раздался голос Невидимки — он громко вскрикнул, так как полисмен наступил ему на ногу. Затем послышалось яростное рычание, и Невидимка заработал кулаками, точно цепями. Извозчик вдруг взвыл и скрючился, получив удар под ложечку. Дверь, которая вела в комнаты, захлопнулась и прикрыла отступление Марвела. Люди топтались в тесной кухне, пока вдруг не заметили, что борются с пустотой.

— Куда он сбежал? — крикнул чернобородый.

— Сюда, — сказал полисмен, выходя во двор и оставаясь.

Кусок черепицы пролетел над его ухом и упал на кухонный стол, уставленный посудой.

— Я ему покажу! — крикнул чернобородый.

Над плечом полисмена блеснула сталь, и в сумрак, в ту сторону, откуда была брошена черепица, вылетели одна за другой пять пуль. Стеляя, чернобородый описывал рукой дугу по горизонтали так, что пули веером ложились по тесному дворику.

Наступила тишина.

— Пять пуль,— сказал чернобородый.— Это красиво! Козырная игра! Дайте-ка фонарь, и пойдемте искать тело!

Глава XVII

ГОСТЬ ДОКТОРА КЕМПА

Доктор Кемп продолжал писать в своем кабинете, пока звук выстрелов не привлек его внимания. Паф-паф-паф! — щелкали они один за другим.

— Ого! — воскликнул доктор, снова прикусив ручку и прислушиваясь.— Кто это в Бэрдоке палит из револьвера? Что еще эти ослы выдумали?

Он подошел к южному окну, открыл его и, высушившись, стал вглядываться в ночной город — сеть освещенных окон, газовых фонарей и витрин с черными промежутками крыш и дворов.

— Как будто там, под холмом, у «Крикетистов», собралась толпа,— сказал он, всматриваясь. Затем взгляд его устремился туда, где светились огни судов и пристань — небольшое, ярко освещенное строение сверкало, точно желтый алмаз. Молодой месяц восходил к западу от холма, а звезды сияли почти как в тропиках.

Минут через пять, в течение которых мысль его уносила к социальным условиям будущего и блуждала в дебрях беспредельных времен, доктор Кемп вздохнул, опустил окно и вернулся к письменному столу.

Приблизительно через час после этого у входной двери позвонили. С тех пор как доктор Кемп слышал выстрелы, работа его шла вяло, он то и дело отвлекался и задумывался. Когда раздался звонок, он оставил работу и прислушался. Он слышал, как прислуга пошла открывать двери, и ждал ее шагов по лестнице, но она не пришла.

— Кто бы это мог быть? — сказал доктор Кемп.

Он попытался снова приняться за работу, но это ему не удавалось. Тогда он встал, вышел из кабинета и спустился по лестнице на площадку. Там он позво-

нил и, когда в холле, внизу, появилась горничная, спросил ее, перегнувшись через перила:

— Письмо принесли?

— Нет, случайный звонок, мистер,— ответила горничная.

«Я что-то нервничаю сегодня»,— сказал Кемп про себя.

Он вернулся в кабинет, решительно принялся за работу и через несколько минут был уже весь поглощен ею. Тишину в комнате нарушало лишь тиканье часов да поскрипывание пера, бежавшего по бумаге в самом центре светлого круга, отбрасываемого лампой на стол.

Было два часа ночи, когда доктор Кемп решил, что на сегодня хватит. Он встал, зевнул и спустился вниз, в свою спальню. Он снял уже пиджак и жилет, как вдруг почувствовал, что ему хочется пить. Взяв свечу, он спустился в столовую, чтобы поискать там содовой воды и виски.

Научные занятия сделали доктора Кемпа весьма наблюдательным; возвращаясь из столовой, он заметил темное пятно на линолеуме, возле циновки, у самой лестницы. Он поднялся уже наверх, как вдруг из подсознания выплыл вопрос, откуда могло появиться это пятно. Он вернулся в холл, поставил сифон и виски на столик и, нагнувшись, стал рассматривать пятно. Без особого удивления он убедился, что оно липкое и темно-красное, совсем как подсыхающая кровь.

Прихватив сифон и бутылку с виски, он поднялся наверх, внимательно глядя по сторонам и пытаясь объяснить себе, откуда могло появиться кровавое пятно. На площадке он остановился и в изумлении уставился на дверь своей комнаты; ручка двери была в крови.

Он взглянул на свою руку. Она была совершенно чиста, и тут он вспомнил, что, когда вышел из кабинета, дверь в его спальню была открыта, следовательно, он к ручке совсем не прикасался. Он твердым шагом вошел в спальню. Лицо у него было совершенно спокойное, разве только несколько более решительное, чем обыкновенно. Взгляд его, внимательно осмотрев комнату, упал на кровать. На одеяле темнела лужа крови, простыня была разорвана. Войдя в комнату в первый раз, он этого не заметил, так как направился прямо к

туалетному столику. В одном месте постель была смята, как будто кто-то только что сидел на ней.

Тут ему почудилось, что чей-то голос негромко воскликнул: «Боже мой! Да ведь это Кемп!» Но доктор Кемп не верил в таинственные голоса.

Он стоял и смотрел на смятую постель. Должно быть, ему просто послышалось? Он снова огляделся, но не заметил ничего подозрительного, кроме смятой и запачканной кровью постели. Тут он ясно услышал какое-то движение в углу комнаты, возле умывальника. В душе всякого человека, даже самого просвещенного, гнездятся какие-то неуловимые остатки суеверия. Жуткое чувство охватило доктора Кемпа. Он затворил дверь спальни, подошел к комоду и поставил на него сифон. Вдруг он вздрогнул: в воздухе между ним и умывальником висела окровавленная повязка.

Пораженный, он стал вглядываться. Повязка была пустая, аккуратно сделанная, но совершенно пустая. Он хотел подойти и схватить ее, но что-то прикосновение остановило его, и он совсем рядом услышал голос:

— Кемп!

— А? — сказал Кемп, разинув рот.

— Не пугайтесь, — продолжал Голос. — Я Невидимка.

Кемп некоторое время молча глядел на повязку.

— Невидимка? — сказал он наконец.

— Невидимка, — повторил Голос.

Кемпу сразу вспомнилась история, которую он так усердно высмеивал еще сегодня утром. Но в эту минуту он, по-видимому, не очень испугался и удивился. Только впоследствии он мог дать себе отчет в своих чувствах.

— Я считал, что все это выдумка, — сказал он. При этом у него в голове вертелись доводы, которые он приводил утром. — Вы в повязке? — спросил он.

— Да, — ответил Невидимка.

— О! — взволнованно сказал Кемп. — Вот так штука! — Но тут же спохватился: — Вздор. Фокус какой-нибудь. — Он быстро шагнул вперед, и рука его, протянутая к повязке, встретила невидимые пальцы.

При этом прикосновении он отпрянул и изменился в лице.

— Ради бога, Кемп, не пугайтесь. Мне так нужна помощь! Пойдите!

Невидимая рука схватила Кемпа за локоть. Кемп ударил по ней.

— Кемп!—крикнул Голос.—Кемп, успокойтесь!..— И рука Невидимки еще крепче сжала его локоть.

Бешеное желание высвободиться овладело Кемпом. Перевязанная рука вцепилась ему в плечо, и вдруг Кемп был сшиблен с ног и брошен навзничь на кровать. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но в ту же секунду край простыни очутился у него между зубами. Невидимка держал его крепко, но руки у Кемпа были свободны, и он неистово колотил ими куда попало.

— Будьте благоразумны,— сказал Невидимка, который, несмотря на сыпавшиеся на него удары, крепко держал Кемпа.— Ради бога, не выводите меня из терпения. Лежите смирно, болван вы этакый! — проревел Невидимка в самое ухо Кемпа.

Еще с минуту Кемп продолжал барахтаться, потом затих.

— Если вы крикнете, я размозжу вам голову,— сказал Невидимка, вынимая простыню изо рта Кемпа.— Я Невидимка. Это не выдумка и не фокус. Я действительно Невидимка. И мне нужна ваша помощь. Я не причиню вам никакого вреда, если вы не будете вести себя, как обалделый мужлан. Неужели вы меня не помните, Кемп? Я Гриффин, мы же вместе учились в университете.

— Дайте мне встать,— сказал Кемп.— Я никуда не убегу. И дайте мне минуту посидеть спокойно.

Он сел на кровати и пощупал затылок.

— Я Гриффин, учился в университете вместе с вами. Я сделал себя невидимым. Я самый обыкновенный человек, которого вы знали, но только невидимый.

— Гриффин? — переспросил Кемп.

— Да, Гриффин,— ответил голос.— В университете я был на курс моложе вас, белокурый, почти альбинос, шести футов росту и широкоплечий, с розовым лицом и красными глазами. Получил награду за работу по химии.

— Ничего не понимаю,— сказал Кемп,— в голове у меня совсем помутилось. При чем тут Гриффин?

— Гриффин — это я.

Кемп задумался.

— Это ужасно! — сказал он. — Но какая чертовщина может сделать человека невидимым?

— Никакой чертовщины. Это вполне логичный и довольно несложный процесс...

— Это ужасно! — сказал Кемп. — Каким образом?

— Да, ужасно. Но я ранен, мне больно, и я устал. О господи, Кемп, будьте мужчиной. Отнеситесь к этому спокойно. Дайте мне поесть и напиться, а пока что я присяду.

Кемп глядел на повязку, двигавшуюся по комнате; затем он увидел, как плетеное кресло протатилось по полу и остановилось возле кровати. Оно затрепало, и сиденье опустилось на четверть дюйма. Кемп протер глаза и снова пощупал затылок.

— Это почище всяких привидений, — сказал он и глупо рассмеялся.

— Вот так-то лучше. Слава богу, вы становитесь благоразумным.

— Или глупею, — сказал Кемп и снова протер глаза.

— Дайте мне виски. Я еле дышу.

— Этого я бы не сказал. Где вы? Если я встану, то не наткнусь на вас?.. Ага, вы тут. Ладно. Виски?.. Пожалуйста. Куда же мне подать его вам?

Кресло затрепало, и Кемп почувствовал, что стакан берут у него из рук. Он выпустил его не без усилия, невольно опасаясь, что стакан разобьется. Стакан повис в воздухе, дюймах в двадцати над креслом. Кемп глядел на стакан в полном недоумении.

— Это... Ну конечно, это гипноз... Вы, должно быть, внушили мне, что вы невидимы.

— Чуть! — сказал Голос.

— Но ведь это безумие!

— Выслушайте меня.

— Только сегодня я привел неоспоримые доказательства, — начал Кемп, — что невидимость...

— Плюньте на все доказательства, — прервал его Голос. — Я умираю с голоду, и для человека совершенно раздетого здесь довольно прохладно.

— Он чувствует голод! — сказал Кемп.

Стакан виски опрокинулся.

— Да,— сказал Невидимка, со стуком отставляя стакан.— Нет ли у вас халата?

Кемп пробормотал что-то вполголоса и, подойдя к платяному шкафу, вынул оттуда темно-красный халат.

— Подойдет? — спросил он.

Халат взяли у него из рук. С минуту он висел неподвижно в воздухе, затем как-то странно заколыхался, вытянулся во всю длину и, застегнувшись на все пуговицы, опустился в кресло.

— Хорошо бы кальсоны, носки и туфли,— отрывисто произнес Невидимка.— И поесть.

— Все что угодно. Но со мной в жизни не случилось ничего более нелепого!

Кемп достал из комода вещи, которые просил Невидимка, и спустился в кладовку. Он вернулся с холодными котлетами и хлебом и, пододвинув небольшой столик, расставил все это перед гостем.

— Обойдусь и без ножа,— сказал Невидимка, и котлета повисла в воздухе; слышалось чавканье.— Я всегда предпочитал сперва одеться, а потом уже есть,— сказал Невидимка с набитым ртом, жадно глотая хлеб с котлетой.— Странная прихоть!

— Рука, по-видимому, действует? — сказал Кемп.

— Будьте спокойны,— сказал Невидимка.

— И все-таки как это странно!..

— Вот именно. Но самое странное то, что я попал именно к вам, когда мне понадобилась перевязка. Это моя первая удача! Впрочем, я все равно решил переночевать в этом доме. Вам не отвертеться! Страшно неудобно, что кровь мою видно, правда? Целая лужа на-текла. Должно быть, она становится видимой по мере свертывания. Мне удалось изменить лишь живую ткань, я невидим, только пока жив... Уж три часа, как я здесь.

— Но как вы это сделали? — начал Кемп раздраженно.— Черт знает что! Вся эта история от начала до конца — сплошная нелепость.

— Напрасно вы так думаете,— сказал Невидимка.— Все это совершенно разумно.

Он протянул руку и взял бутылку с виски. Кемп с изумлением глядел на халат, поглощавший виски.

Свет свечи, проходя сквозь дырку на правом плече халата, образовал светлый треугольник.

— Что это были за выстрелы? — спросил Кемп. — Отчего началась пальба?

— Там был один дурак, мой случайный компаньон, черт бы его побрал, который хотел украсть мои деньги. И украл-таки.

— Тоже невидимка?

— Нет.

— Ну, а дальше что?

— Нельзя ли мне еще чего-нибудь поесть, а? Потом я все расскажу по порядку. Я голоден, и рука болит, а вы хотите, чтобы я вам рассказывал!

Кемп встал.

— Значит, это не вы стреляли? — спросил он.

— Нет, — ответил гость. — Стрелял наобум какой-то идиот, которого я прежде никогда и в глаза не видел. Они перепугались. Меня все пугаются. Черт бы их побрал! Но вот что, Кемп, я есть хочу.

— Пойду поищу, нет ли внизу еще чего-нибудь съестного, — сказал Кемп. — Боюсь, что найдется не много.

Покончив с едой — а поел он основательно, — Невидимка попросил сигару. Он жадно откусил кончик, прежде чем Кемп успел разыскать нож, и выругался, когда снаружи отстал листок табака. Странно было видеть, как он курил: рот, горло, зев и ноздри проступали, словно слепок, сделанный из клубящегося дыма.

— Славная штука табак! — сказал он, глубоко затянувшись. — Мне повезло, что я попал к вам, Кемп. Вы должны помочь мне. Подумать только, в нужный момент я натолкнулся на вас! Я в отчаянном положении. Я был как помешанный. Чего только я не перенес! Но теперь у нас дело пойдет. Уж поверьте...

Он выпил еще виски с содовой. Кемп встал, осмотрелся и принес из соседней комнаты еще стакан, для себя.

— Все это дико... но, пожалуй, я тоже выпью.

— Вы почти не изменились, Кемп, за эти двенадцать лет. Блондины мало меняются. Все такой же хладнокровный и методичный... Я должен вам все объяснить. Мы будем работать вместе!

— Но как это вам удалось? — спросил Кемп. — Как вы стали таким?

— Ради бога, дайте мне спокойно покурить. Потом я вам все расскажу.

Но в эту ночь он не рассказал ничего. У него разболелась рука, его стало лихорадить, он очень ослабел. Ему все время мерещилась погоня на холме и драка возле кабачка. Он начал было рассказывать, но сразу отвлекся. Он бессвязно говорил о Марвеле, судорожно затыгивался, и в голосе его слышалось раздражение. Кемп старался извлечь из его рассказа все, что мог.

— Он меня боялся... Я видел, что он меня боится, — снова и снова повторял Невидимка. — Он хотел удрать от меня, только об этом и думал. Какого я дурака свалил! Ах, негодяй! Надо было убить его...

— Где вы достали деньги? — вдруг спросил Кемп. Невидимка помолчал.

— Сегодня я не могу вам сказать, — ответил он. Он вдруг застонал и сгорбился, схватившись невидимыми руками за невидимую голову.

— Кемп, — сказал он, — я не сплю уже третьи сутки, за все это время мне удалось вздремнуть час-другой, не больше. Я должен выспаться.

— Хорошо, — сказал Кемп. — Располагайтесь тут, в моей комнате.

— Но разве мне можно спать? Если я засну, он удержит. Эх! Ладно, все равно!

— Рана серьезная? — отрывисто спросил Кемп.

— Пустяки, царапина. Господи, как спать хочется!

— Так ложитесь.

Невидимка, казалось, смотрел на Кемпа.

— У меня нет ни малейшего желания быть пойманным моими ближними, — медленно проговорил он.

Кемп вздрогнул.

— Ох, и дурак же я! — воскликнул Невидимка, ударив кулаком по столу. — Сам подал вам эту мысль.

НЕВИДИМКА СПИТ

Несмотря на усталость и рану, Невидимка все же не положился на слово Кемпа, что на свободу его не будет никаких посягательств. Он осмотрел оба окна спальни, поднял шторы и открыл ставни, чтобы убедиться, что в случае надобности этим путем можно бежать. За окнами стояла мирная ночная тишина. Над холмами висел месяц. Затем Невидимка осмотрел замок спальни и двери уборной и ванной, чтобы убедиться, что и отсюда он может ускользнуть. Наконец он заявил, что удовлетворен. Он стоял перед камином, и Кемп услышал звук зевка.

— Мне очень жаль, — сказал Невидимка, — что я не могу сейчас рассказать вам обо всем, что я сделал. Но я положительно выбился из сил. Это нелепо, спору нет. Это чудовищно. Но верьте мне, Кемп, это вполне возможно. Я сделал открытие. Я думал сохранить его в тайне, но это немыслимо. Мне необходим помощник. А вы... Чего только мы не сможем сделать!.. Впрочем, оставим все это до завтра. Теперь, Кемп, я должен заснуть, иначе я умру.

Кемп стоял посреди комнаты, глядя на безголовый халат.

— Ладно, я оставляю вас, — сказал он. — Но это невероятно! Еще два таких факта, переворачивающих вверх дном все мои теории, и я сойду с ума. И все же, по-видимому, это так! Не надо ли вам еще чего-нибудь?

— Только чтоб вы пожелали мне спокойной ночи, — сказал Гриффин.

— Спокойной ночи, — сказал Кемп и пожал невидимую руку.

Он боком пошел к двери. Вдруг халат быстро приблизился к нему.

— Помните, — произнес Невидимка, — никаких попыток поймать или задержать меня, не то...

Кемп слегка изменился в лице.

— Ведь я, кажется, дал вам слово, — сказал он.

Кемп вышел, тихонько притворил за собой дверь, и ключ немедленно щелкнул в замке. Пока Кемп стоял

не двигаясь, с выражением покорного удивления на лице, раздались быстрые шаги, и дверь ванной также оказалась запертой. Кемп хлопнул себя рукой по лбу.

— Сплю я, что ли? Весь мир сошел с ума или это я помешался? — Он засмеялся и потрогал запертую дверь. — Изгнан из собственной спальни — и кем? Призраком. Вопиющая нелепость!

Он подошел к верхней ступеньке лестницы, оглянулся и снова посмотрел на запертые двери.

— Неоспоримый факт, — произнес он, дотрагиваясь до слегка ноющего затылка. — Да, неоспоримый факт. Но... — Он безнадежно покачал головой, повернулся и спустился вниз.

Он зажег лампу в столовой, взял сигару и начал шагать по комнате, то бормоча что-то бессвязное, то громко споря сам с собой.

— Невидимка! — сказал он. — Может ли быть невидимое существо? В море — да. Там таких существ тысячи, миллионы. Все крохотные науплиусы и торнарии, все микроорганизмы... А медузы? В море невидимых существ больше, чем видимых! Прежде я никогда об этом не думал... А в прудах! Все эти крохотные организмы, живущие в прудах, — кусочки бесцветной, прозрачной слизи... Но в воздухе? Нет! Это невозможно. А впрочем, почему бы и нет? Будь человек сделан из стекла, и то он был бы видим.

Кемп глубоко задумался. Три сигары обратились в белый пепел, рассыпанный по ковру, прежде чем он заговорил снова. Или, вернее, вскрикнул. Затем он вышел из комнаты, прошел в свою приемную и зажег там газовый рожок. Комната была небольшая. Так как доктор Кемп не занимался практикой, там лежали газеты. Утренний номер, развернутый, валялся на столе. Он схватил газету, быстро просмотрел ее и начал читать сообщение о «Необычайном происшествии в Айпинге», с таким усердием пересказанное Марвелу матросом в Порт-Стоу. Кемп быстро пробежал эти строки.

— Закутан! — воскликнул он. — Переодет! Скрывает свою тайну. По-видимому, никто не знал о его злоключениях! Что у него, черт возьми, на уме? — Он бросил газету и пошарил глазами по столу. — Ага! — сказал он и схватил «Сент-Джеймс газетт», которая бы-

ла еще не развернута. — Сейчас узнаем всю правду, — сказал он и развернул газету. В глаза ему бросились два столбца. «Целая деревня в Суссексе сошла с ума!» — гласил заголовок. — Боже милостивый! — воскликнул Кемп, жадно читая скептический отчет о вчерашних событиях в Айпинге, описанных нами выше.

Заметке предшествовало сообщение, перепечатанное из утренней газеты. Кемп перечитал все сначала. «Бежал по улице, рассыпая удары направо и налево. Джефферс в бессознательном состоянии. Мистер Хакстерс получил серьезные увечья и не может ничего сообщить из того, что видел. Тяжкое оскорбление, нанесенное викарию. Женщина заболела от страха. Окна перебиты. Вся эта необычайная история, вероятно, выдумка, но так хороша, что ее нельзя не напечатать».

Кемп выронил газету и тупо уставился в одну точку.

— Вероятно, выдумка! — повторил он.

Потом схватил газету и еще раз перечел все от начала до конца.

— Но откуда взялся бродяга? Какого черта он гнался за бродягой?

Кемп бессильно опустил в хирургическое кресло.

— Он не только невидимка, — сказал он, — но и помешанный! У него мания убийства!..

Когда вошла заря и бледные лучи ее смешались в столовой со светом газового рожка и сигарным дымом, Кемп все еще шагал из угла в угол, стараясь понять непостижимое.

Он был слишком взволнован, чтобы думать о сне. Заспанные слуги, застав его утром в таком виде, подумали, что на него плохо действовали усиленные занятия. Он отдал необычайное, но совершенно ясное распоряжение сервировать завтрак на двоих в кабинете наверху, а затем уйти вниз и больше наверху не показываться. Он продолжал шагать по столовой, пока не подали утреннюю газету. О Невидимке говорилось многословно, но новым было только очень бестолковое сообщение о вчерашних событиях в кабачке «Веселые крикетисты». Тут Кемпу впервые попало упоминание о Марвеле. «Он силой держал меня при себе целые

сутки», — заявил Марвел. Отчет об айпингских событиях был дополнен некоторыми мелкими фактами, в частности упоминалось о повреждении телеграфного провода. Но во всех этих сообщениях не было ничего, что проливало бы свет на взаимоотношения между Невидимкой и бродягой, ибо мистер Марвел умолчал о трех книгах и о деньгах, которыми были набиты его карманы. Скептического тона как не бывало, и целая армия репортеров уже принялась за тщательное расследование.

Кемп внимательно прочел все сообщение до последней строчки и послал горничную купить все утренние газеты, какие только она сможет достать. Потом он жадно прочитал и их.

— Он невидим! — сказал Кемп. — И если судить по газетам, то ярость его переходит в помешательство. Чего только он не натворит! Чего только не натворит! Ведь он там, наверху, и свободен, как ветер. Что мне делать? Можно ли назвать предательством, если я... Нет!

Он подошел к маленькому, заваленному бумагами столу в углу и начал писать записку. Написав несколько строк, он разорвал ее и написал другую. Перечел и задумался. Потом взял конверт и написал адрес: «Полковнику Эдаю, Порт-Бэрдок».

Невидимка проснулся как раз в ту минуту, когда Кемп запечатывал письмо. Он проснулся в дурном настроении, и Кемп, который чутко прислушивался ко всем звукам, услышал яростное шлепанье ног в спальне наверху. Затем раздался стук упавшего стула и звон разбитого стакана. Кемп поспешил наверх и нетерпеливо постучал в дверь спальни.

Глава XIX

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

— Что случилось? — спросил Кемп, когда Невидимка впустил его в комнату.

— Да ничего, — ответил он.

— А шум почему?

— Припадок раздражительности,— сказал Невидимка.— Забыл про свою руку, а она болит.

— Вы, по-видимому, подвержены такого рода вспышкам?

— Да.

Кемп прошел через комнату и подобрал осколки разбитого стакана.

— Про вас теперь все известно,— сказал Кемп.— Все, что случилось в Айпинге и внизу, в кабачке. Мир узнал о своем невидимом гражданине. Но никто не знает, что вы тут.

Невидимка выругался.

— Тайна раскрыта,— продолжал Кемп.— Ведь это была тайна, я полагаю? Не знаю, что вы намерены делать, но, разумеется, я готов помочь вам.

Невидимка сел на кровать.

— Наверху сервирован завтрак,— сказал Кемп, стараясь говорить непринужденным тоном, и с удовольствием заметил, что его странный гость охотно встал при этих словах.

Кемп повел его по узкой лестнице наверх.

— Прежде чем мы с вами что-либо предпримем,— сказал Кемп,— я хотел бы узнать поподробней, как это вы стали невидимым.

И, бросив быстрый, беспокойный взгляд в окно, Кемп уселся с видом человека, которому предстоит долгая и основательная беседа. У него снова промелькнула мысль, что все происходящее — нелепость, бред, но мысль эта сейчас же исчезла, как только он взглянул на Гриффина: безголовый, безрукий халат сидел за столом и вытирал невидимые губы чудом державшейся в воздухе салфеткой.

— Это очень просто и вполне вероятно,— сказал Гриффин, отложив в сторону салфетку и подперев невидимую голову невидимой рукой.

— Для вас, конечно, но...— Кемп засмеялся.

— Ну да, и мне это, конечно, сначала казалось волшебством, но теперь... Боже милостивый! Нам предстоят великие дела. Впервые эта идея возникла у меня в Чезилстоу.

— В Чезилстоу?

— Я переехал туда из Лондона. Вы знаете, я ведь

бросил медицину и занялся физикой. Не знали? Ну так вот. Меня увлекла проблема света.

— А-а!..

— Оптическая непроницаемость! Весь этот вопрос — сплошная сеть загадок, сквозь нее лишь смутно просвечивает неуловимое решение. А мне тогда было всего двадцать два года, и я был энтузиаст, вот я и сказал себе: «Этому вопросу я посвящу свою жизнь. Тут есть над чем поработать». Вы ведь знаете, каким бываешь дураком в двадцать два года.

— Неизвестно, быть может, мы теперь еще глупее,— заметил Кемп.

— Как будто знание может удовлетворить человека! Но я принялся за дело и работал как каторжный. Прошло полгода усиленного труда и раздумий — и вот сквозь туманную завесу блеснул ослепительный свет. Я нашел общий закон пигментов и преломления света — формулу, геометрическое выражение, включающее четыре измерения. Дураки, обыкновенные люди, даже обыкновенные математики, и не подозревают, какое значение может иметь для изучающего молекулярную физику общее выражение. В книгах — в тех книгах, которые украл этот бродяга,— есть чудеса, магические числа! Но это не был еще метод, это была идея, которая могла привести к методу. А при помощи этого метода оказалось бы возможным, не изменяя свойств материи — за исключением цвета в некоторых случаях,— свести коэффициент преломления света в некоторых веществах, твердых или жидких, к коэффициенту преломления в воздухе.

Кемп присвистнул.

— Это любопытно. Но все же мне не совсем ясно... Я понимаю, что таким путем вы могли бы испортить драгоценный камень, но сделать человека невидимым, до этого еще далеко.

— Безусловно,— сказал Гриффин.— Однако подумайте: видимость зависит от того, как видимое тело реагирует на свет. Давайте уж я начну с азов, тогда вы лучше поймете дальнейшее. Вы прекрасно знаете, что тела либо поглощают свет, либо отражают, либо преломляют его или, может быть, всё вместе. Если тело не отражает, не преломляет и не поглощает света,

то оно не может быть видимо само по себе. Так, например, вы видите непрозрачный красный ящик только потому, что он поглощает некоторую долю света и отражает остальное, а именно — все красные лучи. Если бы ящик не поглощал некоторой доли света, а отражал бы его весь, то он был бы блестящим белым. Вспомните серебро! Алмазный ящик не поглощал бы много света, и вместе с тем его поверхность отражала бы мало света, но в отдельных местах, в зависимости от расположения плоскостей, свет отражался и преломлялся бы, и мы видели бы блестящую паутину сверкающих отражений и прозрачных плоскостей, нечто вроде светового скелета. Стекланный ящик не так блестящ и не столь отчетливо видим, как алмазный, потому что в нем меньше отражений и преломлений. Понятно? Под известным углом зрения такой ящик будет прозрачным; некоторые сорта стекла более видимы, чем другие; хрустальный ящик блесстел бы сильнее, чем ящик из обыкновенного оконного стекла. Ящик из очень тонкого обыкновенного стекла было бы очень трудно различить при плохом освещении, потому что он не поглощает почти никаких лучей и отражает и преломляет совсем мало света. Если вы положите кусок обыкновенного стекла в воду или, еще лучше, в какую-нибудь жидкость, более плотную, чем вода, то вы стекла почти совсем не увидите, потому что свет, переходя из воды в стекло, преломляется и отражается очень слабо и вообще не подвергается почти никакому воздействию. Стекло в таком случае столь же невидимо, как струи углекислоты или водорода в воздухе. И по той же причине.

— Да,— сказал Кемп,— все это ясно. В таких вещах теперь разбирается каждый школьник.

— А вот еще один факт, в котором разберется всякий школьник. Если разбить кусок стекла и мелко истолочь его, оно станет гораздо более заметным в воздухе и превратится в белый непрозрачный порошок. Это происходит потому, что превращение стекла в порошок увеличивает число плоскостей преломления и отражения. В стеклянной пластинке имеется всего две поверхности, в порошке же каждая крупинка представляет собой плоскость преломления и отражения света,

и сквозь порошок света проходит очень мало. Но если белый стеклянный порошок высыпать в воду, то он почти совершенно исчезает. Стеклянный порошок и вода имеют почти одинаковый коэффициент преломления, и свет, переходя из одной среды в другую, почти не преломляется и не отражается. Вы делаете стекло невидимым, помещая его в жидкость с приблизительно таким же коэффициентом преломления; всякая прозрачная вещь делается невидимой, если поместить ее в среду, обладающую одинаковым с ней коэффициентом преломления. И если вы чуточку подумаете, то поймете, что стеклянный порошок можно сделать невидимым и в воздухе, если только удастся довести коэффициент преломления света в нем до коэффициента преломления света в воздухе. Ибо в таком случае при переходе света из воздуха в порошок он не будет ни отражаться, ни преломляться.

— Все это так,— сказал Кемп.— Но ведь человек— не стеклянный порошок!

— Нет,— сказал Гриффин.— Он прозрачнее.

— Ерунда!

— И это говорит врач! Как легко все забывается! Неужели за десять лет вы успели перезабывать все, что знали из физики? А вы подумайте, сколько существует прозрачных веществ, которые вовсе не кажутся прозрачными. Бумага, например, состоит из прозрачных волокон, и если она представляется нам белой и непрозрачной, то это происходит по той же самой причине, по которой нам кажется белым и непрозрачным толченное стекло. Промаслите белую бумагу, заполните все поры между частицами бумаги маслом так, чтобы преломление и отражение света происходило только на поверхности, и бумага делается такой же прозрачной, как стекло. И не только бумага, но и волокна хлопка, льна, шерсти, дерева, а также — заметьте это, Кемп! — и кости, мышцы, волосы, ногти и нервы. Одним словом, весь человеческий организм состоит из прозрачных бесцветных тканей, за исключением красных кровяных шариков и темного пигмента волос; вот как мало нужно, чтобы мы могли видеть друг друга. По большей части ткани живого существа не менее прозрачны, чем вода.

— Верно, верно! — воскликнул Кемп. — Только сегодня ночью я думал о морских личинках и медузах!

— Вот-вот! Теперь вы меня поняли! И все это я знал и продумал уже через год после отъезда из Лондона, шесть лет назад. Но я ни с кем не поделился своими мыслями. Мне пришлось работать в очень тяжелых условиях. Оливер, мой профессор, был мужлан в науке, человек, падкий до чужих идей, — он вечно за мной шпионил. Вы ведь знаете, какое жульничество царит в научном мире. Я не хотел публиковать свое открытие и делиться с ним славой. Я продолжал работать и все ближе подходил к превращению своей теоретической формулы в эксперимент, в реальный опыт. Я никому не сообщал о своих работах, хотел ослепить мир своим открытием и сразу стать знаменитым. Я занялся вопросом о пигментах, чтобы заполнить некоторые пробелы. И вдруг, по чистой случайности, сделал открытие в области физиологии.

— Да?

— Вам известно красное вещество, окрашивающее кровь. Так вот: оно может стать белым, бесцветным, сохраняя в то же время все свои свойства!

У Кемпа вырвался возглас изумления.

Невидимка встал и зашагал по тесному кабинету.

— Вы поражены, я понимаю. Помню ту ночь. Было очень поздно — днем мешали работать безграмотные студенты, смотревшие на меня, разинув рот, и я иной раз засиживался до утра. Открытие это осенило меня внезапно, оно появилось во всем своем блеске и завершенности. Я был один, в лаборатории царил тишина, сверху ярко горели лампы. В знаменательные минуты своей жизни я всегда оказываюсь один. «Можно сделать животное — его ткань — прозрачным! Можно сделать его невидимым! Все, кроме пигментов. Я могу стать невидимкой!» — сказал я, вдруг осознав, что значит быть альбиносом, обладая таким знанием. Я был ошеломлен. Я бросил фильтрование, которым был занят, и подошел к большому окну. «Я могу стать невидимкой», — повторял я, глядя в усеянное звездами небо. Сделать это — значит превзойти магию и волшебство. И я, свободный от всяких сомнений, стал рисовать

себе великолепную картину того, что может дать человеку невидимость: таинственность, могущество, свободу. Обратной стороны медали я не видел. Подумайте только! Я, жалкий, нищий ассистент, обучающий дураков в провинциальном колледже, могу сделаться всемогущим. Скажите сами, Кемп, вот если бы вы... Всякий, поверьте, ухватился бы за такое открытие. Я работал еще три года, и за каждым препятствием, которое я с таким трудом преодолевал, возникало новое. Какая бездна мелочей, и к тому же ни минуты покоя! Этот провинциальный профессор вечно подглядывает за тобой! Зудит и зудит: «Когда же вы наконец опубликуете свою работу?» А студенты, а нужда! Три года такой жизни... Три года я работал, скрываясь, в непрестанной тревоге и наконец понял, что закончить мой опыт невозможно... невозможно...

— Почему? — спросил Кемп.

— Деньги... — ответил Невидимка и стал глядеть в окно.

Вдруг он резко обернулся:

— Тогда я ограбил своего старика, ограбил родного отца... Деньги были чужие, и он застрелился.

Глава XX

В ДОМЕ НА ГРЕЙТ-ПОРТЛЕНД-СТРИТ

С минуту Кемп сидел молча, глядя в спину стоявшей у окна безголовой фигуры. Потом вздрогнул, пораженный какой-то мыслью, встал, взял Невидимку за руку и отвел от окна.

— Вы устали, — сказал он. — Я сижу, а вы все время ходите. Сядьте в мое кресло.

Сам он сел между Гриффином и ближайшим окном.

Гриффин опустил в кресло, помолчал немного, затем опять быстро заговорил:

— Когда это случилось, я уже расстался с колледжем в Чезилстоу. Это было в декабре прошлого года. Я снял комнату в Лондоне, большую комнату без мебели в огромном запущенном доме, в глухом квартале на Грейт-Портленд-стрит. Комната скоро заполнилась

всевозможными аппаратами, которые я купил на отцовские деньги, и я продолжал работу, успешно подвигаясь к цели. Я был как человек, выбравшийся из густой чащи и неожиданно втянутый в какую-то нелепую трагедию. Я поехал на похороны отца. Я весь был поглощен своими опытами и палец о палец не ударил, чтобы спасти его репутацию. Помню похороны, дешевый гроб, убогую процессию, поднимавшуюся по склону холма, холодный, пронизывающий ветер... Старый университетский товарищ отца совершил над ним последний обряд — жалкий черный, скрюченный старик, страдавший насморком.

Помню, я возвращался с кладбища в опустевший дом по местечку, которое некогда было деревней, а теперь, на скорую руку перестроенное и залатанное, стало безобразным подобием города. Все дороги, по какой ни пойдешь, вели на изрытые окрестные поля и обрывались среди груд щебня и густых сорняков. Помню, как я шагал по скользкому блестящему тротуару — мрачная черная фигура — и какое странное чувство отчужденности я испытывал в этом ханжеском, торгашеском городишке.

Смерть отца ничуть меня не огорчила. Он казался мне жертвой своей собственной глупой чувствительности. Всеобщее лицемерие требовало моего присутствия на похоронах, в действительности же это меня мало касалось.

Но, идя по главной улице, я припомнил на миг свое прошлое. Я увидел девушку, которую знал десять лет назад. Наши глаза встретились...

Сам не знаю, почему я вернулся и заговорил с ней. Она оказалась самым заурядным существом.

Все мое пребывание на старом пепелище было как сон. Я не чувствовал тогда, что я одинок, что я перешел из живого мира в пустыню. Я сознавал, что потерял интерес к окружающему, но приписывал это общей пустоте жизни. Вернуться в свою комнату значило для меня вновь обрести подлинную действительность. Здесь было все, что я знал и любил: аппараты, подготовленные опыты. Почти все препятствия были уже преодолены, оставалось лишь обдумать некоторые детали.

Когда-нибудь, Кемп, я опишу вам все эти сложней-

шие процессы. Не станем сейчас входить в подробности. По большей части, за исключением некоторых сведений, которые я предпочитаю хранить в памяти, все это записано шифром в тех книгах, которые утащил бродяга. Мы должны изловить его. Мы должны вернуть эти книги. Главная задача заключалась в том, чтобы поместить прозрачный предмет, коэффициент преломления света в котором требовалось понизить, между двумя светоизлучающими центрами эфирной вибрации — о ней я расскажу вам после. Нет, это не рентгеновские лучи. Не знаю, описывал ли кто-нибудь те лучи, о которых я говорю. Но они существуют, это несомненно. Я пользовался двумя небольшими динамо-машинами, которые приводил в движение при помощи дешевого газового двигателя. Первый свой опыт я проделал над куском белой шерстяной материи. До чего же странно было видеть, как эта белая мягкая материя постепенно таяла, точно струя пара, и затем совершенно исчезла!

Мне не верилось, что я это сделал. Я сунул руку в пустоту и нащупал материю, столь же плотную, как и раньше. Я нечаянно дернул ее, и она упала на пол. Я не сразу ее нашел.

А потом я проделал следующий опыт. Я услышал у себя за спиной мяуканье, обернулся и увидел на водосточной трубе за окном белую кошку, тощую и ужасно грязную. Меня словно осенило. «Все готово для тебя», — сказал я, подошел к окну, открыл его и ласково позвал кошку. Она вошла в комнату, мурлыча, — бедняга, она чуть не подыхала от голода, и я дал ей молока. Вся моя провизия хранилась в буфете, в углу. Вылакав молоко, кошка стала разгуливать по комнате, обнюхивая все углы, — очевидно, она решила, что здесь будет ее новый дом. Невидимая тряпка несколько встревожила ее — слышали бы вы, как она зафыркала! Я устроил ее очень удобно на своей складной кровати. Угостил маслом, чтобы она дала вымыть себя.

— И вы подвергли ее опыту?

— Да. Но напоить кошку снадобьями — это не шутка, Кемп! И опыт мой не совсем удался.

— Не совсем?

— По двум пунктам. Во-первых, когти, а во-вторых,

пигмент — забыл его название — на задней стенке глаза у кошек, помните?

— Tapetum.

— Вот именно, tapetum. Этот пигмент не исчезал. После того как я ввел ей средство для обесцвечивания крови и проделал над ней разные другие процедуры, я дал ей опиума и вместе с подушкой, на которой она спала, поместил ее у аппарата. И потом, когда все обесцветилось и исчезло, остались два небольших пятна — ее глаза.

— Любопытно!

— Я не могу этого объяснить. Конечно, она была забинтована и связана, и я не боялся, что она убежит, но она проснулась, когда превращение еще не совсем закончилось, стала жалобно мяукать, и тут раздался стук в дверь. Стучала старуха, жившая внизу и подозревавшая меня в том, что я занимаюсь вивисекцией, — пьяница, у которой на свете ничего и никого не было, кроме этой кошки. Я поспешил прибегнуть к помощи хлороформа. Кошка замолчала, и я приоткрыл дверь. «Это у вас кошка мяукала? — спросила она. — Уж не моя ли?» — «Вы ошиблись, здесь нет никакой кошки», — ответил я очень любезно. Она не очень-то мне поверила и попыталась заглянуть в комнату. Должно быть, странной ей показалась моя комната: голые стены, окна без занавесей, складная кровать, газовый двигатель в действии, свечение аппарата и слабый дурманящий запах хлороформа. Удовлетворившись этим, она отправилась восвояси.

— Сколько времени нужно на это? — спросил Кемп.

— На опыт с кошкой ушло часа три-четыре. Последними исчезли кости, сухожилия и жир, а также кончики окрашенных волосков шерсти. Но, как я уже сказал, радужное вещество на задней стенке глаза не исчезло.

Когда я закончил опыт, уже наступила ночь; ничего не было видно, кроме туманных пятен на месте глаз и когтей. Я остановил двигатель, нащупал и погладил кошку, которая еще не очнулась, и, развязав ее, оставил спать на невидимой подушке, а сам, чувствуя смертельную усталость, лег в постель. Но уснуть я не мог. В голове проносились смутные, бессвязные мысли. Снова и снова перебирал я все подробности только что

произведенного опыта или же забывался лихорадочным сном, и мне казалось, что все окружающее становится смутным, расплывается и, наконец, сама земля исчезает у меня из-под ног и я проваливаюсь, падаю куда-то, как бывает только в кошмаре... Около двух часов ночи кошка проснулась и стала бегать по комнате, жалобно мяукая. Я пытался успокоить ее ласковыми словами, а потом решил выгнать. Помню, как я был потрясен, когда зажег спичку, — я увидел два круглых светящихся глаза и вокруг них — ничего. Я хотел дать ей молока, но его не оказалось. А она все не успокаивалась, села у самых дверей и продолжала мяукать. Я старался поймать ее, чтобы выпустить из окна, но она не давалась в руки и все исчезала. То тут, то там в разных концах комнаты раздавалось ее мяуканье. Наконец, я открыл окно и стал метаться по комнате. Вероятно, она испугалась и выскочила в окно. Больше я ее не видел и не слышал.

Потом, бог весть почему, я стал вспоминать похороны отца, холодный ветер, дувший на склоне холма... Так продолжалось до самого рассвета. Чувствуя, что мне не заснуть, я встал и, заперев за собой дверь, отправился бродить по тихим утренним улицам.

— Неужели вы думаете, что и сейчас по свету гуляет невидимая кошка? — спросил Кемп.

— Если только ее не убили, — ответил Невидимка. — А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил Кемп и извинился: — Простите, что я прервал вас.

— Вероятно, ее убили, — сказал Невидимка. — Четыре дня спустя она была еще жива, это я знаю точно: она, очевидно, сидела под забором на Грейт-Тичфильд-стрит, там собралась толпа зевак, старавшихся понять, откуда слышится мяуканье.

С минуту он молчал, потом снова быстро заговорил:

— Я очень ясно помню это утро. Я, вероятно, прошел всю Грейт-Портленд-стрит. Помню казармы на Олбэни-стрит и выезжавших оттуда кавалеристов. В конце концов я очутился на вершине Примроуз-Хилл; я чувствовал себя совсем больным. Был солнечный январский день; в тот год снег еще не выпал, и погода стояла ясная, морозная. Я устало размышлял,

стараясь охватить положение, наметить план действий.

Я с удивлением убедился, что теперь, когда я почти достиг заветной цели, это совсем меня не радует. Я был слишком утомлен; от страшного напряжения почти четырехлетней непрерывной работы все мои чувства притупились. Мной овладела апатия, и я тщетно пытался вернуть горение первых дней работы, вернуть то страстное стремление к открытиям, которое дало мне силу хладнокровно погубить старика отца. Я потерял интерес ко всему. Но я понимал, что это преходящее состояние, вызванное переутомлением и бессонницей, и что если не лекарства, так отдых вернет мне прежнюю энергию.

Ясно я сознавал только одно: дело необходимо довести до конца. Навязчивая идея все еще владела мной. И сделать это надо как можно скорей, ведь я уже истратил почти все деньги. Я оглянулся кругом, посмотрел на играющих детей и следивших за ними нянек и начал думать о тех фантастических преимуществах, которыми может пользоваться невидимый человек. Я вернулся домой, немного поел, принял большую дозу стрихнина и лег спать, не раздеваясь, на неубранной постели. Стрихнин, Кемп,— замечательное укрепляющее средство, он не дает человеку упасть духом.

— Дьявольская штука,— сказал Кемп.— Он превращает вас в такого первобытного дикаря.

— Я проснулся, ощущая прилив сил, но и какое-то раздражение. Вам знакомо это состояние?

— Знакомо.

— Кто-то постучал в дверь. Это был домохозяин, пришедший с угрозами и расспросами, старый польский еврей в длинном сером сюртуке и стоптанных туфлях. Я ночью мучил кошку, уверял он; старуха, очевидно, успела уже все разболтать. Он требовал, чтобы я объяснил ему, в чем дело. Вивисекция строго запрещена законом, ответственность может пасть и на него. Я утверждал, что никакой кошки у меня не было. Тогда он заявил, что запах газа от двигателя чувствуется по всему дому. С этим я, конечно, согласился. Он все вертелся вокруг меня, стараясь прошмыгнуть в комнату, заглядывая туда сквозь свои очки в серебряной оправе, и вдруг меня охватил страх, как бы он не проник

в мою тайну. Я поспешил встать между ним и аппаратом, но это только подстегнуло его любопытство. Чем я занимаюсь? Почему я всегда один и скрываюсь от людей? Не занимаюсь ли я чем-нибудь преступным? Не опасно ли это? Ведь я ничего не плачу, кроме обычной квартирной платы. Его дом всегда пользовался хорошей репутацией, в то время как соседние дома этим похвастать не могут. Наконец я потерял терпение. Попросил его убраться. Он запротестовал, что-то бормотал про свое право входить ко мне, когда ему угодно. Еще секунда — и я схватил его за шиворот... Что-то с треском порвалось, и он пулей вылетел в коридор. Я захлопнул за ним дверь, запер ее на ключ и, весь дрожа, опустился на стул.

Хозяин еще некоторое время шумел за дверью, но я не обращал на него внимания, и он скоро ушел.

Это происшествие принудило меня к решительным действиям. Я не знал ни того, что он намерен делать, ни что он вправе сделать. Переезд на новую квартиру означал бы задержку в моей работе, а денег у меня в банке осталось всего двадцать фунтов. Нет, никакой проволоочки я не мог допустить. Исчезнуть! Искушение было неодолимо. Но тогда начнется следствие, комнату мою разграбят...

Одна мысль о том, что работу мою могут предать огласке или прервать в тот момент, когда она почти закончена, привела меня в ярость и вернула мне энергию. Я поспешно вышел со своими тремя томами заметок и чековой книжкой — теперь все это находится у того бродяги — и отправил их из ближайшего почтового отделения в контору хранения писем и посылок на Грейт-Портленд-стрит. Я постарался выйти из дому как можно тише. Вернувшись, я увидел, что мой домохозяин не спеша поднимается по лестнице — он, очевидно, слышал, как я запираю дверь. Вы бы расхохотались, если бы увидели, как он шарахнулся, когда я догнал его на площадке. Он бросил на меня испепеляющий взгляд, но я пробежал мимо него и влетел к себе в комнату, хлопнув дверью так, что весь дом задрожал. Я слышал, как он, шаркая туфлями, доплелся до моей двери, немного постоял перед ней, потом спустился вниз. Я медленно стал готовиться к опыту.

Все было сделано в течение этого вечера и ночи. В то время, когда я еще находился под одурманивающим действием снадобий, принятых мной для обесцвечения крови, кто-то стал стучаться в дверь. Потом стук прекратился, шаги начали удаляться, но вот снова приблизились, и стук в дверь повторился. Кто-то попытался что-то просунуть под дверь — какую-то синюю бумажку. Терпение мое лопнуло, я вскочил, подошел к двери и распахнул ее настежь. «Ну, что еще там?» — спросил я.

Это оказался хозяин, он принес мне повестку о выселении или что-то в этом роде. Он протянул мне бумагу, но, по-видимому, его чем-то удивили мои руки, и он взглянул мне в лицо.

С минуту он стоял, разинув рот, потом выкрикнул что-то нечленораздельное, уронил свечу и бумагу и, спотыкаясь, бросился бежать по темному коридору к лестнице. Я закрыл дверь, запер ее на ключ и подошел к зеркалу. Тогда я понял его ужас. Лицо у меня было белое, как мрамор.

Но я не ожидал, что мне придется так сильно страдать. Это было ужасно. Вся ночь прошла в страшных мучениях, тошноте и обмороках. Я стискивал зубы, все тело горело, как в огне, но я лежал неподвижно, точно мертвый. Тогда-то я понял, почему кошка так мяукала, пока я не захлороформировал ее. К счастью, я жил один, без прислуги. Были минуты, когда я плакал, стонал, разговаривал сам с собой. Но я все вытерпел... Я потерял сознание и очнулся только среди ночи, совсем ослабевший.

Боли я уже не чувствовал. Я решил, что умираю, но отнесся к этому совершенно равнодушно. Никогда не забуду этого рассвета, не забуду жуты, охватившей меня при виде моих рук, словно сделанных из дымчатого стекла и постепенно, по мере наступления дня, становившихся все прозрачнее и тоньше, так что я мог видеть сквозь них все предметы, в беспорядке разбросанные по комнате, хотя и закрывал свои прозрачные веки. Тело мое сделалось как бы стеклянным, кости и артерии постепенно бледнели, исчезали: последними исчезли тонкие нити нервов. Я скрипел зубами, но выдержал до конца... И вот остались только мертвенно-

белые кончики ногтей и бурое пятно какой-то кислоты на пальце.

С большим трудом поднялся я с постели. Сначала я чувствовал себя беспомощным, как грудной младенец, ступая ногами, которых не видел. Я был очень слаб и голоден. Подойдя к зеркалу, перед которым я обыкновенно брился, я увидел пустоту, в которой еле-еле можно было еще различить туманные следы пигмента на сетчатой оболочке глаз. Я схватился за край стола и прижался лбом к зеркалу.

Только отчаянным напряжением воли я заставил себя вернуться к аппарату и закончить процесс.

Я проспал все утро, закрыв лицо простыней, чтобы защитить глаза от света. Около полудня меня снова разбудил стук в дверь. Силы вернулись ко мне. Я сел, прислушался и услышал шепот. Я вскочил и принялся без шума разбирать аппарат, рассовывая отдельные части его по разным углам, чтобы невозможно было догадаться о его устройстве. Снова раздался стук, и послышались голоса — сначала голос хозяина, а потом еще два, незнакомые. Чтобы выиграть время, я ответил им. Мне попались под руку невидимая тряпка и подушка, и я выбросил их через окно на соседнюю крышу. Когда я открыл окно, дверь оглушительно затрещала. По-видимому, кто-то налег на нее плечом, надеясь высадить замок. Но крепкие засовы, приделанные мной за несколько дней до этого, не поддавались. Однако это встревожило и возмутило меня. Весь дрожа, я стал торопливо заканчивать свои приготовления.

Я собрал в кучу валявшиеся на полу черновики записей, немного соломы, оберточную бумагу и тому подобный хлам и открыл газ. В дверь посыпались тяжелые и частые удары. Я никак не мог найти спички. В бешенстве я стал колотить по стене кулаком. Я снова завернул газовый рожок, вылез из окна на соседнюю крышу, очень тихо опустил раму и сел — в полной безопасности, невидимый, но дрожа от гнева и нетерпения. Я видел, как от двери оторвали доску, затем отбили скобы засовов, и в комнату вошли хозяин и два его пасынка — два дюжих парня двадцати трех и двадцати четырех лет. Следом за ними семенила старая ведьма, жившая внизу.

Можете себе представить их изумление, когда они нашли комнату пустой. Один из парней сразу подбежал к окну, открыл его и стал оглядываться кругом. Его толстогубая бородатая физиономия с выпученными глазами была от меня на расстоянии фута. Меня так и подмывало хватить кулаком по этой глупой роже, но я сдержался. Он глядел прямо сквозь меня, как и все остальные, которые подошли к нему. Старик вернулся в комнату и заглянул под кровать, а потом все они бросились к буфету. Затем они стали горячо обсуждать происшествие, мешая еврейский жаргон с жаргоном лондонских предместий. Они пришли к заключению, что я вовсе не отвечал на стук и что им это только почудилось. Мой гнев уступил место чувству необычайного торжества; я сидел за окном и спокойно следил за этими четырьмя людьми — старуха тоже вошла в комнату, по-кошачьи подозрительно озираясь, — пытавшимися разрешить загадку моего поведения.

Старик, насколько я мог понять его двуязычный жаргон, соглашался со старухой, что я занимаюсь вивисекцией. Пасынки возражали на ломаном английском языке, утверждая, что я электротехник, и в доказательство ссылались на динамо-машины и излучающие аппараты. Они все побаивались моего возвращения, хотя, как я узнал впоследствии, заперли наружную дверь. Старуха шарила в буфете и под кроватью, а один из моих соседей по квартире, уличный разносчик, живший вместе с мясником в комнате напротив, появился на площадке лестницы. Его также пригласили в мою комнату и наговорили ему невесть что.

Мне пришло в голову, что если мои аппараты попадут в руки наблюдательного и толкового специалиста, то они слишком многое откроют ему; поэтому, улучив минуту, я влез в комнату, разъединил динамо-машины и разбил оба аппарата. До чего же они переполошились! Затем, пока они старались объяснить себе это, я выскользнул из комнаты и тихонько спустился вниз.

Я вошел в гостиную и стал ожидать их возвращения. Вскоре они пришли, все еще обсуждая происшествие и стараясь найти ему объяснение. Они были несколько разочарованы, не найдя никаких «ужасов», и

в то же время сильно смущены, не зная, насколько законно они действовали по отношению ко мне. Как только они спустились вниз, я снова пробрался к себе в комнату, захватив коробку спичек, зажег бумагу и мусор, придвинул к огню стулья и кровать, при помощи гуттаперчевой трубки подвел к пламени газ и простился с комнатой.

— Вы подожгли дом? — воскликнул Кемп.

— Да. Это было единственное средство замести следы, а дом, безусловно, был застрахован... Я осторожно отодвинул засов наружной двери и вышел на улицу. Я был невидим и еще только начинал сознавать, какие преимущества это давало мне. Сотни самых дерзких и фантастических планов возникали в моем мозгу, и от сознания полной безнаказанности кружилась голова.

Глава XXI

НА ОКСФОРД-СТРИТ

Спускаясь в первый раз по лестнице, я натолкнулся на неожиданное затруднение: ходить, не видя своих ног, оказалось делом нелегким, несколько раз я даже споткнулся. Кроме того, я ощутил какую-то непривычную неловкость, когда взялся за дверной засов. Однако, перестав глядеть на землю, я скоро научился сносно ходить по ровному месту.

Настроение у меня, как я уже сказал, было восторженное. Я чувствовал себя точно зрячий в городе слепых, расхаживающий в мягких туфлях и бесшумных одеждах. Меня все время подмывало подшучивать над людьми, пугать их, хлопать по плечу, сбивать с них шляпы и вообще упиваться необычайным преимуществом своего положения.

Но едва я очутился на Портленд-стрит (я жил рядом с большим мануфактурным магазином), как услышал звон и почувствовал сильный толчок в спину. Обернувшись, я увидел человека, несшего корзину сифонов с содовой водой и в изумлении глядевшего на свою ношу. Удар был очень чувствительный, но человек этот выглядел так комично, что я громко расхохотался.

«В корзине черт сидит», — сказал я и неожиданно выхватил ее у него из рук. Он покорно выпустил ее, и я поднял корзину на воздух.

Но тут какой-то болван извозчик, стоявший в дверях пивной, подскочил и хотел схватить корзину, и его протянутая рука угодила мне под ухо, причинив мучительную боль. Я выпустил корзину, которая с треском и звоном упала у ног извозчика, и только среди крика и топота выбежавших из лавок людей, среди остановившихся экипажей сообразил, что я наделал. Проклиная свое безумие, я прислонился к окну лавки и стал выжидать случая незаметно выбраться из сутолоки. Еще минута — и меня втянули бы в толпу, где мое присутствие неминуемо было бы обнаружено. Я толкнул мальчишку из мясной лавки, к счастью не заметившего, что его толкнула пустота, и спрятался за пролеткой извозчика. Не знаю, как они распутали эту историю. Я перебежал улицу, на которой, к счастью, не оказалось экипажей, и, напуганный разыгравшимся скандалом, торопливо шел, не разбирая дороги, пока не попал на Оксфорд-стрит, где в вечерние часы всегда полно народу.

Я пытался слиться с потоком людей, но толпа была слишком густа, и через минуту мне стали наступать на пятки. Тогда я спустился в водосточную канаву. Мне было больно ступать босиком, и через минуту оглоблей ехавшей мимо кареты мне угодило под лопатку, по тому самому месту, которое уже ушибли корзиной. Я кое-как уклонился от кареты, судорожным движением избежал столкновения с детской коляской и очутился позади какой-то пролетки. Счастливая мысль спасла меня: я пошел следом за медленно двигавшейся пролеткой, не отставая от нее ни на шаг. Мое приключение, принявшее столь неожиданный оборот, начинало пугать меня. И я дрожал не только от страха, но и от холода. В этот ясный январский день я был совершенно голый, а тонкий слой грязи на мостовой почти замерз. Как это ни глупо, но я не сообразил, что, прозрачный или нет, я все же подвержен действию погоды и простуде.

Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я забежал вперед и сел в пролетку. Дрожа от холода, испу-

ганный, с первыми признаками насморка, с ушибами и ссадинами на спине, все сильнее дававшими себя чувствовать, я медленно ехал по Оксфорд-стрит и дальше, по Тотенхем-Корт-роуд. Настроение мое совершенно не походило на то, с каким десять минут назад я вышел из дому. Вот она, моя невидимость. Меня занимала только одна мысль: как выбраться из скверного положения, в какое я попал?

Мы тащились мимо книжной лавки Мьюди. Тут какая-то высокая женщина, нагруженная пачкой книг в желтых обложках, окликнула моего извозчика, и я едва успел выскочить, чуть не попав при этом под вагон конки. Я направился к Блумсбери-сквер, намереваясь свернуть за музеем к северу, чтобы добраться до малолюдных кварталов. Я околел, и нелепость моего положения так угнетала меня, что я всхлипывал на ходу. На углу Блумсбери-сквер из конторы Фармацевтического общества выбежала белая собачонка и немедленно погналась за мной, обнюхивая землю.

Раньше мне никогда не приходило в голову, что для собаки нос то же, что для человека глаза. Собаки чуют носом движения человека, подобно тому как люди видят их глазами. Мерзкая тварь стала лаять и прыгать вокруг меня, слишком ясно показывая, что она осведомлена о моем присутствии. Я пересек Грейт-Рассел-стрит, все время оглядываясь через плечо, и, только углубившись в Монтегю-стрит, заметил, что движется мне навстречу.

До меня донеслись громкие звуки музыки, и я увидел большую толпу, шедшую со стороны Рассел-сквер, — красные куртки, а впереди знамя Армии спасения. Я не надеялся пробраться незаметно сквозь такую толпу, запрудившую улицу, а повернуть назад, уйти еще дальше на окраину я боялся. Поэтому я тут же принял решение: быстро взбежал на крыльцо белого дома, прямо напротив ограды музея, и остановился в ожидании, пока пройдет толпа. К счастью, собачонка, заслышав музыку, перестала лаять, постояла немного в нерешительности и, поджав хвост, побежала назад, к Блумсбери-сквер.

Толпа приближалась, во все горло распевая гимн, показавшийся мне ироническим намеком: «Когда мы

узрим его лик?» Она тянулась мимо меня бесконечно. Бум, бум, бум! — гремел барабан, и я не сразу заметил, что два мальчугана остановились возле меня. «Глянька», — сказал один. «А что?» — спросил другой. «Следы. Да босиком. Как будто кто по грязи шлепал».

Я поглядел вниз и увидел, что мальчишки, выпучив глаза, рассматривают грязные следы, оставленные мной на свежевыбеленных ступеньках. Прохожие немилосердно толкали их, но они, увлеченные своим открытием, продолжали стоять возле меня. «Бум, бум, бум, когда, бум, узрим мы, бум, его лик, бум, бум...» «Верно тебе говорю, кто-то взошел босиком на это крыльцо, — сказал один. — А вниз не спускался, и из ноги кровь шла».

Шествие уже скрывалось из глаз. «Гляди, Тед, гляди! — крикнул младший из глазастых сыщиков в крайнем изумлении, указывая прямо на мои ноги. Я взглянул вниз и сразу увидел смутное очертание своих ног, обрисованное кромкой грязи. На минуту я остолбенел.

«Ах, черт! — воскликнул старший. — Вот так штука! Точно привидение, ей-богу!» После некоторого колебания он подошел ко мне поближе и протянул руку. Какой-то человек сразу остановился, чтобы посмотреть, что это он ловит, потом подошла девушка. Еще секунда — и мальчишка коснулся бы меня. Тут я сообразил, как мне поступить. Шагнув вперед — мальчик с криком отскочил в сторону, — я быстро перелез через ограду на крыльцо соседнего дома. Но младший мальчуган уловил мое движение, и, прежде чем я успел спуститься на тротуар, он оправился от минутного замешательства и стал кричать, что ноги перескочили через ограду.

Все бросились туда и увидели, как на нижней ступеньке и на тротуаре с быстротой молнии появляются новые следы.

«В чем дело?» — спросил кто-то. «Ноги! Глядите, бегут ноги!»

Весь народ на улице, кроме моих трех преследователей, спешил за Армией спасения, и этот поток задерживал не только меня, но и погоню. Со всех сторон сыпались вопросы и раздавались возгласы изумления. Сбив с ног какого-то юношу, я пустился бежать вокруг

Рассел-сквер, а человек шесть или семь изумленных прохожих мчались по моему следу. Объяснять, что случилось, к счастью, им было некогда, а то вся толпа, наверное, кинулась бы за мной.

Дважды я огибал углы, трижды перебежал через улицу и возвращался назад той же дорогой. Ноги мои согрелись, высохли и уже не оставляли мокрых следов. Наконец, улучив минуту, я начисто вытер ноги руками и таким образом окончательно скрылся. Я успел лишь заметить, как человек десять, сбившихся в кучку, с безграничным недоумением разглядывали отпечаток ноги, угодившей в лужу на Тэвисток-сквер, столь же необъяснимый, как тот, на который наткнулся Робинзон Крузо.

Это бегство до некоторой степени согрело меня, и я стал пробираться по лабиринту малолюдных улочек и переулков уже в более бодром настроении. Спину ломило, под ухом ныло от удара, нанесенного извозчиком, кожа была расцарапана его ногтями, ноги сильно болели, и из-за пореза на ступне я прихрамывал. Кю мне приблизился какой-то слепой, но я вовремя заметил его и шарахнулся в сторону, опасаясь его тонкого слуха. Несколько раз я случайно сталкивался с прохожими; они останавливались в недоумении, оглушенные неизвестно откуда раздававшейся бранью. А потом я почувствовал на лице что-то мягкое, и площадь стала покрываться тонким слоем снега. Я, очевидно, простудился и не мог удержаться, чтобы время от времени не чихнуть. А каждая собака, которая попадалась мне на пути и начинала, вытянув морду, с любопытством обнюхивать мои ноги, внушала мне ужас.

Потом мимо меня с криком пробежал человек, за ним другой, третий, а через минуту целая толпа взрослых и детей стала обгонять меня. Они спешили на пожар и бежали по направлению к моему дому. Заглянув в переулок, я увидел густое облако дыма, поднимавшееся над крышами и телефонными проводами. Я не сомневался, что это горит моя квартира; вся моя одежда, аппараты, все мое имущество осталось там, за исключением чековой книжки и трех томов заметок, которые ждали меня на Грейт-Портленд-стрит. Я сжег свои корабли! Весь дом пылал.

Невидимка умолк и задумался. Кемп тревожно по-смотрел в окно.

— Ну? — сказал он. — Продолжайте.

Глава XXII

В УНИВЕРСАЛЬНОМ МАГАЗИНЕ

— Итак, в январе, в снег и метель, — а стоило снегу покрыть меня, и я был бы обнаружен, — усталый, простуженный, с ломотой во всем теле, невыразимо несчастный и все еще лишь наполовину убежденный в преимуществах своей невидимости, начал я новую жизнь, на которую сам себя обрек. У меня не было ни пристанища, ни средств к существованию, не было ни одного человека во всем мире, которому я мог бы довериться. Раскрыть тайну значило бы отказаться от своих широких планов на будущее: меня просто стали бы показывать как диковинку. Тем не менее я чуть было не решил подойти к какому-нибудь прохожему и отдаться на его милость. Но я слишком хорошо понимал, какой ужас и какую бесчеловечную жестокость возбудила бы такая попытка. Пока что мне было не до новых планов. Я старался только укрыться от снега, закутаться и согреться — тогда можно было бы подумать и о будущем. Но даже для меня, человека-невидимки, ряды запертых лондонских домов были неприступны.

Только одно видел я тогда отчетливо перед собой: холод, неприютность и страдания предстоящей ночи среди снежной вьюги. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я свернул на улицу, ведущую от Гауэр-стрит к Тотенхем-Корт-роуд, и очутился перед огромным магазином «*Omnium*» — вы знаете его, там торгуют решительно всем: мясом, бакалеей, бельем, мебелью, платьем, даже картинами. Это скорее гигантский лабиринт всевозможных лавок, чем один магазин. Я надеялся, что двери магазина будут открыты, но они были закрыты. Пока я стоял перед входом, подъехал экипаж, и швейцар в ливрее с надписью «*Omnium*» на фуражке распахнул дверь. Мне удалось проскользнуть внутрь,

и, пройдя первое помещение — это был отдел лент, перчаток, чулок и тому подобного, — я попал в более обширное помещение, где продавались корзины и плетеная мебель.

Однако я не чувствовал себя в полной безопасности, так как тут все время толклись покупатели. Я стал бродить по магазину, пока не попал в огромный отдел на верхнем этаже, который весь был заставлен кроватями. Здесь я наконец нашел себе приют на огромной куче тюфяков. В магазине уже зажгли огонь, было очень тепло. Я решил остаться в своем убежище и, внимательно следя за приказчиками и покупателями, расхаживавшими по мебельному отделу, стал дожидаться часа, когда магазин закроют. «Когда все уйдут, — думал я, — я добуду себе и пищу и платье, обойду весь магазин, узнаю его запасы и, пожалуй, даже посплю на одной из кроватей». Этот план казался мне осуществимым. Я хотел достать платье, чтобы превратиться в закутанную, но все же не возбуждающую особых подозрений фигуру, раздобыть денег, получить свои книги из почтовой конторы, снять где-нибудь комнату и разработать план использования тех преимуществ над моими ближними, которые давала мне моя невидимость.

Время закрытия магазина наступило довольно скоро. С тех пор как я забрался на груды тюфяков, прошло не больше часа, и вот я заметил, что шторы на окнах спущены, а последних покупателей выпроваживают. Потом множество проворных молодых людей принялись с необыкновенной быстротой убирать товары, лежавшие в беспорядке на прилавках. Когда толпа стала редеть, я оставил свое логово и осторожно пробрался поближе к центральным отделам магазина. Меня поразила быстрота, с какой целая армия юношей и девушек убирала все, что было выставлено днем для продажи. Все картонки, ткани, гирлянды кружев, ящики со сладостями в кондитерском отделе, всевозможные предметы, разложенные на прилавках, — все это убиралось, сворачивалось и складывалось на хранение, а то, чего нельзя было убрать и спрятать, прикрывалось чехлами из какой-то грубой материи вроде парусины. Наконец все стулья были нагромождены на прилавки, на полу не осталось ничего. Окончив свое дело, моло-

дые люди поспешили уйти с выражением такой радости на лице, какой я никогда еще не видел у приказчиков. Потом появилась орава подростков с опилками, ведрами и щетками. Мне приходилось то и дело увертываться от них, но все же опилки попадали мне на ноги. Разгуливая по темным, опустевшим помещениям, я еще довольно долго слышал шарканье щеток. Наконец через час с лишним после закрытия магазина я услышал, что запирают двери. Воцарилась тишина, и я очутился один в огромном лабиринте отделений и коридоров. Было очень тихо: помню, как, проходя мимо одного из выходов на Тотенхем-Корт-роуд, я услышал стук шагов прохожих.

Прежде всего я направился в отдел, где видел чулки и перчатки. Было темно, и я еле разыскал спички в ящике небольшой конторки. Но еще нужно было добыть свечку. Пришлось стаскивать крышки и шарить по ящикам и коробкам, но в конце концов я все же нашел то, что искал; свечи лежали в ящике, на котором была надпись: «Шерстяные панталоны и фуфайки». Потом я взял носки и толстый шерстяной шарф, после чего направился в отделение готового платья, где взял брюки, куртку, пальто и широкополую шляпу вроде тех, что носят священники. Я снова почувствовал себя человеком и прежде всего подумал о еде.

На верхнем этаже оказалась закусочная, и там я нашел холодное мясо. В кофейнике осталось немного кофе, я зажег газ и подогрел его. В общем, я устроился недурно. Затем я отправился на поиски одеяла — в конце концов мне пришлось удовлетвориться ворохом пуховых перин — и попал в кондитерский отдел, где нашел целую грудку шоколада и засахаренных фруктов, которыми чуть не объелся, и несколько бутылок бургундского. А рядом помещался отдел игрушек, которые навели меня на блестящую мысль: я нашел несколько искусственных носов — знаете, из папье-маше — и тут же подумал о темных очках. К сожалению, здесь не оказалось оптического отдела. Но ведь нос был для меня очень важен; сперва я подумывал даже о гриме. Раздобыв себе искусственный нос, я начал мечтать о париках, масках и прочем. Наконец я заснул на куче перин, где было очень тепло и удобно.

Еще ни разу, с тех пор как со мной произошла эта необычайная перемена, я не чувствовал себя так хорошо, как в тот вечер, засыпая. Я находился в состоянии полной безмятежности и был настроен весьма оптимистически. Я надеялся, что утром незаметно выберусь из магазина, одевшись и закутав лицо белым шарфом, затем куплю на украденные мною деньги очки, и таким образом экипировка моя будет закончена. Ночью мне снились вперемежку все удивительные происшествия, которые случились со мной за последние несколько дней. Я видел бранящегося еврея-домохозяина, его недоумевающих пасынков, сморщенное лицо старухи, справляющейся о своей кошке. Я снова испытывал странное ощущение при виде исчезнувшей белой ткани. Затем мне представился родной городок и простуженный старичок викарий, шамкающий над могилой моего отца: «Из земли взят и в землю отыдешь...» «И ты», — сказал чей-то голос, и вдруг меня потащили к могиле. Я вырывался, кричал, умолял могильщиков, но они стояли неподвижно и слушали отпевание; старичок викарий тоже, не останавливаясь, монотонно читал молитвы и прерывал свое чтение лишь чиханьем. Я сознавал, что меня не видят и не слышат и что я во власти одолевших меня сил. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, меня бросили в могилу, и я, падая, ударился о гроб, а сверху меня стали засыпать землей. Никто не замечал меня, никто не подозревал о моем существовании. Я стал судорожно барахтаться — и проснулся.

Бледная лондонская заря уже занималась; сквозь щели между оконными шторами проникал холодный серый свет. Я сел и долго не мог сообразить, что это за огромное помещение с железными столбами, с прилавками, горами свернутых материй, кучей одеял и подушек. Затем вспомнил все и услышал чьи-то голоса.

Издали, из комнаты, где было светлее, так как шторы там были уже подняты, ко мне приближались двое. Я вскочил, соображая, куда скрыться, и это движение выдало им мое присутствие. Я думал, что они успели заметить только проворно удаляющуюся фигуру. «Кто тут?» — крикнул один. «Стой!» — закричал другой. Я свернул за угол и столкнулся с тощим парнишкой

лет пятнадцати. Не забудьте, что я был фигурой без лица. Он взвизгнул, а я сшиб его с ног, бросился дальше, свернул еще за угол, и тут у меня мелькнула счастливая мысль: я распластался за прилавком. Еще минута — и я услышал шаги бегущих людей, отовсюду раздались крики: «Двери закройте, двери!», «Что случилось?» — и со всех сторон посыпались советы, как изловить меня.

Я лежу на полу, перепуганный насмерть. Как это ни странно, в ту минуту мне не пришло в голову, что надо раздеться, а между тем это было бы самое простое. Я решил уйти одетый, и эта мысль, вероятно, завладела мной. А потом по длинному проходу между прилавками разнесся крик: «Вот он!»

Я вскочил, схватил с прилавка стул и пустил им в болвана, который первый крикнул это, потом побежал, наткнулся за углом на другого, отшвырнул его и бросился вверх по лестнице. Он удержался на ногах и с улюлюканьем погнался за мной. На верху лестницы были нагромождены кучи этих пестрых расписных посуды, знаете?

— Горшки для цветов, — подсказал Кемп.

— Вот-вот, цветочные горшки. На верхней ступеньке я остановился, обернулся, выхватил из кучи один горшок и швырнул его в голову подбежавшего болвана. Вся куча горшков рухнула, раздались крики, и со всех сторон стали сбегаться служащие. Я со всех ног кинулся в закусную. Но там был какой-то человек в белом, вроде повара, и он тоже погнался за мной. Я сделал последний отчаянный поворот и очутился в отделе ламп и скобяных товаров. Я забежал за прилавок и стал поджидать повара. Как только он появился впереди погони, я пустил в него лампой. Он упал, а я, скорчившись за прилавком, начал поспешно сбрасывать с себя одежду. Куртка, брюки, башмаки — все это удалось скинуть довольно быстро, но эти проклятые фуфайки пристают к телу, как собственная кожа. Повар лежал неподвижно по другую сторону прилавка, оглушенный ударом или перепуганный до потери сознания, но я слышал топот, погоня приближалась, и я должен был снова спастись бегством, точно кролик, выгнанный из кустов.

«Сюда, полисмен!» — крикнул кто-то. Я снова очутился в мебельном отделе, в конце которого стоял целый лес платяных шкафов. Я забрался в самую гущу, лег на пол и, извиваясь, как угорь, освободился наконец от фуфайки. Когда из-за угла появились полисмен и трое служащих, я стоял уже голый, задыхаясь и дрожа от страха. Они набросились на жилетку и кальсоны, уцепились за брюки. «Он бросил свою добычу, — сказал один из приказчиков. — Наверняка он где-нибудь здесь».

Но они меня не нашли.

Я стоял, глядя, как они ищут меня, и проклинал судьбу за свою неудачу, ибо одежды я все-таки лишился. Потом я отправился в закусочную, выпил немного молока и, сев у камина, стал обдумывать свое положение.

Вскоре пришли два приказчика и стали горячо обсуждать происшествие. Какой вздор они мололи! Я услышал сильно преувеличенный рассказ о произведенных мною опустошениях и всевозможные догадки о том, куда я подевался. Потом я снова стал обдумывать план действий. Стащить что-нибудь в магазине теперь, после всей этой суматохи, было совершенно невозможно. Я спустился в склад посмотреть, не удастся ли упаковать и как-нибудь отправить оттуда сверток, но не понял их системы контроля. Около одиннадцати часов я решил, что в магазине оставаться бессмысленно, и так как снег растаял и было теплей, чем накануне, вышел на улицу. Я был в отчаянии от своей неудачи, а относительно будущего планы мои были самые смутные.

Глава XXIII

НА ДРУРИ-ЛЕЙН

— Теперь вы можете себе представить, — продолжал Невидимка, — как невыгодно было мое положение. У меня не было ни крова, ни одежды. Одеться — значило отказаться от всех моих преимуществ, превратиться в нечто странное и страшное. Я ничего не ел,

так как принимать пищу, то есть наполнять себя непрозрачным веществом, значило бы стать безобразно видимым.

— Об этом я не подумал, — сказал Кемп.

— Да и я тоже. А снег открыл мне глаза на другие опасности. Я не мог выходить на улицу, когда шел снег: он облеплял меня и таким образом выдавал. Дождь тоже выдавал бы мое присутствие, очерчивая меня водяным контуром и превращая в поблескивающую фигуру человека — в пузырь. А туман? При тумане я тоже превращался бы в мутный пузырь, во влажный облик человека. Кроме того, бродя по улицам при лондонском климате, я пачкал ноги, и на коже оседали сажа и пыль. Я не знал, скоро ли грязь выдаст меня. Но я ясно понимал, что это время не за горами, поскольку речь шла о Лондоне. Я направился к трущобам в районе Грейт-Портленд-стрит и очутился в конце улицы, где жил прежде. Я не пошел этой дорогой, потому что перед еще дымившимися развалинами дома, который я поджег, стояла густая толпа. Мне необходимо было достать платье. Я не знал, чем прикрыть лицо. Тут мне бросилась в глаза одна из тех лавчонок, где продается все: газеты, сласти, игрушки, канцелярские принадлежности, елочные украшения и так далее; в витрине я увидел целую выставку масок и носов. Это снова навело меня на ту же мысль, что и вид игрушек в «Omnia». Я повернул назад уже с определенной целью и, избегая многолюдных улиц, направился к глухим кварталам к северу от Стрэнда: я вспомнил, что где-то в этих местах торгуют своими изделиями несколько театральных костюмеров.

День был холодный, дул пронзительный северный ветер. Я шел быстро, чтобы на меня не натыкались сзади. Каждый перекресток представлял для меня опасность, за каждым прохожим я должен был зорко следить. В конце Бедфорд-стрит какой-то человек, мимо которого я проходил, неожиданно повернулся и, налетев на меня, сшиб меня на мостовую, где я едва не попал под колеса пролетки. Оказавшиеся поблизости извозчики решили, что с ним случилось что-то вроде удара. Это столкновение так подействовало на меня, что я зашел на рынок Ковент-Гарден и там сел в уго-

лок, возле лотка с фиалками, задыхаясь и дрожа от страха. Я, видно, сильно простудился и вынужден был вскоре уйти, чтобы не привлечь внимания своим чиханьем.

Наконец я достиг цели своих поисков: это была грязная, засиженная мухами лавчонка в переулке близ Друри-Лейн, где в окне были выставлены театральные костюмы, поддельные драгоценности, парики, туфли, домино и фотографии актеров. Лавка была старинная, низкая и темная, а над нею высились еще четыре этажа мрачного, угрюмого дома. Я заглянул в окно и, не увидев никого в лавке, вошел. Звякнул колокольчик. Я оставил дверь открытой, а сам шмыгнул мимо манекена и спрятался в углу за большим трюмо. С минуту никто не появлялся. Потом я услышал в лавке чьи-то тяжелые шаги.

Я успел уже составить план действий. Я предполагал пробраться в дом, спрятаться где-нибудь наверху, дожидаться удобной минуты и, когда все стихнет, подобрать себе парик, маску, очки и костюм, а там незаметно выскользнуть на улицу, может быть, в весьма нелепом, но все же правдоподобном виде. Между прочим, я надеялся унести и деньги, какие попадутся под руку.

Хозяин лавки был маленький тощий горбун с нахмуренным лбом, длинными неловкими руками и очень короткими кривыми ногами. По-видимому, мой приход оторвал его от еды. Он оглядел лавку, ожидание на его лице сменилось сначала изумлением, а потом гневом, когда он увидел, что в лавке никого нет. «Черт бы побрал этих мальчишек!» — проворчал он. Потом вышел на улицу и огляделся. Через минуту он вернулся, с досадой захлопнул дверь ногой и, бормоча что-то про себя, ушел внутрь дома.

Я выбрался из своего убежища, чтобы последовать за ним, но, услышав мое движение, он остановился как вкопанный. Остановился и я, пораженный тонкостью его слуха. Он захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я стоял в нерешительности. Вдруг я снова услышал его быстрые шаги, и дверь опять открылась. Он стал оглядывать лавку: как видно, его подозрения еще не рассеялись окончательно. Затем, все так же что-то бор-

моча, он осмотрел с обеих сторон прилавков, заглянул под стывшую в лавке мебель. После этого он остановился, опасливо озираясь. Так как он оставил дверь открытой, я шмыгнул в соседнюю комнату.

Это была странная каморка, убого обставленная, с грудой масок в углу. На столе стоял остывший завтрак. Поверьте, Кемп, мне было нелегко стоять там, вдыхая запах кофе, и смотреть, как он принялся за еду. А ел он очень неаппетитно. В комнате было три двери, из которых одна вела наверх, обе другие — вниз, но все они были закрыты. Я не мог выйти из комнаты, пока он был там, не мог даже двинуться с места из-за его дьявольской чуткости, а в спину мне дуло. Два раза я чуть было не чихнул.

Ощущения мои были необычны и интересны, но вместе с тем я чувствовал невыносимую усталость и насилу дождался, пока он кончил свой завтрак. Наконец он насытился, поставил свою жалкую посуду на черный жестяной поднос, на котором стоял кофейник, и, собрав крошки с запятнанной горчицей скатерти, двинулся с подносом к двери. Так как руки его были заняты, он не мог закрыть за собой дверь, что ему, видимо, хотелось сделать. Никогда в жизни не видел человека, который так любил бы затворять двери. Я последовал за ним в подвал, в грязную, темную кухню. Там я имел удовольствие видеть, как он мыл посуду, а затем, не ожидая никакого толка от моего пребывания внизу, где мои босые ноги вдобавок стыли на каменном полу, я вернулся наверх и сел в его кресло у камина. Так как огонь угасал, то я, не подумав, подбросил углей. Этот шум немедленно привлек хозяина, он прибежал в волнении и начал обшаривать комнату, причем один раз чуть не задел меня. Но и этот тщательный осмотр, по-видимому, мало удовлетворил его. Он остановился в дверях и, прежде чем спуститься вниз, еще раз внимательно оглядел всю комнату.

Я просидел в маленькой гостиной целую вечность. Наконец он вернулся и открыл дверь наверх. Мне удалось проскользнуть вслед за ним.

На лестнице он вдруг остановился, так что я чуть не наскочил на него. Он стоял, повернув голову, глядя мне прямо в лицо и внимательно прислушиваясь. «Го-

тов поклясться...» — сказал он. Длинной волосатой рукой он пощипывал нижнюю губу. Взгляд его скользил по лестнице. Что-то пробурчав, он стал подниматься вверх.

Уже взявшись за ручку двери, он снова остановился с выражением того же сердитого недоумения на лице. Он явно улавливал шорох моих движений. Этот человек, по-видимому, обладал исключительно тонким слухом. Вдруг им овладело бешенство. «Если кто-нибудь забрался в дом!..» — закричал он, крепко выругавшись, и, не докончив угрозы, сунул руку в карман. Не найдя там того, что искал, он шумно бросился мимо меня вниз. Но я за ним не последовал, а уселся на верхней ступеньке лестницы и стал ждать его возвращения.

Вскоре он появился снова, все еще что-то бормоча. Он открыл дверь, но, прежде чем я успел войти, захлопнул ее перед моим носом.

Я решил осмотреть дом и потратил на это некоторое время, стараясь двигаться как можно тише. Дом был совсем ветхий, до того сырой, что обои отстали от стен, и полный крыс. Почти все дверные ручки поворачивались очень туго, и я боялся их трогать. Некоторые комнаты были совсем без мебели, а другие завалены театральным хламом, купленным, если судить по его внешнему виду, из вторых рук. В комнате рядом со спальней я нашел ворох старого платья. Я стал нетерпеливо рыться в нем и, увлекшись, забыл о тонком слухе хозяина. Я услышал крадущиеся шаги и поднял голову как раз вовремя: хозяин появился на пороге со старым револьвером в руке и устоял на развороченную кучу платья. Я стоял, не шевелясь, все время, пока он с разинутым ртом подозрительно оглядывал комнату. «Должно быть, это она, — пробормотал он. — Черт бы ее побрал!» Он бесшумно закрыл дверь и сейчас же запер ее на ключ. Я услышал его удаляющиеся шаги. И вдруг я понял, что заперт. В первую минуту я растерялся. Прошел от двери к окну и обратно, остановился, не зная, что делать. Меня охватило бешенство. Но я решил прежде всего осмотреть платье, и первая же моя попытка стащить узел с верхней полки снова привлекла хозяина. Он явился еще более мрачный, чем раньше. На этот раз он коснулся меня, отскочил и,

пораженный, остановился, разинув рот, посреди комнаты.

Вскоре он несколько успокоился. «Крысы», — сказал он вполголоса, приложив палец к губам. Он явно был несколько испуган. Я бесшумно вышел из комнаты, но при этом скрипнула половица. Тогда этот дьявол стал ходить по всему дому с револьвером наготове, запирая подряд все двери и пряча ключи в карман. Сообразив, что он задумал, я пришел в такую ярость, что чуть было не упустил удобный случай. Я теперь точно знал, что он один во всем доме. Поэтому я без всяких церемоний хватил его по голове.

— Хватили по голове?! — воскликнул Кемп.

— Да, оглушил его, когда он шел вниз. Ударил стулом, который стоял на площадке лестницы. Он покатился вниз, как мешок со старой обувью.

— Но позвольте, простая гуманность...

— Простая гуманность годится для обыкновенных людей. Вы поймите, Кемп, мне во что бы то ни стало нужно было выбраться из этого дома одетым и так, чтобы он меня не видел. Другого способа я не мог придумать. Потом я заткнул ему рот камзолом эпохи Людовика Четырнадцатого и завязал его в простыню.

— Завязали в простыню?

— Сделал из него нечто вроде узла. Хорошее средство, чтобы напугать этого идиота и лишить его возможности кричать и двигаться, а выбраться из этого узла было не так-то просто. Дорогой Кемп, нечего сидеть и глазеть на меня как на убийцу. У него ведь был револьвер. А если бы он увидел меня, то мог бы описать мою наружность...

— Но все же, — сказал Кемп, — в Англии, в наше время... И ведь человек этот был у себя дома, а вы... вы совершали грабеж!

— Грабеж? Черт знает что такое! Вы еще, пожалуй, назовете меня вором. Надеюсь, Кемп, вы не настолько глупы, чтобы плясать под старую дудку. Неужели вы не можете понять, каково мне было?

— Могу. Но каково было ему! — сказал Кемп.

Невидимка быстро вскочил.

— Что вы сказали? — спросил он.

Лицо Кемпа приняло суровое выражение. Он хотел было заговорить, но удержался.

— Впрочем,— сказал он, вдруг меняя тон,— пожалуй, ничего другого вам не оставалось. Ваше положение было безвыходное. А все же...

— Конечно, я был в безвыходном положении, в ужасном положении. Да и горбун довел меня до бешенства: гонялся за мной по всему дому, угрожал своим дурацким револьвером, отпирал и запирали двери... Это было невыносимо! Вы ведь не вините меня, правда? Не вините?

— Я никогда никого не виню,— ответил Кемп.— Это совершенно вышло из моды! Ну, а что вы сделали потом?

— Я был голоден. Внизу я нашел каравай хлеба и немного прогорклого сыра, этого было достаточно, чтобы утолить голод. Потом я выпил немного коньяку с водой и прошел мимо завязанного в простыню горбуна — он лежал не шевелясь — в комнату со старым платьем. Окно этой комнаты, завешенное грязной кружевной занавеской, выходило на улицу. Я осторожно выглянул. День был яркий, ослепительно яркий по сравнению с сумраком угрюмого дома, в котором я находился. Улица была очень оживленна: тележки с фруктами, пролетки, ломовик с кучей ящиков, повозка рыботорговца. У меня зарябило в глазах, и я вернулся к полутемным полкам. Возбуждение мое улеглось, я трезво оценил положение. В комнате стоял слабый запах бензина, употреблявшегося, очевидно, для чистки платья.

Я начал тщательно осматривать комнату за комнатой. Очевидно, горбун уже давно жил в этом доме один. Любопытная личность... Все, что только могло мне пригодиться, я собрал в комнату, где лежали костюмы, потом стал тщательно отбирать. Я нашел саквояж, который мог оказаться мне очень полезным, пудру, румяна и липкий пластырь.

Сначала я хотел было покрасить и напудрить лицо, чтобы сделать его видимым, но тут же сообразил, что в этом есть большое неудобство: для того чтобы снова исчезнуть, мне понадобился бы скипидар и некоторые другие средства, не говоря уж о том, что это отняло бы

много времени. Наконец я выбрал маску, слегка карикатурную, но не более, чем многие человеческие лица, темные очки, бакенбарды с проседью и парик. Белья я не нашел, но его можно было приобрести впоследствии, а пока что я закутался в миткалевый плащ и белый кашемировый шарф; носков не было, но башмаки горбуна пришлось почти впору. В кассе оказалось три соверена и на тридцать шиллингов серебра, а взломав шкаф, я нашел восемь фунтов золотом. Снаряженный таким образом, я снова мог выйти на белый свет.

Тут на меня напало сомнение: действительно ли моя наружность правдоподобна? Я внимательно осмотрел себя в маленьком зеркальце, поворачиваясь то так, то этак, проверяя, не упустил ли я чего-нибудь. Нет, как будто все в порядке: фигура, конечно, гротескная, вроде театрального нищего, но общий вид сносный, бывают и такие люди. Немного успокоенный, я сошел с зеркальцем в лавку, опустил занавески и снова осмотрел себя со всех сторон в трюмо.

Несколько минут я собирался с духом, наконец отпер дверь и вышел на улицу, предоставив маленькому горбуну собственными силами выбираться из простыни. Сначала я сворачивал за угол на каждом перекрестке. Мой вид не привлекал ничьего внимания. Казалось, я перешагнул через последнее препятствие.

Он замолчал.

— А горбуна вы так и бросили на произвол судьбы? — спросил Кемп.

— Да, — сказал Невидимка. — Не знаю, что с ним случилось. Вероятно, он развязал простыню, вернее, разорвал ее. Узлы были крепкие.

Он снова замолчал, поднялся и стал смотреть в окно.

— Ну, а потом вы вышли на Стрэнд, и что же дальше?

— О, снова разочарование! Я думал, что мытарства мои кончились. Воображал, что теперь я могу безнаказанно делать все, что вздумается, если только сохраню свою тайну. Так мне казалось. Я мог делать все, что угодно, не считаясь с последствиями: стоило только скинуть платье, чтоб исчезнуть. Задержать меня никто не мог. Деньги можно брать где угодно. Я решил задать

себе великолепный пир, поселиться в хорошей гостинице и обзавестись новым имуществом. Самоуверенность моя не знала границ, даже вспоминать неприятно, каким я был ослом. Я зашел в ресторан, стал заказывать обед и вдруг сообразил, что, не открыв лица, не могу начать есть. Я заказал обед и вышел взбешенный, сказав официанту, что вернусь через десять минут. Не знаю, приходилось ли вам, Кемп, голодному как волк, испытывать такое разочарование.

— Такое — никогда, — сказал Кемп, — но я вполне себе это представляю.

— Я готов был убить их, этих кретинов. Наконец, совсем измученный голодом, я зашел в другой ресторан и потребовал отдельную комнату. «Я изуродован, — сказал я. — Получил сильные ранения». Официанты смотрели на меня с любопытством, но расспрашивать, конечно, не смели, и я наконец пообедал. Сервировка оставляла желать лучшего, но я вполне насытился и, затаившись сигарой, стал обдумывать, как быть дальше. На дворе начиналась вьюга.

Чем больше я думал, Кемп, тем яснее понимал, как беспомощен и нелеп невидимый человек в сыром и холодном климате, в огромном цивилизованном городе. До моего безумного опыта мне рисовались всевозможные преимущества. Теперь же я не видел ничего хорошего. Я перебрал в уме все, чего может желать человек. Правда, невидимость позволяла многого достигнуть, но не позволяла мне пользоваться достигнутым. Честолубие? Но что в высоком звании, если обладатель его принужден скрываться? Какой толк в любви женщины, если она окажется Далилой? Меня не интересуют ни политика, ни сомнительная популярность, ни филантропия, ни спорт. Что же мне оставалось? Чего ради я обратился в запеленатую тайну, в закутанную и забинтованную пародию на человека?

Он умолк и, казалось, посмотрел в окно.

— А как же вы очутились в Айпинге? — спросил Кемп, чтобы не дать оборваться разговору.

— Я поехал туда работать. У меня тогда мелькнула смутная надежда. Теперь эта мысль созрела. Вернуться в прежнее состояние. Вернуться, когда мне это понадобится, когда я невидимкой сделаю все, что

хочу. Об этом-то прежде всего мне и надо поговорить с вами.

— Вы поехали прямо в Айпинг?

— Да. Получил свои заметки и чековую книжку, приобрел белье и все необходимое, заказал реактивы, при помощи которых хотел осуществить свою мысль (как только получу книги, покажу вам все вычисления), и поехал. Боже, что за метель была и как трудно было уберечь проклятый картонный нос, чтобы он не размок от снега!

— Если судить по газетам,— сказал Кемп,— третьего дня, когда вас обнаружили, вы немного...

— Да, немного... Укокошил я этого болвана полисмена?

— Нет,— сказал Кемп,— говорят, он выздоравливает.

— Ну, значит, ему повезло. Я совсем взбесился. Вот дураки! Чего они пристали ко мне? Ну, а этот остолоп лавочник?

— Смертного случая не предвидится,— сказал Кемп.

— Что касается моего бродяги,— сказал Невидимка, зловеще посмеиваясь,— то это еще неизвестно. Ей-богу, Кемп, вам с вашим характером не понять, что такое бешенство! Работаешь долгие годы, придумываешь, строишь планы, и потом какой-нибудь безмозглый, тупой идиот становится тебе поперек дороги! Дураки всех сортов, какие только существуют на свете, старались помешать мне. Если так будет продолжаться, я взбешусь окончательно и начну крошить их направо и налево. Из-за них теперь все стало в тысячу раз трудней.

— В самом деле, положение незавидное,— сухо обронил Кемп.

Глава XXIV

НЕУДАВШИЙСЯ ПЛАН

— Ну,— сказал Кемп, покосившись на окно,— что же мы теперь будем делать?

Он придвинулся ближе к Невидимке, чтобы засло-

нить от него троих людей, невероятно медленно, как казалось Кемпу, подымавшихся по холму.

— Что вы собирались делать в Порт-Бэрдоке? У вас есть какой-нибудь план?

— Я хотел удрать за границу. Но, встретив вас, я переменял намерение. Так как стало теплей и мне легче быть невидимым, я думал, что лучше всего мне двинуться на юг. Ведь тайна моя раскрыта, и здесь все будут искать закутанного человека в маске. А отсюда есть пароходное сообщение с Францией. Я думаю, что можно рискнуть переправиться туда на каком-нибудь пароходе. А из Франции я мог бы по железной дороге поехать в Испанию или даже в Алжир. Это было бы нетрудно. Там можно круглый год оставаться невидимкой. Бродягу этого я превратил бы в подвижной склад моих денег и книг, пока не устроился бы с пересылкой того и другого по почте.

— Понятно.

— И вдруг этому скоту вздумалось пожитья моим имуществом! Он украл мои книги, Кемп! Мои книги! Попадись он мне только!..

— Первым делом надо отобрать у него книги.

— Да где же он? Разве вы знаете?

— Он заперт в городском полицейском управлении, в самой глухой тюремной камере, какая только там нашлась: сам об этом попросил.

— Негодяй! — вырвалось у Невидимки.

— Это несколько нарушает ваши планы.

— Нужно добыть книги, они необходимы.

— Конечно, — согласился Кемп, прислушиваясь к шагам на дворе. — Конечно, книги непременно надо добыть. Но это будет нетрудно, если только он не узнает, что их требуют для вас.

— Верно, — сказал Невидимка и задумался.

Кемп безуспешно пытался поддержать разговор, но тут Невидимка заговорил сам:

— Теперь, когда я очутился у вас, Кемп, все мои планы меняются. Вы человек, способный понять меня. Еще можно сделать многое, очень многое, несмотря на потерю книг, на огласку, несмотря на все, что случилось и что я перенес... Вы никому не говорили обо мне? — спросил он вдруг.

Кемп на мгновение замялся.

— Ведь я обещал,— сказал он.

— Никому? — повторил Гриффин.

— Ни единой душе.

— Ну, тогда... — Невидимка встал и, сунув руки в карманы, зашагал по комнате. — Да, это была ошибка, Кемп, огромная ошибка, что я взялся один за это дело. Напрасно потрачены силы, время, возможности. Один... Удивительно, как беспомощен человек, когда он один! Мелкая кража, потасовка — и все. Я нуждаюсь в пристанище, Кемп, мне нужен человек, который помог бы мне, спрятал бы меня, мне нужно место, где я мог бы спокойно, не возбуждая ничьих подозрений, есть, спать и отдыхать. Словом, мне нужен сообщник. Тогда возможно все. До сих пор я действовал наобум. Теперь мы обсудим все те выгоды, которые дает невидимость, и все трудности. Заниматься подслушиванием и тому подобным толку мало: тебя слышно. Воровать — это помогает, но не очень. Хоть поймать меня трудно, но, поймав, ничего не стоит засадить в тюрьму. Невидимость полезна, когда надо бежать или, наоборот, подкрадываться. Значит, она хороша при убийстве. Как бы человек ни был вооружен, я легко могу выбрать наименее защищенное место, ударить, спрятаться и удрать.

Кемп погладил усы. Кажется, кто-то движется внизу.

— Мы должны заняться убийствами, Кемп.

— Заняться убийствами,— повторил Кемп.— Я слушаю вас, Гриффин, но это не значит, что я соглашаюсь с вами. Зачем мы должны убивать?

— Не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом. Они знают, что существует Невидимка, знают не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно, но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь город. Хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. Осуществить это можно тысячей способов — скажем, подсовывать под двери листки бумаги, и кто дерзнет послушаться, будет убит, так же как и его заступники.

— Гм! — пробормотал Кемп, прислушиваясь больше к скрипу отворяющейся внизу двери, чем к словам Гриффина. — Я думаю, Гриффин, — сказал он, стараясь казаться внимательным, — что положение вашего сообщника оказалось бы не из легких.

— Никто не будет знать, что он мой сообщник, — горячо возразил Невидимка и вдруг остановился. — Стойте! Что там такое?

— Ничего, — сказал Кемп и вдруг заговорил громко и быстро: — Я не могу согласиться с вами, Гриффин. Поймите же, не могу. К чему вести заведомо проигранную игру? Разве это может дать вам счастье? Не уподобляйтесь одинокому волку. Опубликуйте ваше открытие; если не хотите рассказать о нем всему миру, то доверьте его по крайней мере своей стране. Подумайте, чего вы могли бы добиться с миллионом помощников...

Невидимка прервал Кемпа.

— Шаги на лестнице, — прошептал он, подняв руку.

— Не может быть, — сказал Кемп.

— Сейчас посмотрим.

И Невидимка шагнул к двери. После секундного колебания Кемп бросился ему наперерез. Невидимка, вздрогнув, остановился.

— Предатель! — крикнул Голос, и халат растегнулся.

Бросившись в кресло, Невидимка начал раздеваться. Кемп сделал несколько торопливых шагов к двери, и сейчас же Невидимка — ног его уже не было видно — с криком вскочил. Кемп распахнул дверь настежь.

Снизу отчетливо донеслись голоса и топот бегущих ног.

Кемп оттолкнул Невидимку, выскочил в коридор и захлопнул дверь. Ключ заранее был вставлен снаружи. Еще мгновение — и Гриффин очутился бы в кабинете один под замком. Но помешала случайность. Наспех вставленный утром ключ от толчка выскочил и со стуком упал на ковер.

Кемп помертвел. Схватившись обеими руками за ручку, он изо всех сил старался удержать дверь. Несколько мгновений ему это удавалось. Потом дверь

приоткрылась дюймов на шесть, он ее снова быстро прихлопнул. В другой раз она рывком открылась на фут, и в щель стал протискиваться халат. Невидимые пальцы схватили Кемпа за горло, и ему пришлось выпустить ручку двери, чтобы защищаться. Он был отеснен, опрокинут и с силой отброшен в угол площадки. Пустой халат упал на него.

На лестнице стоял полковник Эдай, начальник бэрдокской полиции, которому Кемп написал письмо. Он с ужасом глядел на неожиданно появившегося Кемпа и на болтающиеся в воздухе пустые предметы одежды. Он видел, как Кемп был опрокинут, как он с трудом поднялся, сделал шаг вперед и опять рухнул на пол.

И вдруг его самого что-то ударило. Удар из пустоты. Будто на него навалилась огромная тяжесть. Чьи-то пальцы сдавили ему горло, чье-то колено ударило его в пах, и он кубарем скатился с лестницы. Невидимая нога наступила ему на спину, кто-то зашлепал по лестнице босыми ногами; внизу, в прихожей, оба полицейских вскрикнули и побежали, входная дверь с шумом захлопнулась.

Полковник Эдай приподнялся и сел, бессмысленно озираясь. Сверху, пошатываясь, сходил Кемп, растрепанный и перепачканный; щека у него побелела от удара, из разбитой губы текла кровь, в руках он держал халат и другие части туалета.

— Удрал! — крикнул Кемп. — Плохо дело. Удрал!

Глава XXV

ОХОТА НА НЕВИДИМКУ

Сначала Эдай ничего не мог понять из бессвязного рассказа Кемпа. Они оба стояли на лестнице, и Кемп все еще держал в руках одежду, оставшуюся от Гриффина. Наконец Эдай начал понимать суть происшедшего.

— Он помешанный, — торопливо говорил Кемп, — это не человек, а зверь. Думает только о себе. Он не считается ни с чем, кроме собственной выгоды и без-

опасности. Я его выслушал сегодня — это злобный эгоист... Пока он только калечил людей. Но он будет убивать, если мы его не схватим. Он вызовет панику. Он ни перед чем не остановится. И он теперь на воле, обезумевший от ярости!

— Ясно одно: его надо поймать,— сказал Эдай.

— Но как? — воскликнул Кемп и вдруг разразился потоком слов: — Надо сейчас же принять меры. Надо всех поднять на ноги, чтобы Гриффин не ушел из этих мест. Иначе он будет колесить по стране, калечить и убивать людей. Он мечтает о царстве террора! Понимаете ли вы: террора! Вы должны установить надзор на железных дорогах, на шоссе, на судах. Вызовите войска. Единственная надежда на то, что он не уйдет, пока не достанет своих заметок, которые очень ценит. Я вам потом объясню. У вас в полицейском управлении сидит некий Марвел...

— Знаю,— сказал Эдай.— Книги, да. Но ведь этот бродяга...

— ...не сознается, что книги у него. Но Невидимка уверен, что Марвел их спрятал. А главное, надо не давать Невидимке ни есть, ни спать. Днем и ночью люди должны бодрствовать, сторожить, чтобы он не мог достать никакой еды. Все должно быть на запоре. Все дома — на запор! Дай бог, чтобы были холода и дожди! Все от мала до велика должны участвовать в охоте! Поймите, Эдай, его надо поймать во что бы то ни стало, иначе нам грозят неисчислимы бедствия. Подумать и то страшно!

— Так мы и будем действовать,— сказал Эдай.— Сейчас же пойду и возьмусь за дело. А может, и вы пойдете со мной? Пойдемте! Мы устроим военный совет, пригласим Хопса, администрацию железной дороги. Ей-богу, нельзя терять ни минуты... А по дороге расскажете мне все подробно. Что же еще предпринять? Да бросьте вы этот халат!

Через минуту Эдай и Кемп уже были внизу. Дверь была открыта настежь, и двое полицейских все еще глазели в пустоту.

— Сбежал, сэр,— доложил один из них.

— Мы сейчас отправляемся в Центральное управление,— сказал Эдай.— Один из вас пусть найдет из-

возчика и велит ему догнать нас. Да поворачивайтесь! Итак, Кемп, что же дальше?

— Собак надо,— сказал Кемп.— Найдите собак. Они не видят, но чувят. Найдите собак.

— Хорошо,— согласился Эдай.— Скажу вам по секрету: у тюремного начальства в Холстэде есть человек, который держит ищеек. Итак, собаки. Дальше.

— Не забудьте,— сказал Кемп,— что пища, поглощенная им, видна. Она видна, пока не усвоится организмом. Значит, после еды он должен прятаться. Надо обыскать каждый кустик, каждый уголок. Надо убрать все оружие и все, что может служить оружием. Ему ничего нельзя подолгу носить с собой. А все, чем можно воспользоваться, чтобы нанести удар, нужно спрятать подальше.

— Сделаем и это,— сказал Эдай.— Он от нас не уйдет, дайте срок.

— А по дорогам...— начал Кемп и запнулся.

— Что? — спросил Эдай.

— Насыпать толченого стекла. Это, конечно, жестоко, но если подумать, что он может натворить...

Эдай свистнул:

— Не слишком ли это? Нечестная игра. Впрочем, велю приготовить на случай, если он слишком зарвется.

— Говорю вам, что это уже не человек, а зверь,— сказал Кемп.— Не сомневаюсь, что он осуществит свою мечту о терроре, стоит ему только оправиться после бегства. Мы должны во что бы то ни стало его опередить. Он сам бросил вызов человечеству. Так пусть кровь людей падет на его голову!

Глава XXVI

УБИЙСТВО УИКСТИДА

Невидимка, по всем признакам, выбежал из дома Кемпа в совершенном бешенстве. Маленький ребенок, игравший у калитки, был поднят на воздух и с такой силой отброшен в сторону, что сломал ножку. После этого Невидимка на несколько часов исчез. Никто так и не узнал, куда он направился и что делал. Но можно

легко представить себе, как он бежал в знойный июньский полдень в гору и дальше, по меловым холмам за Порт-Бэрдоком, кляня свою судьбу, и наконец, усталый и измученный, нашел приют в кустарнике близ Хинтондина, где решил собраться с мыслями и заново обдумать рухнувшие планы борьбы против себе подобных. Скорее всего, он сразу же укрылся именно в этих местах, потому что около двух часов пополудни он обнаружил там свое присутствие самым зловещим, трагическим образом.

Каково было тогда его настроение и что он замыслил, можно только догадываться. Несомненно, он был до крайности взбешен предательством Кемпа, и, хотя вполне понятны мотивы, руководившие Кемпом, все же нетрудно представить себе гнев, который должна была вызвать такая неожиданная измена, и даже отчасти оправдать его. Быть может, Невидимку снова охватило то чувство растерянности, которое он испытал во время событий на Оксфорд-стрит: ведь он явно рассчитывал, что Кемп поможет ему осуществить жестокий план—подвергнуть человечество террору. Как бы то ни было, около полудня он исчез, и никто не знает, что он делал до половины третьего. Для человечества это, возможно, и к лучшему, но для него самого такое бездействие оказалось роковым.

В эти два с половиной часа за дело принялось множество людей, рассеянных по всей округе. Утром Невидимка был еще просто сказкой, пугалом, в полдень же благодаря сухому, но выразительному воззванию Кемпа он превратился уже в совершенно осязаемого противника, которого надо было ранить, захватить живым или мертвым, и все население с невероятной быстротой стало готовиться к борьбе. Даже в два часа дня Невидимка еще мог бы спастись, забравшись в поезд, но после двух это стало уже невыполнимо. По всем железнодорожным линиям на обширном пространстве между Саутгемптоном, Манчестером, Брайтоном и Хоршэмом пассажирские поезда шли с запертыми дверями, а товарное движение почти прекратилось. В большом круге, радиусом миль в двадцать вокруг Порт-Бэрдока, по дорогам и полям рыскали группы по три-четыре человека с ружьями, дубинками и собаками.

Конные полицейские объезжали окрестные селения, останавливались у каждого дома и предупреждали жителей, чтобы они запирали двери и не выходили без оружия. В три часа закрылись школы, и перепуганные дети тесными кучками бежали домой. Часам к четырем воззвание, составленное Кемпом и подписанное Эдаем, было уже расклеено по всей округе. В нем кратко, но ясно были указаны все меры борьбы: не давать Невидимке есть и спать, быть все время настороже, чтобы принять решительные меры, если где-либо обнаружится его присутствие. Действия властей были так быстры и энергичны, а страх перед ужасной опасностью так силен, что до наступления ночи во всей округе на протяжении нескольких сот квадратных миль было введено осадное положение. И в тот же вечер по всему напуганному и насторожившемуся краю пронесся трепет ужаса: из уст в уста передавали слух, молниеносный и достоверный, об убийстве мистера Уикстида.

Если наше предположение, что Невидимка укрылся в кустарнике близ Хинтондина, правильно, то он, очевидно, вскоре после полудня вышел оттуда с неким намерением, для выполнения которого требовалось оружие. Что это было за намерение, установить нельзя, но оно было. Это, на мой взгляд, неопровержимо: ведь не случайно еще до стычки с Уикстидом Невидимка где-то добыл железный прут.

О подробностях этой стычки мы, разумеется, ничего не знаем. Произошла она на краю песчаного карьера, ярдов за двести от ворот виллы лорда Бэрдока. Все указывает на отчаянную борьбу: утоптанная земля, многочисленные раны Уикстида, его сломанная трость; но трудно себе представить, что могло послужить причиной нападения, кроме мании убийства. Мысль о помешательстве напрашивается сама собой. Мистер Уикстид, управляющий лорда Бэрдока, человек лет сорока пяти, был самым безобидным существом на свете и уж, конечно, никогда первым не напал бы на такого страшного врага. Раны, по-видимому, были нанесены мистеру Уикстиду железным прутом, вытасненным из сломанной ограды. Невидимка остановил этого мирного человека, спокойно направляющегося домой завтракать, напал на него, быстро сломил его слабое сопротивление

ние, перебил ему руку, повалил беднягу наземь и раз-
мозжил ему голову.

Железный прут он, вероятно, вытащил из ограды еще до встречи со своей жертвой — должно быть, он держал его уже наготове. Еще две подробности проливают некоторый свет на это происшествие. Во-первых, песчаный карьер находился не совсем на пути мистера Уикстида к дому, а ярдов на двести в сторону. Во-вторых, по свидетельству маленькой девочки, которая возвращалась из школы, покойный какой-то странной походкой «трусил» через поле по направлению к карьеру. По тому, как она это изобразила, можно было заключить, что он словно преследовал что-то движущееся по земле, время от времени замахиваясь тростью. Девочка была последней, кто видел несчастного мистера Уикстида живым. Он шел прямо навстречу смерти; он спустился в ложбинку, и росшие там деревья скрыли от девочки последнюю схватку.

Эти подробности, по крайней мере в глазах пишущего эти строки, делают убийство Уикстида не столь беспричинным. Можно представить себе, что Гриффин прихватил железный прут, конечно, как оружие, но без умысла совершить убийство. Тут мог попасться на дороге Уикстид и увидеть прут, который непонятным образом двигался по воздуху. Нисколько не думая о Невидимке — ведь от этих мест до Порт-Бэрдока десять миль, — он мог последовать за прутком. Весьма вероятно, что он даже и не слышал о Невидимке. Легко далее допустить, что Невидимка стал потихоньку удаляться, не желая обнаруживать свое присутствие, а Уикстид, возбужденный и заинтересованный, не отставал от странного самодвижущегося предмета и наконец ударил по нему.

Конечно, при обычных обстоятельствах Невидимка мог бы без особого труда уйти от своего уже немолодого преследователя, но положение тела убитого Уикстида дает основание думать, что тот имел несчастье загнать своего противника в угол между густой зарослью крапивы и песчаным карьером. Помня крайнюю раздражительность Невидимки, нетрудно представить себе остальное.

Все это, впрочем, одни догадки. Единственные не-

сомненные факты (ибо на рассказы детей не всегда можно полагаться) — это тело убитого Уикстида и окровавленный железный прут, валявшийся в крапиве. Очевидно, Гриффин бросил прут потому, что, охваченный волнением, забыл о цели, для которой им вооружился, если вначале такая цель и была. Конечно, он был большой эгоист и человек бесчувственный, но вид жертвы, его первой жертвы, окровавленной и жалкой, распростертой у его ног, мог пробудить в нем забытое раскаяние и на время отвлечь его от злодейских намерений.

После убийства мистера Уикстида Невидимка, по-видимому, бежал в сторону холмов. Рассказывают, что два работника на поле у Ферн Боттом слышали вечером какой-то таинственный голос. Кто-то рыдал, смеялся, охал и стонал, а порой громко вскрикивал. Должно быть, жутко было это слушать. Голос пронесся над клеверным полем и замер вдалеке у холмов.

В этот вечер Невидимке, вероятно, пришлось узнать, как быстро воспользовался Кемп его откровенностью. Должно быть, он нашел все двери на замке, бродил по железнодорожным станциям, подкрадывался к гостиницам, без сомнения, прочел расклеенные повсюду воззвания и понял, какой предпринят против него поход. С наступлением вечера по полям разбрелись группы вооруженных людей и раздавался собачий лай. Эти охотники на человека получили специальные указания, как помогать друг другу в случае схватки с врагом. Но Невидимке удалось избежать встречи с ними. Мы можем отчасти понять его ярость, если вспомним, что он сам сообщил все сведения, которые так беспощадно обращались теперь против него. В этот день, по крайней мере, он пал духом. Почти целые сутки, если не считать стычки с Уикстидом, он чувствовал себя, как затравленный зверь. Ночью ему удалось, вероятно, поесть и поспать, ибо утром к нему снова вернулось присутствие духа: он опять стал сильным, деятельным, хитрым и злобным, был готов к своей последней великой борьбе со всем миром.

Глава XXVII

В ОСАЖДЕННОМ ДОМЕ

Кемп получил странное послание, написанное карандашом на засаленном клочке бумаги.

«Вы проявили изумительную энергию и сообразительность,— говорилось в письме,— хотя я не представляю себе, чего вы надеетесь этим достичь. Вы против меня. Весь день вы травили меня, хотели лишить меня отдыха и ночью. Но я насытился вопреки вам, выспался вопреки вам, и игра еще только начинается. Игра только начинается! Мне ничего не остается, как прибегнуть к террору. Настоящим письмом я провозглашаю первый день Террора. Отныне Порт-Бэрдок уже не под властью королевы, передайте это вашему начальнику полиции и его шайке: он под моей властью, под Властью Террора. Нынешний день — первый день первого года новой эры: эры Невидимки. Я — Невидимка Первый. Сначала мое правление будет милосердным. В первый день будет совершена только одна казнь, для острастки, казнь человека по фамилии Кемп. Сегодня смерть настигнет этого человека. Пусть запирается, пусть прячется, пусть окружает себя охраной, пусть оденется в броню, если угодно,— смерть, незримая смерть приближается к нему. Пусть принимает меры предосторожности: тем большее впечатление его смерть произведет на мой народ. Смерть двинется из почтового ящика сегодня в полдень. Письмо будет опущено в ящик перед самым приходом почтальона — и в путь! Игра началась. Смерть надвигается на него. Не помогай ему, народ мой, дабы не постигла смерть и тебя. Сегодня Кемп должен умереть».

Кемп дважды прочел письмо.

— Это не шутки,— сказал он.— Это его голос! И он будет действовать.

Перевернув листок, он увидел на адресе штемпель «Хинтондин» и прозаическую приписку: «Доплатить 2 пенса».

Кемп встал из-за стола, не докончив завтрака — письмо пришло в два часа дня,— и поднялся в свой кабинет. Он позвонил экономке, велел ей немедленно

обойти весь дом, осмотреть все задвижки на окнах и закрыть ставни. Из закрытого ящика стола в спальне он вынул небольшой револьвер, тщательно осмотрел его и положил в карман домашней куртки. Затем он написал несколько записок, в том числе и полковнику Эдаю, и поручил служанке отнести их, дав ей при этом точные наставления, как выйти из дому.

— Опасности нет никакой, — сказал он, прибавив про себя: «Для вас». После этого он некоторое время сидел задумавшись, а потом вернулся к остывшему завтраку.

Он ел рассеяннo, погруженный в свои мысли. Потом сильно ударил кулаком по столу.

— Мы его поймает! — воскликнул он. — И приманкой буду я. Он зарвется.

Кемп поднялся наверх, тщательно закрывая за собой все двери.

— Это игра, — сказал он. — И игра необычайная. Но все шансы на моей стороне, мистер Гриффин, хоть вы невидимы и храбры. Гриффин *contra mundum*¹.

Он стоял у окна, глядя на залитый солнцем косогор.

— Ведь ему надо добывать себе пищу каждый день. Не завидую ему. А верно ли, что прошлой ночью ему удалось поспать? Где-нибудь под открытым небом, чтобы никто не мог на него наткнуться... Вот если бы вместо этой жары наступили холода и слякоть... А ведь он, быть может, в эту минуту наблюдает за мной.

Кемп вплотную подошел к окну и вдруг в испуге отскочил. Что-то с силой ударило в стену над рамой.

— Однако нервы у меня расходились, — сказал он сам себе, но добрых пять минут не решался подойти к окну. — Воробей, должно быть, — пробормотал он.

Тут он услышал звонок у входной двери и поспешил вниз. Он отодвинул засов, повернул ключ, осмотрел цепь, закрепил ее и осторожно приоткрыл дверь, не показываясь сам. Знакомый голос окликнул его. Это был полковник Эдай.

— На вашу служанку напали, — сказал Эдай из-за двери.

— Что?! — воскликнул Кемп.

¹ Против всего мира (лат.).

— У нее отняли вашу записку. Он где-нибудь поблизости. Впустите меня.

Кемп снял цепь, и Эдай кое-как протиснулся в узкую щель чуть приоткрытой двери. Он облегченно вздохнул, когда Кемп снова наложил засов.

— Записку вырвали у нее из рук. Она страшно испугалась. Сейчас она у меня в управлении. С ней истерика. Он где-нибудь поблизости. Что было в записке?

Кемп выругался.

— И дурак же я! — сказал он. — Мог бы догадаться: ведь отсюда до Хинтондина меньше часу ходьбы. Уже!

— В чем дело? — спросил Эдай.

— Вот взгляните, — сказал Кемп и повел Эдая в кабинет.

Он протянул ему письмо Невидимки. Эдай прочел и тихонько свистнул.

— А вы? — спросил он.

— Подстроил ловушку, — сказал Кемп, — и, как дурак, послал план с горничной. Прямо ему в руки.

Эдай терпеливо выслушал проклятия Кемпа.

— Он убежит, — сказал Эдай.

— Ну нет, — возразил Кемп.

Сверху донесся звон разбитого стекла. Эдай заметил револьвер, торчавший из кармана Кемпа.

— Это в кабинете! — сказал Кемп и первый стал подниматься по лестнице.

Еще не дойдя до верха, они опять услышали звон.

В кабинете они увидели, что два окна из трех разбиты, пол усеян осколками, а на письменном столе лежит большой булыжник. Оба остановились на пороге, глядя на разрушения. Кемп снова выругался, и в ту же минуту третье окно треснуло, точно выстрелили из пистолета, и на пол со звоном посыпались осколки.

— Зачем это? — сказал Эдай.

— Это начало, — ответил Кемп.

— А влезть сюда нет никакой возможности?

— Даже кошка не влезет, — сказал Кемп.

— Ставен нет?

— Здесь нет. Во всех нижних комнатах... Ого!

Снизу донесся звон стекла и треск досок от сильного удара.

— Это, должно быть... да, это в спальне. Он собирается обработать весь дом. Дурак он. Ставни закрыты, и стекло будет падать наружу. Он изрежет себе ноги.

Еще одно окно разлетелось вдребезги. Кемп и Эдай стояли на площадке, не зная, что делать.

— Вот что,— сказал Эдай,— дайте мне палку или что-нибудь в этом роде; я схожу в управление и велю прислать собак. Тогда мы его поймаем! Они будут здесь через каких-нибудь десять минут...

Еще одно окно разделило участь остальных.

— Нет ли у вас револьвера? — спросил Эдай.

Кемп сунул руку в карман и замялся.

— Нет,— ответил он,— по крайней мере, лишнего нет.

— Я принесу его обратно,— сказал Эдай.— Вы ведь в безопасности.

Кемп, пристыженный, отдал револьвер.

— Теперь пойдёмте отворять дверь,— сказал Эдай.

Пока они стояли в прихожей, не решаясь подойти к двери, одно из окон в спальне на первом этаже затрещало. Кемп подошел к двери и начал как можно осторожнее отодвигать засов. Лицо его было несколько бледнее обыкновенного.

— Выходите,— сказал Кемп.

Еще секунда, и Эдай был на крыльце, а Кемп снова задвинул засов. Эдай помедлил немного: стоять, прислонившись к двери, было все-таки спокойнее. Потом выпрямился и зашагал вниз по ступенькам. Он пересек лужайку и приблизился к калитке. Казалось, по траве пронёсся ветерок. Что-то зашевелилось рядом с ним.

— Погодите минутку,— произнес Голос.

Эдай остановился как вкопанный, рука его крепко сжала револьвер.

— В чем дело? — сказал Эдай, бледный и угрюмый; каждый нерв его был напряжен.

— Вы весьма меня обяжете, если вернетесь в дом,— сказал Голос так же угрюмо и напряженно, как Эдай.

— К сожалению, не могу,— сказал Эдай несколько охрипшим голосом и провел языком по пересохшим губам. Голос был, как ему показалось, слева от него. А что, если попытаться счастья и выстрелить?

— Куда вы идете? — спросил Голос.

Оба сделали быстрое движение, и в руке Эдая блеснул револьвер.

Но он отказался от своего намерения и задумался.

— Куда я иду — это мое дело, — проговорил он медленно.

Не успел он произнести эти слова, как невидимая рука обхватила его за шею, в спину уперлось колено, и он упал навзничь. Вытащив кое-как револьвер, он выстрелил наугад; в ту же секунду он получил сильный удар по зубам, и револьвер вырвали у него из рук. Он сделал тщетную попытку ухватиться за ускользнувшую невидимую ногу, попробовал встать и снова упал.

— Проклятье! — воскликнул Эдай.

Голос рассмеялся.

— Я убил бы вас, да жалко тратить пулю, — сказал он.

Эдай увидел футах в шести перед собой дуло повисшего в воздухе револьвера.

— Ну? — сказал Эдай, садясь.

— Встаньте! — приказал Голос.

Эдай встал.

— Смирно! — решительно произнес Голос. — Бросьте все свои затеи. Помните, что я ваше лицо хорошо вижу, а вы меня не видите. Вернитесь в дом.

— Он меня не впустит, — сказал Эдай.

— Очень жаль, — сказал Невидимка. — С вами я не ссорился.

Эдай снова провел языком по губам. Он отвел взгляд от револьвера, увидел вдали море, очень синее и темное в блеске полуденного солнца, шелковистые зеленые холмы, белый скалистый мыс, многолюдный город и вдруг почувствовал, как прекрасна жизнь. Он перевел взгляд на маленький металлический предмет, висевший между небом и землей в шести футах от него.

— Что же мне делать? — мрачно спросил он.

— А мне что делать? — спросил Невидимка. — Вы приведете подмогу. Нет, придется вам вернуться назад.

— Попытаюсь. Если он впустит меня, вы обещаете не врываться за мной в дом?

— С вами я не ссорился, — ответил Голос.

Кемп, выпустив Эдая, поспешил наверх; осторожно ступая по осколкам, подкрался к окну кабинета и глянул вниз. Он увидел Эдая, разговаривающего с Невидимкой.

— Что же он не стреляет? — пробормотал Кемп.

Тут револьвер переместился и засверкал на солнце. Заслонив глаза, Кемп старался проследить движение ослепительного луча.

— Так и есть! — воскликнул он. — Эдай отдал револьвер!

— Обещайте не врываться за мной, — говорил в это время Эдай. — Не увлекайтесь своей удачей. Уступите в чем-нибудь.

— Возвращайтесь в дом. Говорю вам прямо: я ничего не обещаю.

Эдай, видимо, вдруг принял решение. Он повернул к дому и медленно пошел вперед, заложив руки за спину. Кемп с недоумением наблюдал за ним. Револьвер исчез, затем снова сверкнул, снова исчез и появился — маленький блестящий предмет, неотступно следовавший за Эдаем. Дальнейшие события разворачивались молниеносно: Эдай прыгнул назад, резко повернулся, хотел схватить револьвер, не поймал его, вскинул руки и упал ничком, а над ним взвилось маленькое синее облачко. Выстрела Кемп не слышал. Эдай сделал несколько судорожных движений, приподнялся, опираясь на руку, снова упал и остался недвижим.

Кемп постоял немного, глядя на безмятежно спокойную позу Эдая. День был жаркий и безветренный, казалось, весь мир замер, только в кустах между домом и калиткой две желтые бабочки гонялись одна за другой. Эдай лежал на лужайке возле калитки. Во всех виллах на холме шторы были спущены, но в маленькой зеленой беседке виднелась белая фигура — по видимому, старик, который мирно дремал. Кемп внимательно всматривался, пытаясь разглядеть в воздухе револьвер, но он исчез. Взгляд Кемпа вернулся к Эдаю. Игра начиналась всерьез.

Кто-то начал звонить и стучаться в наружную дверь все громче, настойчивей, но прислуга, повинуясь распоряжениям Кемпа, сидела, запершись, по своим комнатам. Наконец все стихло. Кемп посидел немного,

прислушиваясь, потом осторожно выглянул по очереди в каждое из трех окон. После этого вышел на лестницу и опять напряженно прислушался. Затем пошел в спальню, вооружился там кочергой и снова отправился проверять внутренние запоры окон в нижнем этаже. Все было прочно и надежно. Он вернулся наверх. Эдай по-прежнему неподвижно лежал у края посыпанной гравием дорожки. По дороге, мимо вилл, шли его служанка и двое полисменов.

Стояла мертвая тишина. Кемпу показалось, что трое людей приближаются очень медленно. Он спрашивал себя, что делает его противник.

Вдруг он вздрогнул. Снизу донесся треск. После некоторого колебания Кемп сошел вниз. Внезапно весь дом огласился тяжелыми ударами и треском расщепляемого дерева. Звенели и лязгали железные задвижки на ставнях. Он повернул ключ, открыл дверь в кухню. Как раз в эту минуту в комнату полетели разрубленные и расщепленные ставни. Кемп остановился, оцепенев от ужаса. Оконная рама, кроме одной перекладины, была еще цела, но от стекла осталась только зубчатая каемка. Ставни были разрублены топором, который теперь со всего размаха ударял по раме и железной решетке, защищавшей окно. Но вдруг топор отскочил в сторону и исчез.

Кемп увидел лежавший на дорожке возле дома револьвер, и тотчас револьвер подпрыгнул. Кемп попятился. Еще секунда — раздался выстрел: щепка, оторванная от захлопнутой Кемпом кухонной двери, пролетела над его головой. Он запер дверь на ключ и сейчас же услышал крики и смех Гриффина. Потом под сокрушительными ударами топора снова затрещало дерево.

Кемп стоял в коридоре, собираясь с мыслями. Через минуту Невидимка будет на кухне. Эта дверь задержит его ненадолго, и тогда...

У наружной двери позвонили. Должно быть, полисмены. Кемп побегал в прихожую, укрепил цепь и отодвинул засов. Только окликнув служанку и услышав ее голос, он снял цепь, все трое гурьбой ввалились в дом, и Кемп снова захлопнул дверь.

— Невидимка! — сказал Кемп. — У него револь-

вер. Осталось два заряда. Он убил Эдая. Или, во всяком случае, ранил его. Вы не видели его на лужайке? Он там лежит.

— Кто? — спросил один из полицейских.

— Эдай, — сказал Кемп.

— Мы прошли задворками, — сказала служанка.

— Что это за треск? — спросил другой полицейский.

— Он на кухне... или скоро там будет. Он нашел топор...

Вдруг на весь дом раздались удары топора по кухонной двери. Служанка взглянула на дверь, задрожала и понялась в столовую. Кемп отрывочно объяснял положение. Они услышали, как подалась кухонная дверь.

— Сюда! — крикнул Кемп, быстро вталкивая полисменов в столовую. — Кочергу! — крикнул Кемп и бросился к камину.

Кочергу, которую он принес из спальни, он отдал первому из полисменов, а кочергу из столовой — другому. Вдруг он отскочил назад.

Один из полисменов пригнулся и, вскрикнув, поймал топор кочергой... Револьвер выпустил предпоследний заряд, пробив ценное полотно кисти Сиднея Купера. Второй полисмен ударил своей кочергой по маленькому смертоносному оружию, точно хотел убить осу, и револьвер со стуком упал на пол.

Как только началась схватка, служанка вскрикнула, постояла с минуту у камина и бросилась отворять ставни, вероятно думая спастись через разбитое окно.

Топор выбрался в коридор и остановился футах в двух от пола. Слышно было тяжелое дыхание Невидимки.

— Вы оба отойдите, — сказал он. — Мне нужен Кемп.

— А нам нужны вы, — сказал первый полисмен и, выступив вперед, ударил кочергой в направлении Голоса.

Но Невидимке удалось уклониться от удара, и кочерга попала в стойку для зонтиков.

Полисмен едва устоял на ногах, и в ту же минуту топор стукнул, смяв каску, словно она была из бума-

ги, и он кубарем вылетел на кухонную лестницу. Но второй полисмен ударил кочергой позади топора и попал во что-то мягкое. Раздался крик боли, и топор упал на пол. Полисмен ударил опять, но попал в пустоту; потом он наступил ногой на топор и ударил еще раз. Затем, держа кочергу наготове, стал внимательно прислушиваться, стараясь уловить какое-нибудь движение.

Он услышал, как раскрылось окно в столовой и затем раздались быстрые шаги. Товарищ его приподнялся и сел; кровь текла у него по щеке.

— Где он? — спросил раненый.

— Не знаю. Я зацепил его. Стоит где-нибудь в прихожей, если только не шмыгнул мимо тебя. Доктор Кемп! Сэр!..

Никакого ответа.

— Доктор Кемп! — снова позвал полисмен.

Раненый стал медленно подниматься на ноги. Наконец ему это удалось. Вдруг с кухонной лестницы донеслось шлепанье босых ног.

— Гоп! — крикнул первый полисмен и метнул кочергу; она расплющила газовый рожок.

Он пустился было преследовать Невидимку, но потом раздумал и вошел в столовую.

— Доктор Кемп... — начал он и сразу остановился. — Вот так храбрец этот доктор Кемп! — сказал он, обращаясь к заглянувшему через его плечо товарищу.

Окно в столовой было раскрыто настежь. Ни служанки, ни Кемпа.

Свое мнение о докторе Кемпе второй полисмен выразил кратко и энергично.

Глава XXVIII

ТРАВЛЯ ОХОТНИКА

Мистер Хилас, владелец соседней виллы, спал в своей беседке, когда началась осада дома Кемпа. Мистер Хилас принадлежал к тому упрямому меньшинству, которое ни за что не хотело верить «нелепым рассказам о Невидимке». Жена его, однако, слухам верила и не раз впоследствии напоминала об этом мужу.

Он вышел погулять по своему саду как ни в чем не бывало, а после обеда, по давней привычке, прилег. Все время, пока Невидимка бил окна в доме Кемпа, мистер Хилас преспокойно спал, но вдруг проснулся и почувствовал неладное. Он взглянул на дом Кемпа, протер глаза и снова взглянул. Потом он спустил ноги и сел, прислушиваясь. Он помянул черта, но странное видение не исчезло. Дом выглядел так, как будто его бросили с месяц назад после погрома. Все стекла были разбиты, и все окна, кроме окон кабинета на верхнем этаже, были изнутри закрыты ставнями.

— Готов поклясться, — мистер Хилас посмотрел на часы, — что двадцать минут назад все было в порядке.

Вдалеке раздавались мерные удары и звон стекла. А затем, пока он сидел с разинутым ртом, произошло нечто еще более странное. Ставни столовой распахнулись, и служанка в шляпе и пальто появилась в окне, судорожно стараясь поднять раму. Вдруг возле нее появился еще кто-то и стал помогать ей. Доктор Кемп! Еще минута — окно открылось, и служанка вылезла из него; она бросилась бежать и исчезла в кустах. Мистер Хилас встал, нечленораздельными возгласами выражая свое волнение по поводу столь поразительных событий. Он увидел, как Кемп взобрался на подоконник, выпрыгнул в окно и в ту же минуту появился на дорожке, обсаженной кустами; он бежал, пригнувшись, словно прячась от кого-то. Он исчез за кустом, потом показался опять возле изгороди со стороны открытого поля. В один миг он перелез через изгородь и кинулся бежать вниз по косогору, прямо к беседке мистера Хиласа.

— Господи! — воскликнул мистер Хилас, пораженный страшной мыслью. — Это тот мерзавец, Невидимка! Значит, все правда!

Для мистера Хиласа такая мысль означала: немедленно действовать, и кухарка его, наблюдавшая за ним из окна верхнего этажа, с удивлением увидела, как он ринулся к дому со скоростью добрых девяти миль в час.

— Чего это он так испугался? — пробормотала кухарка. — Мчится как угорелый!

Раздалось хлопанье дверей, звон колокольчика и голос мистера Хиласа, оравшего во все горло:

— Заприте двери! Заприте окна! Заприте все! Невидимка идет!

Весь дом тотчас же наполнился криками, шумом и топотом бегущих ног. Мистер Хилас сам побежал закрывать балконные двери, и тут из-за забора показались голова, плечи и колени Кемпа. Еще минута — и Кемп, перемахнув через грядку спаржи, помчался по теннисной площадке к дому.

— Нельзя,— сказал мистер Хилас, задвигая засов.— Мне очень жаль, если он гонится за вами, но сюда нельзя.

К стеклу прижалось лицо Кемпа, искаженное ужасом. Он стал стучать в балконную дверь и неистово рвать ручку. Видя, что все напрасно, он пробежал по балкону, прыгнул в сад и начал стучаться в боковую дверь. Потом выскочил через боковую калитку, обогнул дом и пустился бежать по дороге. И едва успел он скрыться из глаз мистера Хиласа, все время испуганно смотревшего в окно, как грядку спаржи безжалостно смяли невидимые ноги. Тут мистер Хилас помчался по лестнице вверх и дальнейшего хода охоты уже не видел. Но, пробегая мимо окна, он услышал, как хлопнула боковая калитка.

Выскочив на дорогу, Кемп, естественно, побежал под гору. Таким образом, ему пришлось теперь самому совершить тот же пробег, за которым он следил столь критическим взором из окна своего кабинета всего лишь четыре дня назад. Для человека, давно не упражнявшегося, Кемп бежал неплохо, и, хотя он побледнел и обливался потом, мысль его работала спокойно и трезво. Он несся крупной рысью, и когда попадались неудобные места, неровный булыжник или осколки разбитого стекла, ярко блестевшие на солнце, то бежал прямо по ним, предоставляя невидимым босым ногам своего преследователя избирать путь по собственному усмотрению.

Впервые в жизни Кемп обнаружил, что дорога по холму необычайно длинна и безлюдна и что до окраины города там, у подножия холма, необыкновенно далеко. На свете нет более трудного и медлительного спо-

соба передвижения, чем бег. Виллы, дремавшие под полуденным солнцем, по-видимому, были заперты наглухо. Правда, это было сделано по его собственному указанию. Но хоть бы кто-нибудь догадался на всякий случай следить за происходящим! Вдали начал вырисовываться город, море скрылось из виду, внизу были люди. К подножию холма как раз подъезжала конка. А там полицейское управление. Но что это слышно позади? Шаги? Ходу!

Люди внизу смотрели на него; несколько человек бросилось бежать. Дыхание Кемпа стало хриплым. Теперь конка была совсем близко, в кабачке «Веселые крикетисты» шумно запирали двери. За конкой были столбы и кучи щебня для дренажных работ. У Кемпа мелькнула мысль вскочить в конку и захлопнуть двери, но он решил, что лучше направиться прямо в полицию. Через минуту он миновал «Веселых крикетистов» и очутился в конце улицы, среди людей. Кучер конки и его помощник, бросив выпрягать лошадей, смотрели на него разинув рты. Из-за куч щебня выглядывали удивленные землекопы.

Кемп немного замедлил бег, но, услышав за собой быстрый топот своего преследователя, опять поднажал.

— Невидимка! — крикнул он землекопам, неопределенно махнув рукой назад, и, по счастливому наитию, перескочил канаву так, что между ним и Невидимкой очутилось несколько дюжих мужчин.

Оставив мысль о полиции, он свернул в переулок, промчался мимо тележки зеленщика, помедлил мгновение у дверей колониальной лавки и побежал по бульвару, который выходил на главную улицу. Дети, игравшие под деревьями, с криком разбежались при его появлении, раскрылось несколько окон, и разгневанные матери что-то кричали ему вслед. Он снова выбежал на Хилл-стрит, ярдов за триста от станции конки, и увидел толпу кричащих и бегущих людей.

Он взглянул вдоль улицы по направлению к холму. Ярдах в двенадцати от него бежал рослый землекоп, громко бранясь и размахивая лопатой; следом за ним мчался, сжав кулаки, кондуктор конки; за ними бежали еще люди, громко крича и замахиваясь на кого-то. С другой стороны, по направлению к городу, тоже

спешили мужчины и женщины, и Кемп увидел, как из одной лавки выскочил человек с палкой в руке.

— Окружайте его! Окружайте! — крикнул кто-то.

Кемп вдруг понял, что положение резко изменилось. Он остановился, переводя дух, и огляделся.

— Он где-то здесь! — крикнул он. — Оцепите...

— Ага! — раздался Голос.

Кемп получил жестокий удар по уху и зашатался; он попытался обернуться к невидимому противнику, но еле устоял на ногах и ударил в пустое пространство. Потом он получил сильный удар в челюсть и свалился на землю. Через секунду в живот ему уперлось колено и две руки яростно схватили его за горло, но одна из них действовала слабее другой. Кемпу удалось сжать кисти рук Невидимки, раздался громкий стон, и вдруг над головой Кемпа взвилась лопата землекопа и с глухим стуком опустилась. На лицо Кемпа что-то капнуло. Руки, державшие его за горло, вдруг ослабели; судорожным усилием он освободился, ухватил обмякшее плечо своего противника и навалился на него, прижимая к земле невидимые локти.

— Я поймал его! — взвизгнул Кемп. — Помогите, помогите! Он здесь. Держите его за ноги!

Секунда — и на место борьбы ринулась вся толпа. Посторонний зритель мог бы подумать, что тут разыгрывается какой-то ожесточенный футбольный матч. После выкриков Кемпа никто уже не сказал ни слова, слышался только стук ударов, топот ног и тяжелое дыхание.

Невидимке удалось нечеловеческим усилием сбросить с себя нескольких противников и подняться на ноги. Кемп вцепился в него, как гончая в оленя, и десятки рук хватали, колотили и рвали невидимое существо. Кондуктор конки поймал его за шею и снова повалил на землю.

Опять образовалась груда барахтающихся тел. Били, нужно сознаться, немилосердно. Вдруг раздался дикий вопль: «Пощадите! Поощадите!» — и быстро замер в придушенном стоне.

— Оставьте его, дурачье! — крикнул Кемп глухим голосом, и толпа подалась назад. — Он ранен, говорят вам. Отойдите!

Наконец удалось немного оттеснить сгрудившихся разгоряченных людей, и все увидели, что доктор Кемп опустился на колени, как бы повиснув дюймах в пятнадцати от земли; он прижимал к земле невидимые руки. Полисмен держал невидимые ноги.

— Не выпускайте его! — крикнул землекоп, размахивая окровавленной лопатой. — Прикидывается!

— Он не прикидывается, — сказал Кемп, становясь на колени возле невидимого тела, — и, кроме того, я держу его крепко. — Лицо у Кемпа было разбито и уже начинало опухать; он говорил с трудом, из губы текла кровь. Он поднял руку и, по-видимому, стал ощупывать лицо лежащего. — Рот весь мокрый, — сказал он и вдруг вскрикнул: — Боже праведный!

Кемп быстро встал и снова опустился на колени возле невидимого существа. Опять началась толкотня и давка, слышался топот подбегавших любопытных. Из всех домов выскакивали люди. Двери «Веселых крикетистов» распахнулись настежь. Говорили мало.

Кемп водил рукой, словно ощупывал пустоту.

— Не дышит, — сказал он. — И сердце не бьется. Бок у него... Ох!

Какая-то старуха, выглядывавшая из-под локтя рослого землекопа, вдруг громко вскрикнула.

— Глядите! — сказала она, вытянув морщинистый палец.

И, взглянув в указанном ею направлении, все увидели контур руки, бессильно лежавшей на земле; рука была словно стеклянная, можно было разглядеть все вены и артерии, все кости и нервы. Она теряла прозрачность и мутнела на глазах.

— Ого! — воскликнул констебль. — А вот и ноги показываются.

И так медленно, начиная с рук и ног, постепенно расползаясь по всем членам до жизненных центров, продолжался этот странный переход к видимой телесности. Это напоминало медленное распространение яда. Сперва показались тонкие белые нервы, образуя как бы слабый контур тела, затем мышцы и кожа, принимавшие сначала вид легкой туманности, но быстро тускневшие и уплотнявшиеся. Вскоре можно было раз-

личить разбитую грудь, плечи и смутный абрис изуродованного лица.

Когда наконец толпа расступилась и Кемпу удалось встать на ноги, то взорам всех присутствующих предстало распростертое на земле голое, жалкое, избитое и изувеченное тело человека лет тридцати. Волосы и борода у него были белые, не седые, как у стариков, а белые, как у альбиносов, глаза красные, как гранаты. Пальцы судорожно скрючились, глаза были широко раскрыты, а на лице застыло выражение гнева и отчаяния.

— Закройте ему лицо! — крикнул кто-то. — Ради всего святого, закройте лицо!

Тело накрыли простыней, взятой в кабачке «Веселые крикетисты», и перенесли в дом. Там, на жалкой постели, в убогой, полутемной комнате, среди невежественной, возбужденной толпы, избитый и израненный, преданный и безжалостно затравленный, окончил свой странный и страшный жизненный путь Гриффин, первый из людей сумевший стать невидимым, Гриффин — гениальный физик, равного которому еще не видел свет.

ЭПИЛОГ

Так кончается повесть о необыкновенном и гибельном эксперименте Невидимки. А если вы хотите узнать о нем побольше, то загляните в маленький трактир возле Порт-Стоу и поговорите с хозяином. Вывеска этого трактира — доска, в одном углу которой изображена шляпа, а в другом — башмаки, а название его такое же, как заглавие этой книги. Хозяин — низенький, толстенный человечек с длинным носом, щетинистыми волосами и багровым лицом. Выпейте побольше, и он не преминет подробно рассказать вам обо всем, что случилось с ним после описанных выше событий, и о том, как суд пытался отобрать найденные при нем деньги.

— Когда они убедились, что нельзя установить, чьи это деньги, то стали говорить — вы только подумайте! — будто со мной надо поступить, как с кладом. Ну скажите сами, похож я на клад? А потом один госпо-

дин платил мне по гинее в вечер за то, что я рассказывал эту историю в мюзик-холле.

Если же вы пожелаете сразу остановить поток его воспоминаний, то вам стоит только спросить его, не играли ли роль в этой истории какие-то рукописные книги. Он скажет, что книги действительно были, и начнет клятвенно утверждать, что хотя все почему-то считают, будто они и посейчас находятся у него, это неправда, их у него нет!

— Невидимка сам забрал их у меня, спрятал где-то, еще когда я удрал от него и скрылся в Порт-Стоу. Это все мистер Кемп сочиняет, будто книги у меня.

После этого он всякий раз впадает в задумчивость, украдкой наблюдает за вами, нервно перетирает стаканы и наконец выходит из комнаты.

Он старый холостяк, у него издавна холостяцкие вкусы, и в доме нет ни одной женщины. Всю свою верхнюю одежду он застегивает при помощи пуговиц— этого требует его положение,— но, когда дело доходит до подтяжек и более интимных частей туалета, он все еще прибегает к веревочкам. В деле он не очень предприимчив, но весьма заботится о респектабельности своего заведения. Движения его медлительны, и он склонен к задумчивости. В местечке он слывет умным человеком, его бережливость внушает всем почтение, а о дорогах Южной Англии он сообщит вам больше сведений, чем любой путеводитель.

А в воскресенье утром — каждое воскресенье в любое время года — и каждый вечер после десяти часов он отправляется в гостиную, прихватив стакан джина, чуть разбавленного водой, после чего тщательно запирает дверь, осматривает шторы и даже заглядывает под стол. Убедившись в полном своем одиночестве, он отпирает шкаф, затем ящик в шкафу, вынимает оттуда три книги в коричневых кожаных переплетах и торжественно кладет их на середину стола. Переплеты истрепаны и покрыты налетом зеленой плесени (ибо однажды эти книги ночевали в канаве), а некоторые страницы совершенно размыты грязной водой. Хозяин садится в кресло, медленно набивает глиняную трубку, не отрывая восхищенного взора от книг. Затем он пододвигает к себе одну из них и начинает изучать ее, переворачи-

вая страницы то от начала к концу, то от конца к началу. Брови его сдвинуты, и губы шевелятся от усилий.

— Шесть, маленькое два сверху, крестик и закрючка. Господи, вот голова была!

Через некоторое время усердие его слабеет, он откидывается на спинку кресла и смотрит сквозь клубы дыма в глубину комнаты, словно видит там нечто недоступное глазу обыкновенных смертных.

— Сколько тут тайн,— говорит он,— удивительных тайн... Эх, доискаться бы только! Уж я бы не так сделал, как он. Я бы... эх! — Он затягивается трубкой.

Тут он погружается в мечту, в неумирающую волшебную мечту его жизни. И, несмотря на все розыски, предпринимаемые неутомимым Кемпом, ни один человек на свете, кроме самого хозяина трактира, не знает, где находятся книги, в которых скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн. И никто этого не узнает до самой его смерти.

Р А С С К А З Ы

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ С ГЛАЗАМИ ДЭВИДСОНА

Временное душевное расстройство Сиднея Дэвидсона, замечательное само по себе, приобретает еще большее значение, если прислушаться к объяснениям доктора Уэйда. Оно наводит на мысли о самых причудливых возможностях общения между людьми в будущем, о том, что можно будет переноситься на несколько минут на противоположную сторону земного шара и оказываться в поле зрения невидимых нам глаз в те мгновения, когда мы заняты самыми потаенными делами. Мне пришлось быть непосредственно свидетелем припадка, случившегося с Дэвидсоном, и я считаю своей прямой обязанностью изложить свое наблюдение на бумаге.

Говоря, что был ближайшим свидетелем припадка, я имею в виду тот факт, что я оказался первым на месте происшествия. Случилось это в Гарлоу, в Техническом колледже, возле самой Хайгетской арки. Дэвидсон был один в большой лаборатории, я был в малой, там, где весы, и делал кое-какие заметки. Гроза прервала мои занятия. После одного из самых сильных раскатов грома я услышал в соседней комнате звон разбитого стекла. Я бросил писать, оглянулся и прислушался. В первое мгновение я ничего не слышал. Град оглушительно барабанил по железной крыше. Потом опять раздался шум и звон стекла, на этот раз уже несомненный. Что-то тяжелое упало со стола. Я мигом вскочил и открыл дверь в большую лабораторию.

К своему удивлению, я услышал странный смех и увидел, что Дэвидсон стоит посреди комнаты, шатаясь, со странным выражением лица. Сначала я подумал, что он пьян. Он не замечал меня. Он хватался за что-то невидимое, словно отстоявшее на ярд от его лица; медленно и как бы колеблясь, он протягивал руку и ловил пустое пространство.

— Куда она девалась? — спрашивал он. Он проводил рукой по лицу, растопырив пальцы. — Великий Скотт! — воскликнул он; три-четыре года назад была в моде такая божба.

Он неловко приподнял одну ногу, как будто ноги у него были приклеены к полу.

— Дэвидсон! — крикнул я. — Что с вами, Дэвидсон?

Он обернулся ко мне и стал искать меня глазами. Он глядел поверх меня, на меня, направо и налево от меня, но, очевидно, не видел меня.

— Волны! — сказал он. — И какая красивая шхуна! Я готов поклясться, что слышал голос Беллоуза. Эй! Эй! — вдруг закричал он громко.

Я подумал, что он дурачится. Но тут я увидел на полу у его ног осколки нашего лучшего электрометра.

— Что с вами, дружище? — спросил я. — Вы разбили электрометр?

— Опять голос Беллоуза, — сказал он. — У меня исчезли руки, но остались друзья. Что-то насчет электрометров. Беллоуз! Где вы? — И он, пошатываясь, быст-

ро направился ко мне.— Вот гадость, мягкое, как масло,— сказал он. Тут он наткнулся на скамью и отпрыгнул.— А вот это совсем не похоже на масло,— заметил он и остановился, покачиваясь.

Мне стало страшно.

— Дэвидсон! — воскликнул я.— Ради бога, что с вами такое?

Он оглянулся по сторонам.

— Готов держать пари, что это Беллоуз. Полно прятаться, Беллоуз. Выходите, будьте мужчиной.

Мне пришло в голову, что он, может быть, внезапно ослеп.

Я обошел вокруг стола и дотронулся до его рукава. Никогда не видел я, чтобы кто-нибудь так вздрагивал! Он отскочил и встал в оборонительную позу. Лицо его исказилось от ужаса.

— Боже! — воскликнул он.— Что это?

— Это я, Беллоуз. Прошу вас, Дэвидсон, перестаньте!

Когда я ответил ему, он подпрыгнул и поглядел... как бы это выразить?.. прямо сквозь меня. Он заговорил не со мной, а с собою:

— Здесь днем на открытом берегу спрятаться нигде.— Он с растерянным видом оглянулся.— Надо бежать!

Он неожиданно повернулся и с размаху налетел на большой электромагнит с такой силой, что, как потом обнаружилось, расшиб себе плечо и челюсть. Он отскочил на шаг и, чуть не плача, воскликнул:

— Что со мной?

Потом замер, побелев от ужаса и весь дрожа. Правой рукой он обхватил левую в том месте, которое только что ушиб о магнит.

Тут и меня охватило волнение. Я был страшно испуган.

— Дэвидсон, не волнуйтесь,— сказал я.

При звуке моего голоса он встрепелся, но уже не так тревожно, как в первый раз. Я повторил свои слова как только мог отчетливо и твердо.

— Беллоуз, это вы? — спросил он.

— Разве вы не видите меня?

Он засмеялся:

— Я не вижу даже самого себя. Черт возьми, куда это нас занесло?

— Мы здесь,— ответил я,— в лаборатории.

— В лаборатории? — машинально повторил он и провел рукой по лбу. — Это прежде я был в лаборатории. До того, как сверкнула молния... Но черт меня поberi, если я сейчас в лаборатории!.. Что это там за корабль?

— Нет никакого корабля,— ответил я.— Пожалуй-ста, опомнитесь, дружище!

— Никакого корабля! — повторил он, но, кажется, тотчас же позабыл мои слова. — Я думаю,— медленно начал он,— что мы оба умерли. Но любопытней всего, что я чувствую себя так, будто тело все же у меня осталось. Должно быть, к этому не сразу привыкаешь. Очевидно, старый корабль разбило молнией. Ловко, не правда ли, Беллоуз?

— Не городите чепуху. Вы целы и невредимы. И ведете себя отвратительно: вот разбили новый электрометр. Не хотел бы я быть на вашем месте, когда вернется Бойс.

Он перевел глаза с меня на диаграммы криогидратов.

— Должно быть, я оглох,— сказал он.— Я вижу дым,— значит, палили из пушки, а я совсем не слышал выстрела.

Я опять положил руку ему на плечо. На этот раз он отнесся к этому спокойнее.

— Наши тела стали теперь как бы невидимками,— сказал он.— Но смотрите, там шлюпка... огибает мыс... В конце концов, это очень похоже на прежнюю жизнь. Только климат другой!

Я стал трясти его за руку.

— Дэвидсон! — закричал я.— Дэвидсон! Проснитесь!

Как раз в эту минуту вошел Бойс. Как только он заговорил, Дэвидсон воскликнул:

— Старина Бойс! Вы тоже умерли? Вот здорово!

Я поспешил объяснить, что Дэвидсон находится в каком-то сомнамбулическом трансе. Бойс сразу заинтересовался. Мы делали все, что могли, чтобы вывести его из этого необычного состояния. Он отвечал на наши

вопросы и сам спрашивал, но его внимание поминутно отвлекалось все теми же видениями какого-то берега и корабля. Он все толковал о какой-то шлюпке, о шлюпбалках, о парусах, раздуваемых ветром. Жуткое чувство вызывали у нас его речи в сумрачной лаборатории. Он был слеп и беспомощен. Пришлось взять его под руки и отвести в комнату к Бойсу. Покуда Бойс беседовал с ним и терпеливо слушал его бредни о корабле, я прошел по коридору и пригласил старика Уэйда посмотреть его. Голос нашего декана как будто отрезвил его, но ненадолго. Дэвидсон спросил, куда девались его руки и почему он должен передвигаться по поясу в земле. Уэйд долго думал над этим (вы знаете его манеру сдвигать брови), потом тихонько взял его руку и провел ею по кушетке.

— Вот это кушетка,— сказал Уэйд.— Кушетка в комнате профессора Бойса... Набита конским волосом.

Дэвидсон погладил кушетку и, подумав, сказал, что руками он ее чувствует хорошо, но увидеть никак не может.

— Что же вы видите? — спросил Уэйд.

Дэвидсон ответил, что видит только песок и разбитые раковины. Уэйд дал ему пощупать еще несколько предметов, при этом он описывал их и внимательно наблюдал за ним.

— Корабль на горизонте,— ни с того ни с сего промолвил Дэвидсон.

— Оставьте корабль,— сказал Уэйд.— Послушайте, Дэвидсон, вы знаете, что такое галлюцинация?

— Конечно,— сказал Дэвидсон.

— Так имейте в виду: все, что вы видите,— галлюцинация.

— Епископ Беркли,— произнес Дэвидсон.

— Послушайте меня,— сказал Уэйд.— Вы целы и невредимы, и вы в комнате профессора Бойса. Но у вас что-то произошло с глазами. Испортилось зрение. Вы слышите и осязаете, но не видите... Понятно?

— А мне кажется, что я вижу даже слишком много.— Дэвидсон потер глаза кулаками и прибавил: — Ну, еще что?

— Больше ничего. И пусть это вас не беспокоит. Мы с Беллоузом посадим вас в кеб и отвезем домой.

— Погодите.— Дэвидсон задумался.— Давайте я опять сяду, а вы, будьте добры, повторите, что только что сказали.

Уэйд охотно исполнил его просьбу. Дэвидсон закрыл глаза и обхватил голову руками.

— Да,— сказал он,— вы совершенно правы. Вот я закрыл глаза, и вы совершенно правы. Рядом со мной на кушетке сидите вы и Беллоуз. И я опять в Англии. И в комнате темно... А там солнце всходит,— сказал он,— и корабельные снасти, и волнующееся море, и летают какие-то птицы. Я никогда не видел так отчетливо. Я на берегу, сижу по самую шею в песке.

Он наклонил голову и закрыл лицо руками. Потом снова открыл глаза.

— Бурное море и солнце! И все-таки я сижу на диване в комнате Бойса... Боже мой! Что со мной?

Так началось у Дэвидсона странное поражение глаз, длившееся целые три недели. Это было хуже всякой слепоты. Он был совершенно беспомощен. Его кормили, как птенца, одевали, водили за руку. Когда он пробовал двигаться сам, он либо падал, либо наткнулся на стены и двери. Через день он немного освоился со своим положением; не так волновался, когда слышал наши голоса, не видя нас, и охотно соглашался, что он дома и Уэйд сказал ему правду. Моя сестра — она была невестой Дэвидсона — настояла, чтобы ей разрешили приходить к нему, и часами сидела около него, пока он рассказывал о своей странной бухте. Он удивительно успокаивался, когда держал ее за руку. Он рассказал ей, что, когда мы везли его из колледжа домой — он жил в Хэмпстед, — ему представлялось, будто мы проезжаем прямо сквозь какой-то песчаный холм; было совершенно темно, пока он сквозь скалы, деревья и самые крепкие преграды снова не вышел на поверхность; а когда его повели наверх, в его комнату, у него закружилась голова, и он испытывал безумный страх, что упадет, потому что подъем по лестнице показался ему восхождением на тридцать или сорок футов над поверхностью его воображаемого острова. Он беспрестанно твердил, что перебьет все яйца. В конце концов пришлось перевести его вниз, в приемную отца, и уложить там на диван.

Он рассказывал, что его остров — довольно глухое и мрачное место и что там очень мало растительности: только голые скалы да жесткий бурьян. Остров кишит пингвинами; их так много, что вся земля кажется белой, и это очень неприятно для глаз. Море часто бушует, раз была даже буря и гроза, и он лежал на диване и вскрикивал при каждой беззвучной вспышке молнии. Изредка на берег выбираются котики. Впрочем, это было только в первые два-три дня. Он говорил, что его очень смешит, что пингины проходят сквозь него, как по пустому месту, а он лежит посреди этих птиц, несколько их не пугая.

Я вспоминаю один любопытный эпизод. Ему очень захотелось курить. Мы раскурили и дали ему в руки трубку, причем он чуть не выколол себе глаза. Он не почувствовал никакого вкуса. Я потом заметил, что точно так же бывает и со мной: не знаю, как другие, но я не получаю удовольствия от курения, если не вижу дыма.

Но самые странные видения были у него, когда Уэйд распорядился вывезти его в кресле на свежий воздух. Дэвидсоны взяли напрокат кресло на колесах и приставили к нему своего приживальщика Уиджери, глухого и упрямого человека. У этого Уиджери было довольно своеобразное представление о прогулках на свежем воздухе. Как-то, возвращаясь из ветеринарного госпиталя, моя сестра повстречала их в Кэмдене, около Кингскросса. Уиджери с довольным видом быстро шагнул за креслом, а Дэвидсон, видимо, в полном отчаянии безуспешно пытался привлечь к себе его внимание. Он не удержался и заплакал, когда моя сестра заговорила с ним.

— Дайте мне выбраться из этой проклятой темноты! — взмолился он, сжимая ее руку. — Мне надо уйти отсюда, или я умру...

Он не мог объяснить, что произошло. Сестра решила сейчас же отвезти его домой, и, как только они стали подниматься на холм по пути в Хэмпстеду, испуг его прошел. Он сказал, что очень приятно видеть звезды, хотя было около полудня и ярко светило солнце.

— Мне казалось, будто меня с непреодолимой силой вдруг стало уносить в море, — рассказывал он мне

потом.— Сначала это очень испугало меня... Дело, конечно, было ночью. Это была великолепная ночь.

— Почему же «конечно»? — с удивлением спросил я.

— Конечно,— повторил он.— Когда здесь день, там всегда ночь. Меня несло прямо в море. Оно было спокойно и блестело в лунном сиянии. Только широкая зыбь ходила по воде. Она оказалась еще сильнее, когда я попал в нее. Сверху море блестело, как мокрая кожа. Вода вокруг меня поднималась очень медленно — потому что меня несло вкось,— пока не задила мне глаза. Потом я совсем погрузился в воду, и у меня было такое чувство, будто эта кожа лопнула у меня перед глазами и опять срослась. Луна подпрыгнула в небесах и стала зеленой и смутной; какая-то рыба, слегка поблескивая, суетливо заскользила вокруг меня, и я увидел какие-то предметы как бы из блестящего стекла и пронесся сквозь целую чащу водорослей, светившихся маслянистым светом. Так я спустился вглубь, и луна становилась все более зеленой и темной, а водоросли сияли пурпурно-красным светом. Все это было очень смутно, таинственно, все как бы колебалось. И в то же время я отчетливо слышал, как поскрипывает кресло, на котором меня везут, и мимо проходит народ, и где-то в стороне газетчик выкрикивает экстренный выпуск «Пэл-Мэл».

Я погружался в воду все глубже и глубже. Вокруг меня все стало черным, как чернила; ни один луч не проникал в темноту, и только фосфоресцирующие предметы становились все ярче. Змеистые ветви подводных растений засветились в глубине, как пламя спиртовых горелок; но немного погодя пропали и они. Рыбы подплывали ко мне стаями, глядели на меня, разевая рты, и проплывали мимо меня, в меня и сквозь меня. Я никак не предполагал, что существуют такие странные рыбы. По бокам у них с обеих сторон были огненные полосы, словно проведенные фосфором. Какая-то гадина с извивающимися длинными щупальцами пятилась в воде, как рак.

Потом я увидел, как во тьме на меня медленно ползла масса неясного света, которая вблизи оказалась целым сонмом рыб, шныряющих вокруг какого-

то предмета, опускающегося на дно. Меня несло прямо на них, и в самой середине стаи я увидел справа распростершийся надо мной обломок разбитой мачты, а потом — опрокинутый темный корпус корабля и какие-то светящиеся, фосфоресцирующие тела, податливые и гибкие под напором прожорливой стаи. Тут я и постарался привлечь к себе внимание Уиджери. Ужас охватил меня. Ух! Мне пришлось бы наехать прямо на эти полуобглоданные... если бы ваша сестра вовремя не подошла ко мне... Беллоуз, они были проедены насквозь и... Ну, да все равно. Ах, это было ужасно!

Три недели находился Дэвидсон в этом странном состоянии. Все это время взор его был обращен к тому, что мы сперва считали плодом его фантазии. Он был слеп ко всему окружающему. Но вот однажды — это было во вторник — я пришел к нему и встретил в передней его отца.

— Он уже видит свой палец, Беллоуз! — в восторге сообщил мне старик, надевая пальто, и слезы показались у него в глазах. — Есть надежда на выздоровление.

Я бросился к Дэвидсону. Он держал перед глазами книжку и слабо смеялся.

— Вот чудеса! — сказал он. — Что-то похожее на пятно. — И он показал пальцем. — Я по-прежнему на скалах; пингвины по-прежнему ковыляют и возятся вокруг; по временам появляется даже кит, и только темнота мешает мне разглядеть его как следует. Но положите что-нибудь вот сюда, и я увижу — плохо, неясно, какими-то клочками, но все-таки увижу, — правда, не предмет, но бледную тень предмета. Я заметил это сегодня утром, когда меня одевали. Как будто в этом фантастическом мире образовалась дыра. Вот, положите свою руку рядом с моей... Нет, не сюда. Ну конечно, я вижу ее! Ваш большой палец и край манжеты. Ваша рука встала на темнеющем небе, как привидение; и тут же, возле нее, — какое-то созвездие в форме креста.

С этого дня Дэвидсон начал выздоравливать. О перемене в своем состоянии он рассказывал очень убедительно. Мир его видений как будто постепенно линял, становился все прозрачнее, в нем появлялись какие-то щели и просветы, и Дэвидсон начинал смутно

различать сквозь них окружающую действительность. Просветы ширились, их становилось все больше, они сливались, и скоро только несколько пятен заслоняли видимый мир от его глаз. Он мог опять вставать, одеваться и двигаться без посторонней помощи, опять стал есть, читать, курить и вообще вести себя, как нормальный человек. Сперва ему сильно мешала двойственность впечатлений, наползающих одно на другое, как картинки волшебного фонаря, но вскоре он научился отличать призрачные от настоящих.

Сначала это его радовало; казалось, он думал только о том, чтобы окончательно выздороветь, и охотно прибегал для этого к разным упражнениям и укрепляющим средствам. Но когда его странный остров стал таять у него перед глазами, он вдруг очень заинтересовался им. Ему особенно хотелось еще раз погрузиться на морское дно, и он стал проводить целые дни в блужданиях по низко расположенным кварталам Лондона в надежде натолкнуться на тот обломок судна, который он тогда видел. Дневной свет действовал на него так сильно, что уничтожал все являющееся в видениях. Зато ночью, в темной комнате, он опять видел скалы в белых подтеках и жирных пингвинов, ковыляющих вокруг него. Но и эти видения становились все призрачнее и наконец вскоре после его женитьбы на моей сестре совсем исчезли.

Но самое любопытное впереди. Через два года после этой истории я как-то обедал у Дэвидсонов. После обеда к ним пришел один знакомый по фамилии Аткинс. Это был лейтенант королевского флота, человек любознательный и большой говорун. Он был в приятельских отношениях с моим зятем, а через какой-нибудь час подружился и со мной. Оказалось, что он жених двоюродной сестры Дэвидсона, и вышло так, что он вынул небольшой карманный альбом, чтобы показать фотографическую карточку своей невесты.

— Кстати,— сказал он,— вот снимок нашего старого «Фальмара».

Дэвидсон бросил взгляд на карточку. Вдруг он вспыхнул.

— Боже мой! — воскликнул он. — Я готов поклясться...

— В чем? — спросил Аткинс.
— Что уже видел это судно.
— Сомневаюсь. Оно уже шесть лет плавает в южных морях. А до тех пор...
— Однако... — начал Дэвидсон. И, помолчав, продолжал: — Да, это то самое судно, которое я видел. Оно стояло у острова: там была пропасть пингвинов, и оно палило из пушек...

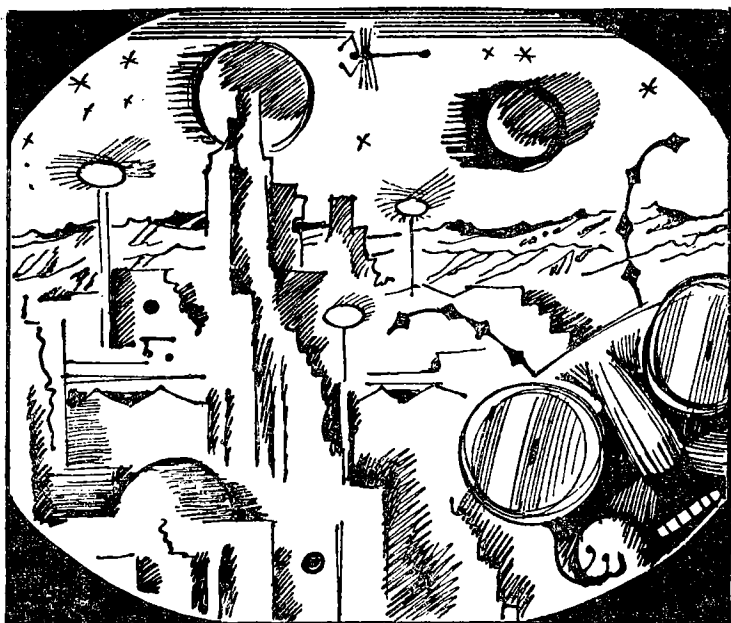
— Господи! — воскликнул Аткинс, узнав подробности его болезни. — Как вы могли это видеть?

И тут слово за словом выяснилось, что в тот самый день, когда Дэвидсона постигло несчастье, английское военное судно «Фальмар» случайно оказалось невдалеке от маленького рифа, к югу от острова Антиподов. Оно спустило шлюпку, чтобы набрать пингвиновых яиц. Шлюпка почему-то замешкалась там, и ее застигла буря. Ей пришлось прождать там всю ночь и вернуться к судну только на рассвете. Аткинс тоже был в лодке, и он подтвердил до мельчайших подробностей все, что сообщил об этом острове и о лодке Дэвидсон. Ни у кого из нас не осталось ни тени сомнения, что Дэвидсон действительно видел это место. Каким-то непонятным образом, покуда он передвигался по Лондону, его взор в точном соответствии с этим передвигался по поверхности отдаленного острова. Как это происходило, остается тайной.

На этом, собственно, и кончается рассказ о замечательном случае с глазами Дэвидсона. Это, может быть, самый достоверный случай видения на расстоянии. Нет никакой возможности объяснить его, если не принять объяснения профессора Уэйда. Но в его теории фигурирует четвертое измерение и целая диссертация о формах пространства. Толковать о каких-то «щелях в пространстве» мне представляется бессмысленным, может быть, оттого, что я совсем не математик. Когда я говорил Уэйду, что как-никак, а место видений Дэвидсона отстоит от нас на восемь тысяч миль, он отвечал, что на листе бумаги две точки могут отстоять одна от другой на ярд и все-таки могут быть слиты в одну, если мы сложим лист вдвое. Может быть, читатель поймет этот довод — мне он недоступен. Его мысль, по-видимому, сводится к тому, что Дэвидсон, очутившись меж-

ду двумя полюсами большого электромагнита, получил необычайное сотрясение сетчатой оболочки глаз благодаря внезапной перемене поля силы при ударе молнии.

Из этого он выводит, что тело может жить в одном месте земного шара, а зрение бродить в другом. Он даже делал какие-то опыты в подтверждение своих взглядов, но все, чего ему удалось пока достигнуть,— это лишить зрения нескольких собак. Как мне известно, это единственный результат его опытов. Впрочем, я не видел его уже несколько недель: за последнее время у меня было столько работы по оборудованию института, что я никак не мог выбрать время заглянуть к нему. Но вся его теория в целом кажется мне фантастической. Между тем факты, относящиеся к случаю с Дэвидсоном, ничуть не фантастичны, и я могу поручиться за точность каждой подробности своего рассказа.

ХРУСТАЛЬНОЕ ЯЙЦО

Год тому назад близ Севендайлса еще стояла маленькая, вся снаружи закопченная лавка, на вывеске которой поблекшими желтыми буквами было написано: «К. Кэйв. Набивка чучел и антиквариат». Набор вещей, выставленных в ее витрине, поражал своей пестротой. Там были слоновые клыки, разрозненные шахматные фигуры, четки, пистолеты, ящик, наполненный стеклянными глазами, два черепа тигра и один человеческий, изъеденные молью обезьяньи чучела (одно — со светильником в лапе), старинная шкатулка, несколько засиженных мухами страусовых яиц, рыболовные принадлежности и на удивление грязный пустой аквариум. В то время, к которому относится наш

рассказ, среди всех этих предметов лежал и кусок хрустала, выточенный в форме яйца и прекрасно отшлифованный. На него-то и смотрели двое стоявших перед витриной лавки: высокий худощавый пастор и смуглый чернобородый молодой человек восточного типа, одетый весьма непритязательно. Молодой человек что-то говорил, энергично жестикулируя, видимо, убеждал своего спутника купить хрустальное яйцо.

Они все еще стояли у витрины, когда мистер Кэйв вышел в лавку из задней комнаты, дожевывая на ходу кусок хлеба с маслом, отчего борода у него так и ходила ходуном. Увидев этих людей и догадавшись, что их заинтересовало, мистер Кэйв как-то сразу сник. Он виновато оглянулся через плечо и тихо притворил за собой дверь в заднюю комнату. Мистер Кэйв был старичок небольшого роста, со странными водянисто-голубыми глазами на бледном лице. В волосах его мелькала желтоватая седина; на нем был поношенный синий сюртук, допотопный цилиндр и расшлепанные ковровые туфли. Он выжидательно смотрел на разговаривающих. Но вот пастор сунул руку в глубину кармана, посмотрел на вытянутые оттуда монеты и блеснул зубами в приятной улыбке. Когда они вошли в лавку, физиономия у мистера Кэйва вытянулась еще больше.

Пастор спросил без всяких обиняков, сколько стоит хрустальное яйцо. Мистер Кэйв бросил тревожный взгляд на дверь в заднюю комнату и ответил: пять фунтов. Обращаясь одновременно к своему спутнику и к мистеру Кэйву, пастор запротестовал против такой высокой цены (она действительно была гораздо выше той, что хотел просить Кэйв, когда эта вещь попала к нему в руки) и начал было торговаться. Мистер Кэйв подошел к входной двери и распахнул ее.

— Цена пять фунтов,— повторил он, видимо не желая утруждать себя бесцельным спором.

И тут в щелке над занавеской, которой была задернута застекленная дверь в комнату при лавке, показалась верхняя половина женского лица, глаза с любопытством уставились на покупателей.

— Цена пять фунтов,— дрогнувшим голосом проговорил мистер Кэйв.

Смуглый молодой человек пока что молчал, внима-

тельно присматриваясь к Кэйву. Но теперь и он подал голос:

— Хорошо, платите пять фунтов.

Пастор посмотрел на своего спутника — не шутит ли он — и, переводя взгляд на мистера Кэйва, увидел, что тот побелел как полотно.

— Это слишком дорого, — сказал пастор и, порывшись в кармане, стал пересчитывать наличность.

У него оказалось немногим больше тридцати шиллингов, и он стал урезонивать своего спутника, с которым был, видимо, на самой короткой ноге. Это дало мистеру Кэйву возможность собраться с мыслями, и он начал взволнованно объяснять, что, собственно говоря, хрустальное яйцо не продается. Оба покупателя, естественно, удивились: следовало бы подумать об этом раньше! Зачем же тогда было назначать цену? Мистер Кэйв сконфузился, но продолжал твердить, что продать яйцо он не может, так как договорился с другим покупателем. Истолковав эти слова как попытку еще набить цену, пастор и его друг сделали вид, будто хотят уйти, но в эту минуту задняя дверь отворилась, и в лавку вошла хозяйка, обладательница черной челки и маленьких глазок.

Эта женщина, полная, с грубыми чертами лица, была моложе мистера Кэйва и гораздо крупнее его. Поступь у нее была тяжелая, лицо — красное от волнения.

— Хрустальное яйцо продается, — сказала она. — И пять фунтов цена вполне достаточная. Я не понимаю, Кэйв, почему ты отказываешь джентльменам?

Мистер Кэйв, крайне растерянный этим внезапным вторжением, сердито посмотрел на жену поверх очков и стал — впрочем, не слишком уверенно — защищать свое право вести дела по собственному усмотрению. Между ними началась перепалка. Оба покупателя с интересом наблюдали эту сцену, то и дело подсказывая миссис Кэйв новые доводы. Припертый к стене, Кэйв все же не хотел сдаваться и нес что-то несуразное, путаное об утреннем покупателе хрустального яйца. Волнение дорого ему стоило, но он с необыкновенным упорством продолжал твердить свое.

Конец этому странному спору положил смуглый молодой человек. Он сказал, что они зайдут через два дня,

и, следовательно, у того покупателя, на которого ссылается мистер Кэйв, будет время воспользоваться такой отсрочкой.

— Но уж тогда твердо,— сказал пастор.— Пять фунтов.

Миссис Кэйв сочла своим долгом принести извинения за мужа, пояснив, что он у нее иной раз «чудит», и по уходе покупателей супружеская чета приступила к открытому обсуждению этого случая во всех его подробностях.

Миссис Кэйв изъяснялась напрямик. Дрожа от волнения, ее несчастный муж то твердил о каком-то другом покупателе, то сбивался с этой версии и говорил, что хрустальное яйцо стоит не меньше десяти гиней.

— Тогда почему же ты спросил с них пять фунтов? — возразила ему жена.

— Прошу тебя, предоставь мне вести мои дела по собственному усмотрению,— отвечал Кэйв.

В доме мистера Кэйва жили его падчерица и пасынок, и вечером, за ужином, случай в лавке снова подвергся обсуждению. Домашние мистера Кэйва и без того невысоко ценили деловые способности главы семейства, но последний его поступок показался им верхом безумия.

— По-моему, он и раньше придерживал это яйцо,— заявил пасынок, нескладный верзила лет восемнадцати.

— Но пять фунтов! — воскликнула падчерица, юная девица двадцати шести лет, большая любительница поспорить.

Ответы мистера Кэйва были жалки по своей беспомощности: он только невнятно бормотал, что ему лучше знать, как вести дела. Посреди ужина несчастного погнажи в лавку — запереть дверь на ночь. Уши у него горели, слезы досады затуманили стекла очков. «Почему я не убрал яйцо с витрины? Какое легкомыслие!» — вот что не давало ему покоя. Он не видел способа отвертеться от продажи хрустального яйца.

После ужина падчерица и пасынок мистера Кэйва принарядились и отправились гулять, а жена поднялась наверх и, попивая горячую воду с сахаром, лимоном и еще кое с чем, стала обдумывать, как быть с хрустальным яйцом. Мистер Кэйв ушел в лавку и

оставался там довольно долго под тем предлогом, что ему надо делать маленькие гроты в аквариумах для золотых рыбок. На самом же деле он был занят совсем другим, но об этом речь впереди.

На следующий день миссис Кэйв обнаружила, что хрустальное яйцо убрано с витрины и припрятано за стойкой подержанных книг по рыболовству. Миссис Кэйв переложила его обратно, на видное место. Говорить об этом с мужем она не пожелала, так как у нее разыгралась мигрень. Что касается самого Кэйва, то у него такое желание вообще никогда не появлялось. Время тянулось томительно. Мистер Кэйв был рассеян больше обычного (если только это возможно) и сверх того крайне раздражителен. После обеда, когда жена, по своему обыкновению, легла отдохнуть, он опять убрал яйцо с витрины.

На следующий день мистер Кэйв повез в одну из клиник морских собачек, которые требовались там для анатомических занятий. В его отсутствие мысли миссис Кэйв снова вернулись к хрустальному яйцу и к тому, как потратить нежданно-негаданные пять фунтов. Она уже успела самым приятным образом распределить эту сумму — между прочим, имелась в виду покупка зеленого шелкового платья и поездка в Ричмонд, — как вдруг звон колокольчика у входной двери вызвал ее в лавку. Посетитель оказался лаборантом из клиники, который пришел пожаловаться на то, что лягушки, заказанные накануне, до сих пор не доставлены. Миссис Кэйв не одобряла этой отрасли торговых операций мистера Кэйва, вследствие чего джентльмену, явившемуся в несколько запальчивом настроении, пришлось удалиться ни с чем после краткой и вежливой — в той мере, в какой это зависело от него, — беседы с хозяйкой. Взоры миссис Кэйв, естественно, обратились к витрине: вид хрустального яйца должен был придать реальность пяти фунтам и мечтам, связанным с ними. Каково же было ее удивление, когда яйца в витрине не оказалось!

Она кинулась к тому месту за прилавком, где нашла яйцо накануне, но его и там не было. Тогда миссис Кэйв немедленно приступила к обыску лавки.

Доставив морских собачек по адресу, мистер Кэйв

вернулся домой около двух часов и застал в лавке полный разгром. Жена его, злая-презлая, стояла на коленях за прилавком и рылась в материале для набивки чучел. Когда колокольчик возвестил о приходе мистера Кэйва, она высунула из-за прилавка свою свирепую красную физиономию и с места в карьер обвинила мужа, что он «спрятал его».

— Кого его? — спросил мистер Кэйв.

— Хрустальное яйцо.

Выражая всем своим видом крайнее удивление, мистер Кэйв бросился к витрине.

— Разве его здесь нет? — воскликнул он. — Боже мой! Куда же оно делось?

В эту минуту из задней комнаты в лавку вошел с громкой бранью пасынок мистера Кэйва, вернувшийся домой за минуту до него. Он работал на той же улице подмастерьем у краснодеревщика, торговавшего подержанной мебелью, но обедал дома и теперь изволил гневаться, что обед еще не готов. Однако, услышав о пропаже, мальчишка забыл о еде и перенес свой гнев с матери на отчима. Мать и сын, разумеется, сразу же решили, что мистер Кэйв спрятал хрустальное яйцо. Но он всячески отрицал это, не скупясь на клятвенные заверения, ни для кого не убедительные, и под конец сам стал обвинять сперва жену, а за ней и пасынка в том, что хрустальное яйцо спрятали они, решив тайком продать его. Ожесточенный, полный накала страстей спор привел к тому, что у миссис Кэйв начался нервный припадок — нечто среднее между истерикой и приступом бешенства, а пасынок на целых полчаса опоздал в мебельную мастерскую. Мистер Кэйв укрылся от разбушевавшейся жены в лавке.

Вечером спор возобновился, но уже с меньшей горячностью, и спорщики вели его под началом падчерицы обстоятельно, как судебное разбирательство. Ужин прошел невесело и закончился тяжелой сценой. Мистер Кэйв вскипел и выбежал из лавки, громко хлопнув дверью. Воспользовавшись его отсутствием, остальные члены семьи высказались о нем с полной свободой, а затем обшарили весь дом с чердака до подвала в надежде найти хрустальное яйцо.

На следующий день оба покупателя снова появи-

лись в лавке. Миссис Кэйв встретила их чуть не со слезами. Как выяснилось из ее слов, никто, ни один человек, не может себе представить, сколько ей всего пришлось вытерпеть от Кэйва на стезе их супружеской жизни. Кроме того, она поведала им — в несколько искаженном виде — историю исчезновения хрустального яйца. Пастор и смуглый молодой человек переглянулись между собой, внутренне посмеиваясь, но согласились с миссис Кэйв, что все это действительно очень странно. Они не стали задерживаться в лавке, так как миссис Кэйв явно вознамерилась изложить им всю свою биографию. Цепляясь за последнюю надежду, она все же успела спросить адрес пастора и пообещала известить его, если ей удастся добиться чего-нибудь от мужа. Адрес был дан, но потом, очевидно, утерян. Миссис Кэйв так и не могла сказать, куда он запропастился.

К вечеру того дня страсти в семействе мистера Кэйва несколько улеглись, и сам он, вернувшись после своей отлучки, поужинал в полном одиночестве, представлявшем приятный контраст с недавними бурями. Атмосфера в доме по-прежнему оставалась напряженной, но ни хрустальное яйцо, ни покупатели его так больше и не появились.

Теперь, чтобы не вводить кого-либо в заблуждение, мы должны признаться, что мистер Кэйв просто-напросто лгал. Ему было хорошо известно, где находится хрустальное яйцо. Его хранил у себя мистер Джекоби Уэйс, помощник демонстратора больницы св. Екатерины на Уэстборн-стрит. Прикрытое куском черного бархата, оно лежало у него дома на буфете возле графина с американским виски. От мистера Уэйса и были получены сведения, на основе которых написан этот рассказ. Кэйв принес хрустальное яйцо в сумке с морскими собачками и пристал к молодому ученому, чтобы тот спрятал его у себя. Мистер Уэйс согласился не сразу. У него были довольно своеобразные отношения с Кэйвом. Коллекционируя разного рода чудаков, он частенько приглашал к себе старика выкурить трубочку, выпить стакан вина и слушал его не лишённые занятости высказывания о жизни вообще и о миссис Кэйв в частности. Мистеру Уэйсу случалось иметь де-

ло с этой дамой, когда мистера Кэйва не бывало в лавке. Он знал, что Кэйва притесняют дома, и, обдумав все как следует, решил приютить у себя хрустальное яйцо. Мистер Кэйв обещал объяснить свою странную приверженность к этой вещи, а пока что признался, что в хрустале ему открываются видения. В тот же вечер он опять зашел к молодому ученому.

Мистер Уэйс выслушал весьма путанный рассказ. Из него следовало, что Кэйв купил хрустальное яйцо заодно с другой мелочью на аукционе у одного разорившегося антиквара и, не зная стоимости этой вещи, назначил наугад десять шиллингов. Яйцо провалялось в витрине лавки несколько месяцев, и он уже подумывал, не снизить ли цену, как вдруг ему открылось нечто странное.

Надо иметь в виду, что здоровье у мистера Кэйва было плохое, а во время описываемых событий оно совсем расстроилось, чему немало способствовало также пренебрежительное и прямо-таки дурное отношение к нему жены и ее детей. Миссис Кэйв, женщина взбалмошная, бессердечная, питала все возрастающую склонность к спиртным напиткам. Падчерица была заносчива и сварлива, пасынок не выносил своего приемного отца и пользовался каждым случаем, чтобы показать это.хлопоты по лавке тяготили мистера Кэйва, и мистер Уэйс склонен думать, что старику тоже случалось иной раз грешить по части спиртного. В молодые годы Кэйв не знал лишений, получил хорошее образование, а теперь он по целым неделям страдал приступами меланхолии и бессонницей. Когда ему становилось невмоготу от тяжелых мыслей, он тихонько, стараясь никого не разбудить, вставал ночью со своего супружеского ложа и бродил по дому. И однажды, часа в три ночи — было это в конце августа, — случай привел его в лавку.

Эта грязная маленькая конура была погружена во тьму, и только в одном ее уголке теплился какой-то странный свет. Подойдя поближе, мистер Кэйв увидел, что свет исходит от хрустального яйца, которое лежало на краю прилавка, у самой витрины. Тонкий лучик, пробившийся с улицы сквозь щель в ставне, падал прямо на яйцо и словно наполнял его сиянием.

Мистер Кэйв сразу же понял, что это противоречит законам оптики, известным ему еще со школьной скамьи. Если бы луч преломился в хрустале и собрался в фокусе внутри него, это было бы понятно, но такое рассеивание света шло вразрез с основными законами физики. Мистер Кэйв подошел к яйцу поближе, взгляделся в самую его глубь, осмотрел его со всех сторон, вдруг загоревшись той любознательностью, которая помогла ему с молодых лет определить свое призвание. Он поразился, увидев, что свет растекается по всему яйцу, точно это был полый шар, наполненный светящимися парами. Разглядывая яйцо то с правой, то с левой стороны, он случайно заслонил его от луча света, но хрусталь и тогда нимало не потускнел. Потрясенный этим открытием, мистер Кэйв взял яйцо и перенес его подальше от окна, в самый темный угол лавки. Оно продолжало излучать сияние еще минут пять, потом стало медленно тускнеть и наконец погасло. Мистер Кэйв подставил его под луч света, и почти тотчас же сияние снова разлилось по нему.

Эту часть удивительного рассказа старого антиквара мистер Уэйс мог подтвердить. Он сам не раз держал яйцо под лучом шириной чуть меньше миллиметра. И действительно, в полной темноте, накрытый куском черного бархата, хрусталь хоть и слабо, но все же фосфоресцировал. Однако в этой фосфоресценции было что-то странное, и видели ее не все. Так, например, мистер Харбинджер — имя, известное всем, кто интересуется работой Пастеровского института, — вообще не заметил никакого свечения. У мистера Уэйса эта способность была несравненно ниже, чем у мистера Кэйва. И даже у самого мистера Кэйва она сильно колебалась, обостряясь в часы наибольшей усталости и плохого самочувствия.

Свечение в хрустальном яйце с первого дня словно зачаровало мистера Кэйва. И то, что он долгое время ни с кем не делился своим открытием, говорит о его глубоко одиночестве больше, чем мог бы сказать целый том трогательных описаний. Бедняга жил в атмосфере такого недоброжелательства, что вздумай он признать, что вот такая-то вещь доставляет ему удовольствие,

как его мигом лишили бы ее. Он заметил, что с приближением утра, при рассеянном освещении, хрусталь перестает светиться изнутри. Какое-то время вообще удавалось наблюдать это свечение только по ночам, в самых темных углах лавки.

Тогда мистер Кэйв решил воспользоваться куском старого бархата, служившего фоном для коллекции минералов. Сложив бархат вдвое и накрыв им голову и руки, он улавливал игру света в хрустальном яйце даже днем. Но тут ему приходилось быть начеку, чтобы не попасться жене, и он предавался этому занятию, залезая из предосторожности под прилавок, только в послеобеденное время, когда она отдыхала наверху. И вот однажды, поворачивая яйцо в руках, мистер Кэйв увидел нечто новое. В глубине хрустала словно вспыхнула молния, и ему показалось, будто перед ним открылись на миг бескрайние просторы какой-то неведомой страны. Он повернул яйцо еще раз и снова поймал в тускнеющем хрустале то же видение.

Было бы слишком долго и скучно излагать все подробности этого открытия мистера Кэйва. Достаточно сказать о результатах его опытов: держа хрусталь под углом примерно в сто тридцать семь градусов к лучу света, в нем можно было ясно и подолгу видеть широкую и чем-то совершенно необычную равнину. В пейзаже этом не было ничего фантастического, он казался вполне реальным, и чем сильнее был свет, тем живее и ярче обозначалась в нем каждая его деталь. Всю эту картину пронизывало движение, подчиняющееся размеренному ритму, и она непрестанно менялась в зависимости от направления луча света и той или иной точки зрения. Так бывает, когда рассматриваешь что-нибудь сквозь выпуклое стекло: стоит его повернуть — и все предстает в ином виде.

Мистер Уэйс уверял меня, что мистер Кэйв описывал ему все это очень обстоятельно, без малейших признаков возбуждения, которое обычно наблюдается у галлюцинирующих. Однако все попытки самого мистера Уэйса увидеть сколько-нибудь четкую картину в бледной, опаловой глубине хрустала оканчивались полной неудачей. Видимо, разница в силе восприятия их обоих была слишком велика и то, что представлялось

одному четким, ясным, было для другого всего лишь туманным пятном.

По словам мистера Кэйва, видение, открывавшееся ему в хрустальном яйце, оставалось неизменным. Это была широкая равнина, и он смотрел на нее откуда-то сверху, точно с башни или мачты. На востоке и на западе, далеко-далеко, равнину замыкали высокие красноватые скалы, похожие на те, что он видел на какой-то картине; на какой именно, мистер Уэйс так и не добился от него. Скалы тянулись с севера на юг (направление можно было определить по звездам ночью) и, теряясь в бесконечности, видимо, смыкались где-то в туманных далях. В первый раз мистер Кэйв был ближе к восточной цепи скал; тогда над ними всходило солнце и в воздухе парило множество каких-то существ, похожих на птиц. Против солнца они казались совсем черными, а попадая в тень, ложившуюся от скал, светлели. Внизу, под собой, мистер Кэйв видел длинный ряд зданий, и чем ближе они были к темному краю картины, где преломлялся луч света, тем все более расплывчатыми становились их очертания. Сверкающий на солнце широкий канал окаймляли деревья с необычными по форме и цвету стволами — то темно-зелеными, как мох, то серебристо-серыми. Что-то большое и яркое пролетело в вышине над красноватыми скалами и равниной. В первый раз это зрелище открывалось мистеру Кэйву на две-три секунды, не больше. Руки у него дрожали, голова тряслась, и неведомая равнина то возникала перед ним, то снова исчезала в тумане, стоило только ему потерять нужный угол зрения.

Второй раз удача пришла только через неделю. Промежуток не дал ничего, кроме нескольких мучительно неясных проблесков и некоторого опыта в обращении с яйцом. Теперь равнина открылась мистеру Кэйву в перспективе. Вид изменился, но у него была странная уверенность, неоднократно подкреплявшаяся в дальнейшем, что он каждый раз смотрит на этот странный мир с одного и того же места, но только в разных направлениях. Большое, длинное здание, крышу которого мистер Кэйв видел впервые внизу, под собой, теперь вытянулось в перспективе. По крыше он его и узнал.

Вдоль фасада этого здания шла терраса поистине огромных размеров, а посредине нее, на равном расстоянии одна от другой, высились массивные, но стройные мачты, к верхушкам которых были прикреплены какие-то маленькие блестящие предметы, отражавшие лучи заходящего солнца. О назначении этих предметов мистер Кэйв догадался гораздо позже, когда рассказывал о своих опытах мистеру Уэйсу. Терраса нависала над зарослями роскошных цветущих кустарников, а дальше начинался широкий луг, в траве которого возлежали какие-то странные существа, похожие на огромных, раздавленных в ширину жуков. За лугом бежала дорога, выложенная узором из розоватого камня, а еще дальше, вдоль цепи скал, сверкала зеркально-гладкая река, заросшая по берегам к р а с н о й травой. Большие птицы тучами величественно парили в воздухе. По ту сторону реки, в чаще деревьев, покрытых мхами и лишайниками, высились дворцы, игравшие на солнце полировкой разноцветного гранита и металлической резьбой. И вдруг перед мистером Кэйвом что-то замелькало; это были словно взмахи крыльев или украшенного драгоценностями веера, и он увидел чье-то лицо, вернее, верхнюю часть лица, с огромными глазами — увидел его так близко от себя, точно их разделял только прозрачный хрусталь. Испуганный и пораженный живостью этих глаз, мистер Кэйв поднял голову, заглянул за яйцо и, очнувшись от своих видений, увидел себя все в той же холодной, темной лавчонке, пропитавшейся запахом метила, плесени и гнили. И пока он изумленно озирался по сторонам, сияние в хрустале стало меркнуть и вскоре совсем погасло.

Таковы были первые опыты мистера Кэйва. Рассказывал он о них обстоятельно, со всеми подробностями. Мелькнув перед ним в первый раз, пейзаж в хрустальном яйце поразил его воображение, а по мере того как он обдумывал увиденное, любопытство его перешло в страсть. Дела в лавке он вел теперь спустя рукава, помышляя только о том, как бы поскорее вернуться к своему новому занятию. И вот через несколько недель после странного открытия мистера Кэйва приход в лавку двух покупателей, тревоги, вызванные их намерением купить хрустальное яйцо, и исчезновение его с

витрины — словом, все то, о чем я уже рассказывал.

До тех пор, пока мистер Кэйв держал свое открытие в тайне, он любовался этими чудесами украдкой, словно ребенок, одним глазком заглядывающий в чужой сад. Но мистер Уэйс обладал на редкость ясным и точным для начинающего ученого умом. Как только хрустальное яйцо появилось у него в доме и ему удалось убедиться собственными глазами, что старик антиквар говорит правду и что хрусталь действительно светится изнутри, он приступил к систематическому исследованию этого странного явления. Мистер Кэйв, не устававший любоваться зрелищем чудесной страны, просиживал у молодого ученого все вечера, с половины девятого до половины одиннадцатого, а иногда забегал и среди дня в отсутствие хозяина. Приходил он и по воскресеньям, в послеобеденное время. Мистер Уэйс с самого начала вел подробную запись их общих наблюдений, и методичность его помогла установить, какое направление светового луча дает наилучшую возможность обозревать картины, открывающиеся в хрустальном яйце.

Поместив яйцо в ящик с небольшим отверстием для луча и заменив светло-коричневые шторы на окнах своей комнаты плотными черными занавесками, мистер Уэйс значительно улучшил условия наблюдений, так что вскоре они могли обозревать равнину из конца в конец.

Теперь, после этих предварительных сведений, мы дадим краткое описание призрачного мира внутри хрустального яйца. Исследователи всегда придерживались одного и того же метода работы: мистер Кэйв всматривался в хрусталь и рассказывал, что он там видит, а мистер Уэйс, научившийся писать в темноте еще в студенческие годы, конспектировал его рассказы. Когда хрусталь тускнел, яйцо снова помещали в ящик и включали электричество. Мистер Уэйс задавал вопросы и делал те или иные поправки по ходу наблюдений, стараясь избежать малейших неясностей. Словом, ни того, ни другого нельзя было заподозрить в склонности к мистике, их занятие носило чисто деловой характер.

Мистера Кэйва больше всего интересовали похожие на птиц существа, которые всякий раз появлялись в

хрустале. Сначала он считал этих птиц чем-то вроде дневных летучих мышей, потом, как ни странно, решил, что это ангелы. Головы у них были круглые, поразительно схожие с человеческими. Одно из этих существ когда-то и напугало мистера Кэйва, встретившись с ним взглядом в хрустале. Их серебристые, лишённые оперения крылья искрились на свету, как чешуя у рыбы, только что вынутой из воды. Впрочем, мистер Уэйс вскоре установил, что крылья эти не были похожи на крылья летучих мышей или птиц, а держались на изогнутых ребрах, расходящихся веером от туловища (крыло бабочки с чуть изогнутыми прожилками — вот наиболее близкое сходство). Само туловище у них было небольшое; ниже рта выступали два пучка хватательных органов, похожих на длинные щупальца. Как это ни казалось невероятным мистеру Уэйсу, но в конце концов он пришел к мысли, что именно им, крылатым существам, принадлежат величественные дворцы, напоминающие человеческое жилье, и роскошные цветущие сады — короче говоря, все то, чем ласкала глаз широкая равнина. Мистер Кэйв, со своей стороны, подметил еще одну особенность этих зданий: обитатели их влетали и вылетали оттуда не через двери, а в окна — большие, круглые, легко открывающиеся. Сядут на свои щупальца, прижмут сложенные крылья к тонкому, как тростинка, туловищу и легко спрыгнут внутрь. В этом рое было и множество других, более мелких существ, подобных большим стрекозам, бабочкам и летающим жукам, а на зеленой луговине лениво копошились и бескрылые жуки, слепящие глаз своей яркой окраской. Большеголовые мухи огромных размеров, но тоже лишённые крыльев, деловито скакали по дороге и террасам, отталкиваясь от земли при помощи своих щупалец, похожих на человеческие руки.

Я уже упоминал о каких-то блестящих предметах на мачтах, которые стояли на террасе дворца у самого края этой картины. Однажды, когда видимость была исключительно хороша, мистер Кэйв рассмотрел одну из таких мачт и увидел, что этот блестящий предмет ничем не отличается от его собственного хрустального яйца. И, как выяснилось из дальнейших наблюдений, такие же хрустальные шары были почти на всех других

двадцати мачтах. Время от времени крылатые существа взлетали на одну из них и, сложив крылья, обхватив ее щупальцами, подолгу, иной раз минут по пятнадцать, пристально вглядывались в хрусталь. Ряд наблюдений, проведенных по совету мистера Уэйса, убедил обоих исследователей, что хрустальное яйцо, в которое они смотрят, укреплено на террасе с двадцатью мачтами, на верхушке крайней из них, и что в лицо мистеру Кэйву заглянул один из обитателей потустороннего мира.

Таковы основные факты этой странной истории. Если не считать ее от начала до конца остроумной мистификацией мистера Уэйса, придется признать одно из двух: либо хрустальное яйцо мистера Кэйва находилось одновременно в двух мирах и, перемещаясь в одном мире, оставалось неподвижным в другом, что совершенно невероятно, либо между обоими хрустальными яйцами существовала какая-то связь и то, что было видно внутри одного из них здесь, на Земле, при соответствующих условиях могло открыться наблюдателю в том, другом мире, и наоборот.

Сейчас мы, разумеется, не в состоянии объяснить, каким образом эти два хрустальных яйца могли быть связаны между собой, но современная наука уже не отрицает такой возможности. Предположение о некоем родстве между ними принадлежит мистеру Уэйсу, и, на мой взгляд, оно вполне правдоподобно.

Но где же находится тот, другой мир? Живой ум мистера Уэйса не замедлил пролить свет и на этот вопрос. После захода солнца небо в хрустале быстро темнело — сумерки там были совсем короткие, — появлялись звезды. Те же звезды, группирующиеся в те же созвездия, мы видим и на нашем небосклоне. Мистер Кэйв узнал Большую Медведицу, Плеяды, Альдебаран и Сириус. Следовательно, тот мир находится где-то в пределах Солнечной системы и самое большее — на расстоянии каких-нибудь нескольких сот миллионов миль от нашего. Развивая дальше эту догадку, мистер Уэйс установил, что полночное небо в том мире намного темнее даже нашего зимнего, а солнечный диск несколько меньше. И на небосклоне там сияли две луны! («Похожие на нашу луну, но меньшего

размера и с другим расположением морей и кратеров».) Одна из этих лун двигалась так быстро, что движение ее было заметно глазу. Поднимались они обе невысоко и исчезали вскоре после восхода; другими словами, вращение их вокруг своей оси сопровождалось затмением вследствие близости обеих к планете, вращающейся вокруг солнца. И все это в точности соответствовало тем астрономическим законам (неизвестным мистеру Кэйву), которые должны существовать на Марсе.

В самом деле, почему не допустить, что, глядя в хрустальное яйцо, мистер Кэйв действительно видел планету Марс и ее обитателей? А если так, значит, вечерняя звезда, ярко сияющая в небе этого далекого мира, была не что иное, как наша Земля.

Первое время марсиане — если это на самом деле были жители Марса, — по-видимому, не подозревали, что за ними наблюдают. Иной раз кто-нибудь из них поднимался на мачту, вглядывался в хрустальное яйцо минуту-другую и перелетал к следующему, вероятно, в поисках лучшей видимости. Мистер Кэйв следил за жизнью этих крылатых существ без всяких помех с их стороны, и его наблюдения, хоть и отрывочные, давали пищу для ума. Представьте себе, какое впечатление о людях сложилось бы у марсианина, если бы он после долгих усилий, напрягая глаза, мог лишь минуты по четыре за раз смотреть на Лондон с высоты колокольни св. Мартина! Мистер Кэйв не мог сказать, были ли крылатые марсиане такими же существами, как и те, что скакали по дороге и террасам, и могли ли последние обзавестись по желанию крыльями. Несколько раз на равнине появлялись какие-то двуногие, смахивающие на неуклюжих белых обезьян с прозрачным туловищем. Они паслись среди заросших лишайниками деревьев, и как-то раз один круглоголовый, передвигающийся прыжками марсианин погнался за ними и схватил одного своими щупальцами. Но тут видение сразу поблекло, и мистер Кэйв остался в темноте, сгорая от неудовлетворенного любопытства. В другой раз нечто огромное стремительно пронеслось по дороге вдоль канала. Когда это «нечто» приблизилось к краю картины, мистер Кэйв признал в нем сначала гигантское насекомое, а потом — сверкающую металлом ма-

шину чрезвычайно сложной конструкции. Он хотел разглядеть ее как следует, но не успел, так быстро она скрылась из виду.

Спустя некоторое время мистер Уэйс вознамерился привлечь внимание марсиан, и в следующий раз, когда глаза одного из них глянули в хрусталь, мистер Кэйв громко вскрикнул и отскочил назад. Уэйс сейчас же зажег свет, и оба они стали подавать знаки марсианину. Но все их старания ни к чему не привели. Когда мистер Кэйв снова посмотрел в глубь хрустального яйца, там никого не было.

Такие сеансы продолжались до первых чисел ноября. Убедившись к этому времени, что подозрения его домашних улеглись, мистер Кэйв стал уносить хрустальное яйцо с собой, с тем чтобы не упускать ни малейшей возможности — днем ли, ночью ли — тешить свою душу видениями, которые составляли теперь весь смысл его жизни.

В декабре, готовясь к экзамену, мистер Уэйс был занят больше обычного; наблюдения над хрустальным яйцом, увы, на неделю пришлось отложить. Неделя прошла, но Кэйв не дал о себе знать и на десятый, а может быть, и на одиннадцатый день. Мистеру Уэйсу не терпелось снова приступить к наблюдениям, поскольку спешная работа у него кончилась, и он сам отправился к старику антиквару. Выйдя на Севендайлс, он увидел, что у торговца птицами и сапожника окна закрыты ставнями. Лавка мистера Кэйва тоже была на запоре.

Мистер Уэйс постучал в дверь. Ему отворил пасынок старика с черной повязкой на рукаве. По его зову в лавке появилась миссис Кэйв в полном вдовьем трауре, хоть и дешевом, но явно рассчитанном на то, чтобы бросаться в глаза, как отметил мысленно мистер Уэйс. Он почти не удивился, узнав, что Кэйв умер и уже похоронен. Миссис Кэйв пустила слезу и несколько сильным голосом сообщила ему, что она сию минуту с Хайгейтского кладбища. Вдовица, видимо, была вся во власти мыслей о своей дальнейшей судьбе и перипетий торжественной церемонии погребения, так что мистер Уэйс не сразу и с большим трудом выведал у нее подробности смерти старика.

Кэйва нашли мертвым в лавке рано утром на другой день после их последней встречи с мистером Уэйсом. Окоченевшие руки старика сжимали хрустальное яйцо, рассказывала миссис Кэйв, на губах застыла улыбка. Рядом с ним на полу лежал кусок черного бархата. Смерть наступила часов за пять, за шесть до того, как его обнаружили.

Уэйс был потрясен этим рассказом и горько упрекнул себя за то, что смотрел сквозь пальцы на явно ухудшавшееся здоровье старика. Впрочем, главным образом его беспокоило хрустальное яйцо. Зная некоторые особенности характера миссис Кэйв, он приступил к расспросам с осторожностью. И совершенно онемел от неожиданности, узнав, что хрустальное яйцо уже продано.

Когда покойника перенесли наверх, миссис Кэйв сразу же вспомнила про чудака пастора, предлагавшего пять фунтов за хрустальное яйцо, и решила написать ему о своей находке. Но лихорадочные поиски его адреса, в которых принимала участие и ее дочь, ни к чему не привели: бумажка затерялась. У миссис Кэйв не было средств на сложные по ритуалу похороны, которых заслуживал столь почтенный обитатель Севендайлса, и она прибегла к помощи одного знакомого торговца с Грэйт-Портленд-стрит. Он любезно согласился взять часть вещей Кэйва по собственной расценке. В их числе было и хрустальное яйцо. Выразив, правда несколько второпях, приличные случаю соболезнования вдове, мистер Уэйс поспешил на Грэйт-Портленд-стрит. Но там он узнал, что хрустальное яйцо уже продано и что купил его высокий смуглый человек в сером костюме. Здесь фактический материал этой странной, но, на мой взгляд, наводящей на размышления истории внезапно обрывается. Торговец с Грэйт-Портленд-стрит не знал, кто был тот высокий смуглый человек в сером, и не мог точно описать его мистеру Уэйсу. Он даже не заметил, в какую сторону покупатель пошел, выйдя из лавки. Мистер Уэйс до конца испытал терпение торговца, изливая в бесконечных расспросах свою досаду. Убедившись напоследок, что всему этому делу пришел конец, что теперь уж ничего не напишешь, он вернулся домой и с удивлением увидел

свои заметки о наблюдениях над хрустальным яйцом, которые по-прежнему лежали на его заваленном книгами и бумагами столе.

Легко представить себе разочарование и досаду молодого ученого. Он еще раз сходил к торговцу на Грэйт-Портленд-стрит (столь же безуспешно), дал объявление в газеты и журналы, которые могли попасть в руки коллекционеров разных редкостей. Написал письма в «Дейли кроникл» и «Нэйчюр», но оба эти органа, заподозрив тут мистификацию, посоветовали ему подумать как следует, прежде чем настаивать на опубликовании своих писем. Кроме того, мистеру Уэйсу было дано понять, что эта странная история, лишенная каких бы то ни было вещественных доказательств, может повредить его репутации ученого.

Месяца через полтора после двух-трех последних бесед с антикварами мистер Уэйс скрепя сердце откасался от поисков хрустального яйца, тем более что работа в больнице оставляла у него мало свободного времени. Впрочем, недавно молодой ученый признался мне (и я не имею оснований не верить ему), что бывают дни, когда он бросает самые неотложные дела и, полный рвения, принимается разыскивать пропажу.

Найдется ли хрустальное яйцо или оно исчезло навсегда, об этом сейчас можно только гадать. Если теперешний его обладатель — коллекционер, он, казалось бы, должен узнать через антикваров, что эта вещь разыскивается. Мистер Уэйс уже выяснил, кто были те люди — пастор и «восточный человек», — приходившие в лавку к мистеру Кэйву. Оказалось, что это почтенный Джеймс Паркер и молодой яванский принц Боссо-Куни. Им я обязан некоторыми подробностями этой истории. Настойчивость принца объяснялась просто любопытством и... долей чудачества. Ему захотелось купить хрустальное яйцо только потому, что Кэйв со странным упорством отказывался продать его.

Вполне вероятно, что тот, кому в конце концов досталась эта вещь, был не коллекционер, а просто случайный покупатель, и, может быть, хрустальное яйцо находится сейчас на расстоянии какой-нибудь мили от меня и украшает чью-нибудь гостиную, а то и служит пресс-папье, не обнаруживая своих замечательных

свойств. Откровенно говоря, эта мысль отчасти и побудила меня изложить всю эту историю в форме рассказа в расчете на то, что так она скорее попадет на глаза рядовому потребителю беллетристики.

Мое собственное мнение о хрустальном яйце вполне совпадает с мнением мистера Уэйса. По-моему, между хрустальным шаром, укрепленным на вершине марсианской мачты, и хрустальным яйцом мистера Кэйва существует какая-то тесная связь, в настоящее время еще не разгаданная. Мы оба считаем также, что хрустальное яйцо могло быть послано с Марса на Землю (вероятнее всего, в незапамятные времена), когда марсиане захотели поближе познакомиться с нашими земными делами. Допускаю мысль, что у нас на Земле где-нибудь есть и другие такие же хрустальные шары — парные тем, что украшают остальные марсианские мачты. Во всяком случае, ссылками на галлюцинации тут ничего не объяснишь.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОГ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

Весьма сомнительно, чтобы этот дар был врожденным. Лично я считаю, что он появился у него неожиданно. Ведь до тридцати лет этот человек был заядлым скептиком и не верил в чудотворные силы.

А теперь за неимением более подходящего места я упомяну здесь, что рост у него был маленький, глаза карие, а волосы рыжие и вихрастые; кроме того, он обладал усами, которые закручивал вверх, и большим количеством веснушек. Его звали Джордж Макуиртер Фодерингей — имя отнюдь не из тех, которые сулят чудеса, — он служил клерком в конторе Гомшотта. Он очень любил по всякому поводу доказывать свою правоту, и его необычайный дар обнаружился именно в тот

момент, когда он категорически заявил, что чудеса невозможны.

Этот спор завязался в баре «Длинного дракона», и оппонент мистера Фодерингея, Тодди Бимиш, парировал все его аргументы довольно однообразным, но весьма действенным утверждением: «Это по-вашему так», — чем совсем вывел его из себя.

Кроме них двоих, в баре были запыленный велосипедист, хозяин заведения Кокс и мисс Мейбридж, в высшей степени порядочная и весьма корпулентная буфетчица «Дракона». Мисс Мейбридж стояла спиной к мистеру Фодерингею и мыла стаканы. Остальные же смотрели на него, забавляясь тщетностью его попыток доказать свою правоту.

Доведенный до белого каления торрес-ведрасской тактикой¹ мистера Бимиша, мистер Фодерингей пустил в ход все свое красноречие.

— Послушайте-ка, мистер Бимиш, — сказал он. — Давайте разберемся, что такое чудо. Это нечто несовместимое с законами природы и произведенное усилием воли, нечто такое, что не могло бы произойти, если бы кто-то не сделал подобного усилия.

— Это по-вашему так, — сказал мистер Бимиш победоносно.

Мистер Фодерингей воззвал к велосипедисту, который до сих пор слушал молча, но теперь выразил свое согласие, смущенно кашлянув и взглянув на мистера Бимиша. Хозяин отказался высказать свое мнение, но когда мистер Фодерингей вновь повернулся к мистеру Бимишу, тот неожиданно согласился с таким определением чуда, хотя и со значительными оговорками.

— Например, — сказал, воспрянув духом, мистер Фодерингей, — чудом было бы следующее: вот та лампа, согласно законам природы, не может гореть, если ее перевернуть вверх дном, не так ли, Бимиш?

— Это по-вашему не может, — ответил Бимиш.

— А по-вашему как? — воскликнул Фодерингей. — Значит, по-вашему она...

— Да, — неохотно согласился Бимиш, — не может.

— Отлично, — продолжал мистер Фодерингей. —

¹ Тактика, применявшаяся англо-португальскими войсками у города Торрес-Ведраса в 1810 году.

Допустим, кто-то приходит, ну, хотя бы я, например, становится здесь и, собрав всю силу воли, говорит этой лампе, вот как я сейчас скажу: «Перевернись вверх дном, но не разбейся и продолжай гореть и...» Ой!

Тут было из-за чего воскликнуть «Ой». Невозможное, невероятное свершилось у всех на глазах. Перевернувшись вверх дном, лампа повисла в воздухе и продолжала спокойно гореть, а ее пламя было обращено вниз, это был факт столь же достоверный и неоспоримый, как и сама эта лампа, обыкновенная лампа в баре «Длинного дракона».

Мистер Фодерингей стоял, вытянув вперед указательный палец и сдвинув брови, как человек, ожидающий неизбежной катастрофы. Велосипедист, который сидел ближе всех к лампе, пригнулся и перепрыгнул через стойку. Все повскакали с мест. Мисс Мейбридж обернулась и взвизгнула.

Около трех секунд лампа продолжала спокойно висеть. Затем мистер Фодерингей испустил стон, исполненный мучительной тревоги:

— Я больше не могу удерживать ее!

Он попятился, перевернутая лампа выбросила язык пламени, стукнулась об угол стойки, отлетела в сторону, разбилась об пол и погасла. К счастью, резервуар у нее был металлический, иначе начался бы пожар.

Первым молчание нарушил мистер Кокс. Если отбросить излишнюю крепость выражений, смысл его слов сводился к тому, что Фодерингей дурак, но мистер Фодерингей находился в таком состоянии, что даже не стал оспаривать столь категорическое утверждение. Он был слишком ошеломлен случившимся. Тут заговорили и другие, но не пролили света ни на суть дела, ни на роль в нем мистера Фодерингея. Общее мнение совпало с мнением мистера Кокса, но было выражено еще более бурно. Все обвиняли Фодерингея в глупой проделке и доказывали ему, что он легкомысленно нарушил покой окружающих и подверг их жизнь опасности.

Мистер Фодерингей до того растерялся и смутился, что был готов с ними согласиться, и, когда ему предложили удалиться восвояси, он не оказал почти никакого сопротивления.

Он брел домой, красный как рак; ворот его пиджака был измят, глаза щипало, уши пылали. Он с беспокойством косился на каждый из десяти уличных фонарей, мимо которых ему пришлось пройти. И, только очутившись в уединении своей маленькой спальни на Черчроу, он наконец собрался с мыслями и, припомнив все обстоятельства вечера, спросил себя:

«Что же все-таки случилось?»

К этому времени он уже снял пиджак и ботинки и теперь сидел на краю кровати, засунув руки в карманы, в семнадцатый раз повторяя свое оправдание:

«Я же не хотел, чтобы эта проклятая лампа перевернулась!»

Но тут он вспомнил, что, произнося слова команды, бессознательно пожелал, чтобы его приказ исполнился, и что потом, увидев лампу в воздухе, почувствовал, что поддерживать ее в таком положении должен тоже он, хотя и не понимал, каким образом.

Если бы мистер Фодерингей отличался философским складом ума, он непременно принялся бы размышлять над словами «бессознательно пожелал», поскольку они охватывают сложнейшие проблемы волевого акта; но он не был склонен к абстрактным размышлениям, и эта мысль была настолько смутной, что он принял ее безоговорочно. Затем, опираясь на нее, он — как я должен признать, без особой логики — прибегнул к проверке опытом.

Решительным жестом мистер Фодерингей протянул руку к свече, сосредоточился, хотя чувствовал, что делает глупость, и сказал:

— Поднимись!

В то же мгновение сомнения его исчезли: свеча поднялась и на какой-то миг повисла в воздухе, а затем вслед за его ошеломленным «Ах!» с громким стуком ударилась о тумбочку, оставив мистера Фодерингея в полной темноте, если не считать тлевшего фитиля.

Некоторое время мистер Фодерингей сидел в темноте и не шевелился.

— Значит, так оно и было, — проговорил он наконец. — Но в чем тут дело, не пойму.

Тяжело вздохнув, он начал рыться в карманах,

отыскивая спички. Не найдя их, он поднялся и стал обшаривать тумбочку.

— Хоть бы одну найти! — сказал он.

Он взялся за пиджак, но и там спичек не было, и тут ему пришло в голову, что чудеса можно творить даже со спичками. Он вытянул руку и в темноте, грозно нахмурившись, произнес:

— Пусть в этой руке будет спичка!

Ему на ладонь упал какой-то легкий предмет, и он зажал его в кулаке.

После нескольких неудачных попыток зажечь спичку мистер Фодерингей обнаружил, что она безопасная. Он бросил ее, и тут же ему пришло в голову, что она загорится, если он того пожелает. Он пожелал, и спичка вспыхнула на салфетке, посланной на тумбочке. Он поспешно схватил ее, но она погасла. Сообразив, что возможности далеко не исчерпаны, Фодерингей ощупью нашел свечу и вставил ее в подсвечник.

— А ну-ка, зажгись! — приказал он, и в ту же секунду свеча загорелась, и он увидел на салфетке черную дырочку, над которой курился дымок.

Некоторое время мистер Фодерингей глядел то на дырочку, то на свечу, а потом, подняв глаза, встретился взглядом со своим отражением в зеркале. Несколько секунд он с его помощью безмолвно общался со своей душой.

— Ну, а что вы сейчас скажете насчет чудес? — спросил он наконец вслух, обращаясь к отражению.

Последующие размышления мистера Фодерингея носили хотя и напряженный, но весьма смутный характер. Насколько он понимал, ему достаточно было пожелать, и его желания тут же исполнялись. После того, что случилось, он не был склонен рисковать и решался только на самые безобидные опыты. Он заставил листок бумаги взлететь в воздух и окрасил воду в стакане в розовый, а затем в зеленый свет. Кроме того, он создал улитку, которую тем же чудодейственным способом сразу уничтожил, и сотворил для себя новую зубную щетку. Когда миновала полночь, он пришел к выводу, что его воля должна быть на редкость сильной. Разумеется, он это и раньше подозревал, хотя и не был твердо уверен, что прав. Испуг и растерянность первых

часов теперь сменились гордостью предчувствия возможных выгод.

Неожиданно до его сознания дошло, что куранты на церковной башне бьют час ночи, и, поскольку он не сообразил, что чудесным образом может избавиться от необходимости пойти утром в контору Гомшотта, он стал раздеваться дальше, чтобы поскорее лечь в постель.

Он уже начал стаскивать рубашку, но тут его внезапно осенила блестящая мысль.

— Пусть я окажусь в постели,— произнес он и очутился там.— Раздетый,— тут же поправился он и, почувствовав прикосновение холодных простынь, поспешно добавил:— И в ночной рубашке... Нет, не в этой, а в хорошей, мягкой, из тонкой шерсти... А-ах! — вздохнул он удовлетворенно.— А теперь я хочу уснуть сладким сном...

Проснулся он в обычное время и за завтраком был задумчив: все, что произошло с ним накануне, начало казаться ему необыкновенно ярким сном. Тогда он решил проделать еще несколько безопасных опытов. Так, например, за завтраком он съел три яйца: два — поданные хозяйкой, приличные, но все же чуточку лежалые, и третье — превосходное гусиное яйцо, снесенное, сваренное и поданное на стол его чудодейственной волей.

Мистер Фодерингей поспешил в контору Гомшотта в состоянии сильного волнения, которое он тщательно скрывал. И о скорлупе третьего яйца он вспомнил лишь вечером, когда о ней заговорила хозяйка. Весь день чудесные свойства, которые он открыл в самом себе, не давали ему спокойно работать, однако это не навлекло на него никаких неприятностей, так как вся работа была выполнена за последние десять минут при помощи чуда.

К вечеру удивление сменилось глубокой радостью, хотя ему по-прежнему неприятно было вспоминать обстоятельства его изгнания из «Длинного дракона», тем более что сильно приукрашенный рассказ об этом событии дошел до его сослуживцев и вызвал немало шуток. Мистер Фодерингей пришел к выводу, что хрупкие вещи следует поднимать с большой осторожностью,

зато во всех остальных отношениях его дар обещал ему все больше и больше. В частности, он решил пополнить свое имущество, неприметно сотворив кое-что. Он уже создал пару великолепных бриллиантовых запонок, но тут же поспешно уничтожил их, так как к его конторке подошел Гомшотт-младший. Мистер Фодерингей опасался, что Гомшотт-младший может заинтересоваться, откуда они у него. Он ясно сознавал, что должен пользоваться своим даром осторожно и осмотрительно, но, насколько он мог судить, это было не труднее, чем научиться ездить на велосипеде, а эти трудности он уже преодолел. Быть может, именно эта ассоциация идей даже в большей степени, чем предчувствие холодной встречи в «Длинном драконе», побудила его после ужина отправиться в проулок за газовым заводом и там втихомолку поупражняться в сотворении чудес.

Пожалуй, опыты мистера Фодерингея не отличались оригинальностью, так как, если не считать его необычайного дара, он был самым заурядным человеком. Он вспомнил чудо с жезлом Моисея, но вечер был темный и неподходящий для наблюдения за огромными сотворенными змеями.

Затем он припомнил чудо из оперы «Тангейзер», о котором однажды прочитал в концертном зале на обороте программы. Оно показалось ему очень приятным и безопасным. Он воткнул свою трость — превосходную пальмовую трость — в траву у дорожки и приказал этой сухой деревяшке зацвести. В то же мгновение воздух наполнился ароматом роз, и, чиркнув спичкой, мистер Фодерингей убедился, что это прекрасное чудо было повторено. Его радость была прервана звуком приближающихся шагов. Боясь, что его чудодейственный дар будет обнаружен преждевременно, он поспешно скомандовал зацветшей трости:

— Назад!

На самом деле он хотел сказать: «Стань снова тростью», но второпях оговорился.

Трость стремительно понеслась прочь, и приближавшийся человек издал сердитый возглас, подкрепив его смачным словом.

— В кого это ты швыряешься колючими ветками, дурак? Всю ногу мне исцарапал!

— Простите,— начал мистер Фодерингей, но, сообразив, что объяснения могут только еще больше испортить дело, смутился и начал нервно теребить усы.

К нему приближался Уинч, один из трех полицейских, охраняющих покой Иммеринга.

— Тебе что, нравится палками швыряться? — спросил полицейский.— А! Да это вы! Лампу в «Длинном драконе» вы разбили?

— Нет, не нравится. Совсем нет! — ответил мистер Фодерингей.

— Так зачем же вы швырнули эту палку?

— Угораздило же меня! — воскликнул мистер Фодерингей.

— Вот именно! Она ведь колючая! Для чего вы ее швырнули, а?

Мистер Фодерингей растерянно пытался сообразить, для чего он ее швырнул. Его молчание, по-видимому, раздражало мистера Уинча.

— Вы понимаете, что вы совершили нападение на полицейского, молодой человек? На полицейского!

— Послушайте, мистер Уинч,— с досадой и смущением сказал мистер Фодерингей.— Мне очень жаль... Дело в том, что...

— Ну?

Мистер Фодерингей так и не сумел ничего придумать и решил говорить правду.

— Я творил чудо...— Он старался говорить небрежным тоном, но из его усилий ничего не получилось.

— Творил чу... Что это еще за чушь!.. Творил чудо! Смех, да и только. Да ведь вы тот самый молодчик, который не верит в чудеса... Значит, опять устроили дурацкий фокус! Ну, вот что я вам скажу...

Однако мистеру Фодерингею так и не пришлось услышать, что именно хотел сказать ему мистер Уинч. Он понял, что выдал себя, разгласил свою драгоценную тайну! Злость придала ему энергии. Он яростно крикнул, шагнув к полицейскому:

— С меня довольно! Я вам сейчас покажу дурацкий фокус! Отправляйтесь-ка в преисподнюю! Марш!

И в то же мгновение он остался один.

В этот вечер мистер Фодерингей не творил больше чудес и не пытался даже узнать, что стало с его рас-

цветшей тростью. Испуганный и притихший, он вернулся домой и прошел прямо к себе в спальню.

— Господи! — пробормотал он. — Какой же сильный дар! Просто всемогущий! Я вовсе этого не хотел... Интересно, какая она, преисподняя?

Мистер Фодерингей сел на кровать, чтобы снять сапоги, и тут ему пришла в голову счастливая мысль. Он переправил полицейского в Сан-Франциско, а затем, предоставив события их естественному ходу, уныло лег спать. Ночью ему снился разгневанный Уинч.

На следующий день мистер Фодерингей услышал две интересные новости. Во-первых, кто-то посадил великолепный куст вьющихся роз перед самым домом мистера Гомшотта-старшего на Ладдабороу-роуд; а во-вторых, реку до самой мельницы Роудинга собираются обшарить, чтобы найти тело полицейского Уинча.

Весь день мистер Фодерингей был рассеян и задумчив и чудес больше не творил, если не считать нескольких распоряжений относительно Уинча и того, что он при помощи чуда безупречно выполнял свою работу, несмотря на беспокойные мысли, роившиеся в его голове, словно пчелы. Его необычайная рассеянность и подавленность были замечены окружающими и сделались предметом шуток, а он все время думал об Уинче.

В воскресенье вечером Фодерингей пошел в церковь, и, как нарочно, мистер Мейдиг, который интересовался оккультными явлениями, произнес проповедь о «деяниях противозаконных». Мистер Фодерингей не особенно усердно посещал церковь, но его стойкий скептицизм, о котором я уже упоминал, к этому времени значительно поколебался. Содержание проповеди пролило совершенно новый свет на его недавно открывшиеся способности, и он внезапно решил сразу же после окончания службы обратиться к мистеру Мейдигу за советом. Приняв это решение, он удивился, почему не подумал об этом раньше.

Мистер Мейдиг, тощий, нервный человек с очень длинными пальцами и длинной шеей, был явно польщен, когда молодой человек, чье равнодушие к религии было известно всему городку, попросил разрешения поговорить с ним наедине. Поэтому мистер Мейдиг, едва освободившись, провел мистера Фодерингея

к себе в кабинет (его дом примыкал к церкви), усадил его поудобнее и, став перед весело пылавшим камином — при этом ноги его отбрасывали на противоположную стену тень, напоминавшую колосса Родосского, — попросил изложить свое дело.

Мистер Фодерингей смутился, не зная, как начать, и некоторое время бормотал фразы вроде: «Боюсь, едва ли вы мне поверите, мистер Мейдиг...» Но потом собрался с духом и спросил, какого мнения он придерживается в вопросе о чудесах.

Мистер Мейдиг внушительно произнес «видите ли», потом еще раз повторил это слово, но тут мистер Фодерингей перебил его:

— Думаю, вы не поверите, чтобы самый обыкновенный человек, например, вроде меня, сидящего вот тут, перед вами, умел с помощью какой-то внутренней своей особенности творить усилием воли всякие чудеса.

— Это возможно, — сказал мистер Мейдиг. — Что-нибудь в этом роде, пожалуй, возможно.

— Если вы разрешите мне воспользоваться какой-нибудь вашей вещью, я покажу вам это на деле, — сказал мистер Фодерингей. — Вот, например, банка с табаком там, на столе. Будет ли чудом то, что я собираюсь с ней сделать? Одну минутку, мистер Мейдиг.

Сдвинув брови, он протянул палец к банке с табаком и произнес:

— Стань вазой с фиалками!

Банка с табаком послушно выполнила приказание.

Увидев такое превращение, мистер Мейдиг вздрогнул и застыл на месте, поглядывая то на чудотворца, то на вазу с цветами. Он ничего не сказал. Наконец он все-таки решился нагнуться над столом и понюхать фиалки: они были только что сорваны и необыкновенно красивы. Затем он опять устремил взгляд на мистера Фодерингея.

— Как вы это сделали? — спросил он.

Мистер Фодерингей подергал себя за усы.

— Просто приказал, и вот вам, пожалуйста! Что это: чудо, или черная магия, или что-нибудь еще? Что это со мной, как вы думаете? Об этом-то я и хотел спросить вас.

— Явление это в высшей степени необычное.

— А неделю назад я не больше вашего знал, что способен на это. Все получилось совсем неожиданно. Моя воля, наверное, обладает каким-то странным свойством, а больше я ничего не знаю.

— Вы только вот это способны делать? А больше ничего?

— Да сколько угодно! — воскликнул Фодерингей. — Все, что хотите!

Он задумался и вдруг вспомнил фокус, который когда-то видел.

— Вот, пожалуйста! — Он протянул руку: — Наполнись рыбой... Нет, не это! Стань прозрачной чашей, полной воды, и чтобы в ней плавали золотые рыбки!.. Так-то лучше. Видите, мистер Мейдиг?

— Удивительно! Невероятно! Или вы необыкновенный... Впрочем, нет...

— Я мог бы превратить эту вазу во что угодно, — сказал мистер Фодерингей. — Во что угодно. Смотрите! А ну-ка, стань голубем!

В следующее мгновение сизый голубь уже порхал по комнате и вынуждал мистера Мейдига наклоняться всякий раз, когда пролетал мимо него.

— Замри! — приказал мистер Фодерингей, и голубь неподвижно повис в воздухе. — Я могу превратить его опять в вазу с цветами, — сказал он и, спустив голубя снова на стол, сотворил и это чудо. — Вам, наверное, скоро захочется выкурить трубку. — И с этими словами он восстановил банку с табаком в ее первоначальном виде.

Мистер Мейдиг наблюдал за этими последними превращениями в молчании, которое было красноречивее всяких слов. Теперь он поглядел круглыми глазами на Фодерингея, осторожно поднял банку с табаком, осмотрел ее и опять поставил на стол.

— М-мда!.. — только и мог он сказать.

— Ну, теперь мне будет легче объяснить, зачем я пришел сюда... — И Фодерингей принялся сбивчиво и многословно рассказывать о странных событиях последних дней, начав с происшествия в «Длинном драконе», но то и дело перескакивал на судьбу Уинча, чем сбивал слушателя с толку.

По мере того как он рассказывал, гордость, вызван-

ная в нем изумлением мистера Мейдига, исчезла, и он опять стал самым обыкновенным мистером Фодерингеем, каким его знали все.

Мистер Мейдиг внимательно слушал, сжимая в руках банку с табаком, и выражение его лица постепенно менялось. Когда мистер Фодерингей дошел до чуда с третьим яйцом, священник, подняв дрожащую руку, перебил его.

— Это возможно! — воскликнул он. — Вполне вероятно. Конечно, это поразительно, зато позволяет объяснить некоторые совершенно загадочные явления. Способность творить чудеса есть дар, особое свойство, вроде гениальности или ясновидения. До сих пор оно встречалось очень редко и только у исключительных людей. Но в данном случае... Меня всегда приводили в недоумение чудеса Магомета, йогов и госпожи Блаватской... но теперь все стало ясно. Да, это особый дар! И как превосходно это доказывает правоту рассуждений нашего великого мыслителя, — мистер Мейдиг понизил голос, — его светлости герцога Аргайльского. Здесь мы проникаем в тайны более глубокие, чем обыкновенные законы природы. Да... Так продолжайте, продолжайте же!

Мистер Фодерингей стал рассказывать о неприятном инциденте с Уинчем, а священник, уже забывший недавнее благоговейное изумление и испуг, то и дело прерывал его удивленными восклицаниями и жестами.

— Вот как раз это меня и беспокоит больше всего, — продолжал мистер Фодерингей. — Именно по этому поводу я хочу получить у вас совет. Уинч сейчас в Сан-Франциско. Где это, я не знаю, но он, конечно, там. Но в результате мы оба — и он и я — оказались в весьма затруднительном положении, как вы сейчас сами поймете. Ему, конечно, трудно понять, что с ним стряслось, но, надо думать, он и напуган, и взбешен до крайности, и рвется поскорее рассчитаться со мной. Я уверен, что он все время пытается выехать из Сан-Франциско и вернуться сюда. А я каждые два-три часа отсылаю его обратно, едва вспомню об этом. Он, конечно, не понимает, что с ним происходит, и это, разумеется, его раздражает. И если он каждый раз покупает билет, то изведет уйму денег. Я сделал для него все,

что мог, но ему ведь трудно поставить себя на мое место. Еще я подумал, что если преисподняя такова, какой мы ее себе представляем, то его одежда успела обгореть прежде, чем я переправил его в другое место. В таком случае, в Сан-Франциско его могли бы посадить в тюрьму. Конечно, едва я об этом подумал, я тут же распорядился, чтобы на нем немедленно появился новый костюм. Но вы понимаете, как я запутался?

Мистер Мейдиг нахмурился:

— Да, я понимаю. Положение весьма затруднительное. Какой выход могли бы вы найти...— И он произнес несколько туманных и ничего не решающих фраз, а затем продолжал: — Но забудем на время об Уинче и обсудим вопрос более широко. Я не считаю, что в этом есть что-либо преступное, мистер Фодерингей, если только вы не скрыли каких-нибудь существенных фактов. Нет, это чудеса, чистейшие чудеса, я бы сказал — чудеса высшего класса.

Он начал расхаживать по ковру, жестикулируя. А мистер Фодерингей с озабоченным видом сидел у стола, подперев щеку рукой.

— Не знаю, что мне делать с Уинчем,— проговорил он.

— Дар творить чудеса — по-видимому, весьма могучий дар,— обязательно поможет вам уладить дела с Уинчем,— продолжал мистер Мейдиг.— Дорогой сэр, вы же совершенно исключительный человек, в ваших руках поразительные возможности. Взять хотя бы то, что вы сейчас показали. Да и в других отношениях... Вы можете сделать многое такое, что...

— Да, я уже придумал кое-что,— сказал мистер Фодерингей,— но не все получается как надо. Вы ведь помните, какой сперва получилась эта рыба: и рыба вышла не та и сосуд не тот. Вот я и решил посоветоваться с кем-нибудь...

— Весьма похвальное решение! — перебил мистер Мейдиг.— Весьма похвальное. Весьма! — Он на миг умолк и посмотрел на мистера Фодерингея.— В сущности, ваш дар безграничен. Давайте испытаем вашу силу. Действительно ли она... Действительно ли она такова, какой кажется.

И вот, хотя это может показаться невероятным, ве-

чером в воскресенье 10 ноября 1896 года в кабинете домика позади пресвитерианской церкви мистер Фодерингей, подстрекаемый и вдохновляемый мистером Мейдигом, начал творить чудеса. Мы просим читателя обратить особое внимание на число. Он, конечно, может возразить, что некоторые детали этой истории неправдоподобны и что, если бы нечто похожее действительно случилось, об этом уже год назад было бы написано во всех газетах. Особенно невероятным покажется читателю все то, что будет рассказано дальше, ибо если допустить, что это произошло на самом деле, то читателю и читательнице придется признаться, что уже больше года назад они при совершенно небывалых обстоятельствах погибли насильственной смертью. Но ведь чудо и есть нечто невероятное, иначе оно не было бы чудом и читатель на самом деле погиб бы насильственной смертью больше года назад. Из дальнейшего изложения событий это станет вполне ясным и очевидным для каждого здравомыслящего читателя. Но сейчас еще рано переходить к концу рассказа, так как мы едва перевалили за его середину. К тому же мистер Фодерингей творил вначале лишь робкие и мелкие чудеса: немудреные фокусы с чашками и разными безделушками, столь же жиденькие, как и чудеса теософов. Тем не менее партнер мистера Фодерингея наблюдал за ним с благоговейным страхом. Мистер Фодерингей предпочел бы тут же уладить дела с Уинчем, но мистер Мейдиг каждый раз отвлекал его. Однако, когда они сотворили с десяток пустяковых домашних чудес, их уверенность в собственных силах возросла, воображение разыгралось, и они захотели дерзнуть на большее.

Первое более значительное чудо было вызвано все растущим чувством голода и нерадивостью миссис Минчин, экономки мистера Мейдига. Ужин, к которому священник пригласил Фодерингея, был, несомненно, приготовлен небрежно и показался двум усердным чудотворцам весьма неаппетитным.

Они успели уже сесть за стол и мистер Мейдиг пустился рассуждать скорее печально, нежели сердито о недостатках своей экономки, когда мистер Фодерингей сообразил, что ему представляется новая возможность сотворить чудо.

— Не сочтете ли вы, мистер Мейдиг, дерзостью с моей стороны, если я позволю себе...

— Дорогой мистер Фодерингей, конечно, нет! Мне просто в голову не пришло...

Мистер Фодерингей сделал широкий жест.

— Что же мы закажем? — спросил он тоном, побуждавшим не стесняться и не ограничивать себя ни в чем.

Соответственно пожеланиям мистера Мейдига меню ужина было коренным образом пересмотрено.

— Что касается меня, — сказал мистер Фодерингей, разглядывая блюда, выбранные мистером Мейдигом, — то я предпочитаю кружку портера и гренки с сыром. Это я и закажу. Бургундское мне не совсем по вкусу.

И в тот же миг по его команде на столе появилась кружка портера и гренки с сыром.

Они просидели за ужином довольно долго, болтая как равные (мистер Фодерингей отметил это с приятным удивлением) о чудесах, которые им еще предстояло сотворить.

— Между прочим, мистер Мейдиг, я, пожалуй, мог бы помочь вам... в вашем доме.

— Я не совсем понял, — проговорил мистер Мейдиг, наливая в рюмку сотворенное чудом старое бургундское.

Мистер Фодерингей откуда-то из пространства взял вторую порцию гренок с сыром и принялся за нее.

— Полагаю, — начал он, — что мог бы (чавк-чавк!) сотворить (чавк-чавк!) чудо с миссис Минчин (чавк-чавк!), исправить недостатки.

Мистер Мейдиг поставил стакан на стол. Лицо его выразило сомнение.

— Она... она очень не любит, когда вмешиваются в ее дела. Кроме того, сейчас уже двенадцатый час, и она, вероятно, спит. И, вообще говоря, стоит ли...

Мистер Фодерингей обдумал эти возражения.

— А почему бы не воспользоваться тем, что она спит?

Сперва мистер Мейдиг не соглашался, но в конце концов уступил. Тогда мистер Фодерингей отдал распоряжение, и сотрапезники вновь занялись ужином,

хотя уже и без прежнего безмятежного спокойствия. Мистер Мейдиг начал перечислять возможные благодетельные перемены в характере своей экономки с оптимизмом, который даже поужинавшему мистеру Фодерингею показался чуть-чуть вымученным и лихорадочным, и в этот момент сверху донесся какой-то неясный шум. Они вопросительно переглянулись, и мистер Мейдиг поспешно вышел из комнаты. Мистер Фодерингей услышал, как мистер Мейдиг окликнул свою экономку и затем осторожными шагами поднялся к ней. Через несколько минут священник легкой походкой вернулся в комнату. Лицо его сияло.

— Удивительно,— воскликнул он,— и трогательно! В высшей степени трогательно!

Он начал рассказывать по коврику перед камином.

— Раскаяние, самое трогательное раскаяние... Сквозь щелку в двери... Бедняжка! Поистине удивительная перемена! Она уже встала! Вероятно, она встала сразу же. Специально проснулась, чтобы разбить бутылку коньяку, припрятанную в сундучке. И призналась в этом! Но ведь такой факт дает нам... Он открывает перед нами небывалые возможности. Если уж мы могли совершить такую чудесную перемену даже в ней...

— Возможности у нас, по-видимому, безграничны,— заметил мистер Фодерингей.— А что касается мистера Уинча...

— Несомненно, безграничны,— сказал мистер Мейдиг, рассказывая по ковру, и, отмахнувшись от проблемы Уинча, принялся развертывать перед Фодерингеем целый ряд тут же приходивших ему на ум удивительных планов.

Каковы бы ни были эти планы, непосредственного отношения к сути нашего рассказа они не имеют. Достаточно сказать, что все они были проникнуты бесконечной благожелательностью, такого рода благожелательностью, которую принято называть послеобеденной. Достаточно сказать также, что проблема Уинча так и осталась нерешенной. Нет необходимости уточнять, далеко ли зашло выполнение этих планов. Так или иначе, произошли удивительные перемены. Когда настала полночь, мистер Мейдиг и мистер Фодерингей

метались при свете луны по холодной рыночной площади в настоящем экстазе чудотворства: мистер Мейдиг непрестанно жестикулировал, полы его сюртука развевались, а маленький мистер Фодерингей гордо шествовал рядом, уже не пугаясь своего могущества.

Они исправили всех пьяниц своего избирательного округа, превратили в воду все пиво и все горячительные напитки (в этом вопросе мистер Мейдиг настоял на своем, несмотря на возражения мистера Фодерингея), далее они значительно улучшили местное железнодорожное сообщение, осушили Флиндерское болото, улучшили почву на склонах холма Одинокое дерева и вывели у священника англиканской церкви бородавку. Затем они решили посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать с подгнившими сваями Южного моста.

— Завтра город станет неузнаваем! — захлебываясь от восторга, проговорил мистер Мейдиг. — Как все будут удивлены и восхищены!

Вдруг часы на колокольне пробили три.

— Вот те на! — воскликнул мистер Фодерингей. — Уже три часа. Мне пора домой. В восемь мне нужно быть в конторе, а кроме того, миссис Уимс...

— Но мы ведь только начинаем, — возразил мистер Мейдиг, полный сладостного сознания неограниченной силы. — Подумайте, сколько добра мы сделаем. Когда все проснутся...

— Но... — начал мистер Фодерингей.

Мистер Мейдиг внезапно схватил его за руку. Глаза священника возбужденно сверкали.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — незачем торопиться. Взгляните! — Он указал на плывшую над самой головой луну. — Иисус Навин!

— Иисус Навин? — переспросил мистер Фодерингей.

— Да! — повторил мистер Мейдиг. — Почему бы и нет? Остановите ее!

Мистер Фодерингей посмотрел на луну.

— Это, пожалуй, уже слишком! — проговорил он, помолчав.

— Но отчего? — спросил священник. — Впрочем, она ведь и не остановится, вы просто остановите вра-

щение Земли, и время остановится. Мы же никому не причиним вреда.

— Гм!—сказал мистер Фодерингей.—Ну что ж...— Он вздохнул.— Я попробую. Вот...

Он застегнул пиджак на все пуговицы и обратился к земному шару настолько твердо и уверенно, насколько мог:

— А ну, перестань вращаться, слышишь?

И в то же мгновение он кубарем полетел в пространство со скоростью нескольких десятков миль в минуту. Несмотря на то что он ежесекундно описывал в воздухе круги, он все же сохранил способность думать. Ведь мысль — удивительная вещь: то она течет медленно, как смола, то вспыхивает мгновенно, как молния.

Поразмыслив секунду, мистер Фодерингей приказал:

— Пусть я спущусь на Землю целый и невредимый! Что бы ни случилось, пусть я окажусь на Земле целым и невредимым!

Он произнес это как раз вовремя, потому что его одежда, нагревшись от быстрого полета, уже начала тлеть. Мистер Фодерингей шлепнулся на землю, но, несмотря на силу удара, уцелел, потому что опустился на кучу земли, которая показалась ему свежевырытой. Огромная глыба металла и камня, удивительно похожая на башню с часами с рыночной площади, рухнула на землю около мистера Фодерингея, подскочила и, перелетев через него, рассыпалась, в разные стороны полетели обломки камня, кирпича и штукатурки, словно разорвалась бомба. Мчавшаяся по воздуху корова с размаху ударилась о кусок стены и разбилась, как яйцо. Затем раздался оглушительный грохот, по сравнению с которым все, что ему приходилось слышать за свою жизнь, показалось лишь шелестом оседающей пыли, и последовал еще ряд более слабых ударов. Дул такой страшный ветер, что Фодерингей с трудом мог поднять голову, чтобы осмотреться, но он был слишком ошеломлен и измучен, чтобы сообразить, где он и что произошло. И начал он с того, что ощущал голову и убедился в целостности своих развевающихся по ветру волос.

— Господи! — бормотал мистер Фодерингей, захле-

бываясь ветром. — Еще секунда, и мне была бы крышка! Что-то получилось не так. Буря и гром! А только минуту назад была такая тихая ночь. Это Мейдиг подбил меня на такую штуку. Ну и ветер! Если я и дальше буду делать подобные промашки, то это плохо кончится! Где Мейдиг? До чего же все перемешалось!

Он огляделся, насколько позволяли ему хлопавшие на ветру полы его пиджака. Все вокруг выглядело очень странно.

— Небо, во всяком случае, на месте, — проговорил мистер Фодерингей. — А вот про все остальное этого не скажешь. Да и небо выглядит так, будто надвигается ураган. Луна по-прежнему висит над головой. Совсем как несколько минут назад. Светло, как в полдень. Но все остальное... Где город? Где... где все? И почему только начал дуть этот ветер? Я же не заказывал никакого ветра.

После нескольких неудачных попыток подняться на ноги мистер Фодерингей остался стоять на четвереньках, цепляясь руками и ногами за землю. Он смотрел на залитый лунным светом мир с подветренной стороны, а вывернутый наизнанку пиджак хлопал над его головой.

— Да, в мире что-то нарушилось, — пробормотал Фодерингей, — а что именно, один бог ведает.

Вокруг, в белесом сиянии луны, сквозь облака пыли, поднятой завывающим ветром, можно было различить лишь огромные кучи перемешанной с обломками земли, которые все увеличивались; ни деревьев, ни домов, никаких привычных очертаний — ничего, кроме хаоса, теряющегося во тьме среди вихря, грома и молний приближающегося урагана. В блеске молний мистер Фодерингей различил возле себя бесформенную грудку щепок, которые недавно были вязом, теперь расколотым от корней до кроны. А поодаль из развалин выступали согнутые и перекрученные железные балки. Он понял, что это был виадук.

Дело в том, что мистер Фодерингей, остановив вращение огромной планеты, забыл позаботиться о различных мелких предметах на ее поверхности, которые способны двигаться, однако Земля вертится так быстро, что ее поверхность у экватора пробегает более ты-

сячи миль в час, а в наших широтах — более пятисот миль. Поэтому и город, и мистер Мейдиг, и мистер Фодерингей — всё без исключения полетело вперед со скоростью около девяти миль в секунду, то есть гораздо быстрее, чем если бы ими выстрелили из пушки, и каждый человек, каждое живое существо, каждый дом, каждое дерево, то есть абсолютно все, что находится в Земле, было сорвано с мест, разбито и полностью уничтожено. Только и всего.

Мистер Фодерингей, разумеется, не понял, в чем было дело. Но он сообразил, что потерпел неудачу, и проникся отвращением ко всяким чудесам. Теперь он был в полной тьме, потому что тучи сгрудились и закрыли от него луну. В воздухе метались и дергались, как в пытке, полосы града. Оглушительный рев ветра и воды заполнил Вселенную. Прикрыв глаза ладонью, мистер Фодерингей вгляделся в ту сторону, откуда дул ветер, и при свете молний увидел надвигающийся на него громадный водяной вал.

— Мейдиг! — Слабый голос Фодерингея затерялся в грохоте бушующей стихии. — Эй, Мейдиг!.. Стой! — крикнул он, обращаясь к приближавшейся воде. — Стой! Ради бога, остановись!.. Минуточку, — попросил он молнии и гром. — Погодите минутку! Дайте мне собраться с мыслями... Что мне теперь делать? Что же все-таки мне делать? Господи! Хоть бы Мейдиг был здесь... Знаю! — вдруг закричал мистер Фодерингей. — Только, ради бога, на этот раз обойдемся без путаницы.

Все еще стоя на четвереньках, лицом к ветру, он напряженно думал, как исключить возможность хотя бы малейшей ошибки.

— Вот, — сказал он наконец, — то, что я прикажу, пусть теперь исполнится только после того, как я крикну: «А ну!..» Господи! Почему я раньше об этом не подумал...

Он пробовал перекричать рев бури и кричал все громче и громче в тщетном желании услышать собственный голос.

— Так вот!.. Начинаю! Не забудь о том, что я только что сказал! Во-первых, когда исполнится все, что я скажу, пусть я потеряю свой дар творить чудеса, пусть моя воля станет такой же, как у всех людей, и пусть

будет покончено с этими опасными чудесами. Они мне не нравятся. Лучше бы я их не творил. Ни одного, даже самого маленького. Это во-первых. А во-вторых, пусть я вернусь к тому времени, когда еще не случилось первого чуда, и пусть все станет таким, каким было до того, как перевернулась та проклятая лампа. Это трудная задача, зато последняя. Понятно? Больше никаких чудес, все должно стать таким, каким было, а я хочу оказаться в «Длинном драконе» как раз перед тем, как выпил свои полпинты. Вот и все! Да.— Он впился пальцами в землю, зажмурился и крикнул: — А ну!

Стало совсем тихо. Мистер Фодерингей почувствовал, что стоит на ногах.

— Это по-вашему так,— сказал кто-то.

Фодерингей открыл глаза. Он был в баре «Длинного дракона» и спорил с Тодди Бимишем о чудесах. В памяти его мелькнуло воспоминание о чем-то очень важном, но сразу же исчезло.

Видите ли, если не считать того, что мистер Фодерингей потерял способность творить чудеса, все остальное стало таким, каким было, а следовательно, и его ум и память тоже стали такими, какими были до того, как началась эта история. Так что все рассказанное здесь остается ему неизвестным и по сей день. И, разумеется, он по-прежнему не верит в чудеса.

— Я утверждаю, что настоящих чудес не бывает, что бы вам там ни говорили, и готов вам это неопровержимо доказать.

— Это по-вашему так,— возразил Тодди Бимиш и добавил: — Докажите, если можете!

— Послушайте-ка, мистер Бимиш,— сказал мистер Фодерингей,— давайте разберемся, что такое чудо. Это нечто несовместимое с законами природы и произведенное усилием воли...

«НОВЕЙШИЙ УСКОРИТЕЛЬ»

Если уж кому случилось искать булавку, а найти золотой, так это моему доброму приятелю профессору Гибберну. Мне и прежде приходилось слышать, что многие исследователи попадали куда выше, чем целились, но такого, как с профессором Гибберном, еще ни с кем не бывало. Можно смело, без всяких преувеличений, сказать, что на этот раз его открытие произведет полный переворот в нашей жизни. А между тем Гибберн хотел создать всего лишь какое-нибудь тони-зирующее средство, которое помогло бы апатичным людям поспевать за нашим беспокойным веком. Я сам уже не раз принимал этот препарат и теперь просто

опишу его действие на мой организм — так будет лучше всего. Из дальнейшего вы увидите, какой богатой находкой окажется он для всех любителей новых ощущений.

Мы с профессором Гибберном, как известно многим, соседи по Фолкстону. Если память меня не подводит, несколько его портретов, и в молодости и в зрелом возрасте, были помещены в журнале «Стрэнд», кажется, в одном из последних номеров за 1899 год. Установить это точно я не могу, потому что кто-то взял у меня этот номер и до сих пор не вернул. Но читатель, вероятно, помнит высокий лоб и на редкость густые черные брови Гибберна, которые придают его лицу нечто мефистофельское.

Профессор Гибберн живет на Аппер-Сэндгейт-роуд, в одном из тех прелестных особнячков, которые так оживляют западный конец этой улицы. Крыша у его домика островерхая, во фламандском стиле, портик мавританский, а маленькая рабочая комнатка профессора Гибберна смотрит на улицу большим фонарем в форме готического стрельчатого окна. В этой комнатке мы проводим вечерок за трубкой и беседой, когда я прихожу к нему. Гибберн — большой шутник, но от него услышишь не только шутку. Он часто рассказывает мне о своих занятиях, так как общение и беседы с людьми служат ему стимулом для работы, и поэтому у меня была возможность шаг за шагом проследить создание «Новейшего ускорителя». Разумеется, большую часть опытов Гибберн производил не в Фолкстоне, а на Гауэр-стрит, в новой, прекрасно оборудованной больничной лаборатории, где он первый и обосновался.

Как известно, если не всем, то уж образованным-то людям, во всяком случае, Гибберн прославился среди физиологов своими работами по изучению действия медикаментов на нервную систему. Там, где дело касается различных наркотических снотворных и анестезирующих средств, ему, говорят, нет равных. Его авторитет как химика тоже велик, и в непроходимых джунглях загадок, окружающих клетки нервных узлов и осевые волокна, есть расчищенные им маленькие прослеты и прогалины, недостижимые для нас до тех пор,

пока он не сочтет нужным опубликовать результаты своих изысканий в этой области.

В последние годы, еще до открытия «Новейшего ускорителя», Гибберн много и весьма плодотворно работал над тонизирующими медикаментами. Благодаря ему медицина обогатилась по крайней мере тремя абсолютно надежными препаратами, значение которых во врачебной практике огромно. Препарат под названием «Сироп «Б» д-ра Гибберна» сохранил больше человеческих жизней, чем любая спасательная лодка на всем нашем побережье.

— Но такие пустяки меня совершенно не удовлетворяют,— сказал он мне однажды около года назад.— Все эти препараты либо подхлестывают нервные центры, не влияя на самые нервы, либо попросту увеличивают наши силы путем понижения нервной проводимости. Они дают лишь местный и очень неравномерный эффект. Одни усиливают деятельность сердца и внутренних органов, но притупляют мозг; другие действуют на мозг, как шампанское, никак не влияя на солнечное сплетение. А я добиваюсь — и добьюсь, вот увидите! — такого средства, которое встряхнет вас всего с головы до пят и увеличит ваши силы в два... даже в три раза против нормы. Да! Вот чего я ищу!

— Это подействует на организм изнуряюще,— заметил я.

— Безусловно! Но есть вы будете тоже в два-три раза больше. Подумайте только, о чем я говорю! Представьте себе пузырек... ну, скажем, такой,— он взял со стола зеленый флакон и стал постукивать им по столу в такт своим словам,— и в этом бесценном пузырьке заключена возможность вдвое скорее думать, вдвое скорее двигаться, вдвое скорее работать.

— Неужели это достижимо?

— Надеюсь, что да. А если нет, значит, у меня целый год пропал даром. Различные препараты гипофосфатов показывают, что нечто подобное... Ладно! Пусть подействует только в полтора раза — и то хорошо!

— И то хорошо! — согласился я.

— Возьмем для примера какого-нибудь государст-

венного деятеля. У него бездна обязанностей, срочные дела, и со всем этим никак не справишься.

— Пусть напоит вашим снадобьем своего секретаря.

— И выиграет времени вдвое. Или возьмите себя. Положим, вам надо закончить книгу...

— Обычно я проклиная тот день, когда начал ее.

— Или вы врач. Заняты по горло, а вам надо сесть и обдумать диагноз. Или адвокат. Или готовитесь к экзаменам...

— Да с таких по гинее за каждую каплю вашего препарата! — воскликнул я. — Если не дороже!

— Или, скажем, дуэль, — продолжал Гибберн. — Когда все зависит от того, кто первый спустит курок.

— Или фехтование, — подхватил я.

— Если мне удастся сделать этот препарат универсальным, — сказал Гибберн, — вреда от него не будет никакого, разве что он на самую малость приблизит вас к старости. Но зато жизнь ваша вместит вдвое больше по сравнению с другими, так как вы...

— А все же на дуэли будет, пожалуй, нечестно... — в раздумье начал я.

— Это уж как решат секунданты, — заявил Гибберн.

Но я снова вернулся к исходной точке нашей беседы:

— И вы уверены, что такой препарат можно изобрести?

— Совершенно уверен, — сказал Гибберн, выглянув в окно, так как в эту минуту мимо дома что-то пронеслось с грохотом. — Вот изобрели же автомобиль! Собственно говоря... — Он умолк и, многозначительно улынувшись, постучал по столу зеленым пузырьком. — Собственно говоря, я такой состав знаю... Кое-что уже сделано...

По той нервной усмешке, с какой Гибберн произнес эти слова, я понял всю важность его признания. О своих опытах он заговаривал только тогда, когда они близились к концу.

— И, может быть... может быть, мой препарат будет ускорять даже больше чем вдвое.

— Это грандиозно, — сказал я не очень уверенно.

— Да, грандиозно.

Но мне кажется, тогда Гибберн и сам еще не понимал всей грандиозности своего открытия.

Помню, мы несколько раз возвращались к этому разговору. И с каждым разом Гибберн говорил о «Новейшем ускорителе» — так он назвал свой препарат — все с большей уверенностью. Иногда он начинал беспокоиться, не вызовет ли его «Ускоритель» каких-либо непредвиденных физиологических последствий; потом вдруг с нескрываемым корыстолюбием принимался обсуждать со мной коммерческую сторону дела.

— Это открытие! — говорил Гибберн. — Великое открытие! Я дам миру нечто замечательное и вправе рассчитывать на приличную мзду. Высоты науки своим чередом, но, по-моему, мне должны предоставить монополию на мой препарат хотя бы лет на десять. В конце концов, почему все лучшее от жизни должны получать какие-то колбасники!

Мой интерес к новому изобретению Гибберна не ослабевал. Я всегда отличался склонностью к метафизике. Меня увлекали парадоксы времени и пространства, и теперь я начинал верить, что Гибберн готовит нам не больше не меньше, как абсолютное ускорение нашей жизни. Представим себе человека, регулярно пользующегося этим препаратом: дни его будут насыщены до предела, но к одиннадцати годам он достигнет зрелости, в двадцать пять станет пожилым, а в тридцать уже ступит на путь к дряхлости. Следовательно, думал я, Гибберн сделает со своими пациентами то же самое, что делает природа с евреями и обитателями стран Востока: ведь в тринадцать-четырнадцать лет они совсем взрослые люди, к пятидесяти старики, а мыслят и действуют быстрее нашего.

Магия фармакопеи неизменно повергала меня в изумление. Лекарства могут сделать человека безумным, могут и успокоить; могут наделить его невероятной энергией и силой или же превратить в безвольную тряпку; могут разжечь в нем одни страсти и погасить другие! А теперь к арсеналу пузырьков, которые всегда в распоряжении врачей, прибавится еще одно чудо! Но Гибберна такие мысли мало занимали: он был весь поглощен технологией своего изобретения.

И вот седьмого или восьмого августа — время бежало быстро — профессор Гибберн сказал мне, что он поставил опыт дистилляции, который должен решить, что его ждет, победа или поражение, а десятого все было закончено, и «Новейший ускоритель» стал реальностью. Я шел в Фолкстон по Сэндгейт-хилл, кажется, в парикмахерскую, и встретил его — он спешил ко мне поделиться своим успехом. Глаза у него блестели больше обычного, лицо раскраснелось, и я сразу же заметил несвойственную ему раньше стремительность походки.

— Готово! — крикнул он и, схватив меня за руку, заговорил быстро-быстро: — Все готово! Пойдемте ко мне, посмотрите сами.

— Неужели правда?

— Правда! — воскликнул Гибберн. — Уму непостижимо! Пойдемте, пойдемте!

— И ускоряет... вдвое?

— Больше, гораздо больше! Мне даже страшно. Да вы посмотрите. Попробуйте его сами! Испытайте на себе! В жизни ничего подобного не было! — Он схватил меня за локоть и, не переставая взволнованно говорить, потащил за собой с такой силой, что мне пришлось пуститься рысью.

Навстречу нам ехал омнибус, и все сидевшие в нем, точно по команде, уставились на нас, как это свойственно пассажирам таких экипажей.

Стоял один из тех ясных, жарких дней, которыми так богато лето в Фолкстоне, и все краски казались необычайно яркими, все контуры — необычайно четкими. Дул, разумеется, и ветерок, но разве легкий ветерок мог освежить меня сейчас? Наконец я взмолился о пощаде.

— Неужели слишком быстро? — удивился Гибберн и перешел с рыси на маршевый шаг.

— Вы что, уже приняли свое лекарство? — еле выговорил я.

— Нет, — ответил он. — Только выпил воды из той мензурки, самую капельку... Но мензурка была тщательно вымыта. Вчера вечером я действительно принял небольшую дозу. Но это — дело прошлое.

— И ускоряет вдвое? — спросил я, весь в поту подходя к его дому.

— В тысячу раз, во много тысяч раз! — выкрикнул Гибберн, театральным жестом распахивая настежь резную — в стиле Тюдоров — калитку своего садика.

— Фью! — свистнул я и последовал за ним.

— Я даже не могу установить точно, во сколько раз, — продолжал он, вынимая из кармана ключ.

— И вы...

— Это проливает новый свет на физиологию нервной системы, это переворачивает вверх ногами теорию зрительных ощущений... Одному богу известно, во сколько раз. Мы займемся этим позднее... А сейчас надо испробовать на себе.

— На себе? — переспросил я, идя за ним по коридору.

— Непременно! — сказал Гибберн уже в кабинете, повернувшись ко мне лицом. — Видите вот этот маленький зеленый пузырек? Впрочем, может быть, вы боитесь?

Я человек по природе осторожный и рисковать люблю больше в теории, чем на деле. Мне действительно было страшно, но гордость в карман не сунешь.

— Значит, вы пробовали? — Я старался оттянуть время.

— Пробовал, — ответил Гибберн. — И, кажется, несколько не пострадал от этого. Правда? У меня даже цвет лица не изменился, а самочувствие...

Я сел в кресло.

— Дайте мне ваше зелье, — сказал я. — На худой конец, не надо будет идти стричься, а это, по-моему, самая тяжкая обязанность цивилизованного человека. Как его принимают?

— С водой, — ответил Гибберн, размашистым жестом ставя рядом со мной графин.

Он остановился у письменного стола и внимательно посмотрел на меня. В его тоне вдруг появились профессиональные нотки. — Это препарат не совсем обычный, — сказал он.

Я махнул рукой.

— Прежде всего должен вас предупредить: как

только сделаете глоток, зажмурьтесь и минуты через две осторожно откройте глаза. Зрение у вас не исчезнет. Оно зависит от длины воздушных волн, а отнюдь не от их количества. Но если глаза у вас будут открыты, сетчатка получит шок, сопровождаемый сильным головокружением. Так что не забудьте зажмуриться.

— Есть! — сказал я. — Зажмурюсь.

— Далее: сохраняйте полную неподвижность. Не ерзайте в кресле, не то здорово ушибетесь. Помните, что ваш организм будет работать во много тысяч раз быстрее. Сердце, легкие, мускулы, мозг — решительно все. Вы и не заметите резкости своих жестов. Ощущения ваши останутся прежними, но все вокруг вас как бы замедлит ход. В этом-то и заключается вся странность.

— Боже мой! — воскликнул я. — Значит...

— Сейчас увидите, — сказал Гибберн, беря мензурку, и обвел взглядом письменный стол. — Стаканы, вода. Все готово. На первый раз нальем поменьше.

Драгоценная жидкость булькнула, переливаясь из пузырька в мензурку.

— Не забудьте, что я вам говорил, — сказал Гибберн и опрокинул мензурку в стакан с ловкостью итальянского лакея, наливающего виски. — Зажмурьте глаза как можно крепче и соблюдайте полную неподвижность в течение двух минут. Я скажу, когда можно открыть.

Он добавил в оба стакана немного воды.

— Да, вот еще что! Не вздумайте поставить стакан на стол. Держите его в руке, а локтем обопритесь о колено. Так... Правильно. А теперь...

Он поднял свой стакан.

— За «Новейший ускоритель»! — сказал я.

— За «Новейший ускоритель»! — подхватил Гибберн, и мы чокнулись, выпили, и я тотчас же закрыл глаза.

Вам знакома та пустота небытия, в которую погружаешься под наркозом? Сколько это продолжалось, я не знаю. Потом до меня донесся голос Гибберна. Я шевельнулся в кресле и открыл глаза. Гибберн стоял все там же и по-прежнему держал стакан в руке. Разни-

ца заключалась только в том, что теперь стакан был пуст.

— Ну? — сказал я.

— Ничего особенного не чувствуете?

— Ничего не чувствую. Пожалуй, легкое возбуждение. А больше ничего.

— Звуки?

— Тишина, — ответил я. — Да! Честное слово, полнейшая тишина! Только где-то кап-кап... точно дождик. Что это такое?

— Звуки, распавшиеся на свои элементы, — пояснил Гибберн.

Впрочем, я не ручаюсь за точность его слов.

Он повернулся к окну.

— Вам случилось раньше видеть, чтобы занавески висели вот так?

Я проследил за его взглядом и увидел, что один угол у занавески загнулся кверху на ветру и так и застыл.

— Нет, не случилось, — ответил я. — Что за странность!

— А это? — сказал он и разжал пальцы, державшие стакан.

Я, конечно, вздрогнул, ожидая, что стакан разобьется вдребезги. Но он не только не разбился, а повис в воздухе в полной неподвижности.

— Грубо говоря, — сказал Гибберн, — в наших широтах падающий предмет пролетает в первую секунду футов шестнадцать. То же самое происходит сейчас и с моим стаканом — из расчета шестнадцать футов в секунду. Но он не успел пролететь и сотой доли секунды. Теперь вы имеете некоторое представление о силе моего «Ускорителя». — И Гибберн стал водить рукой вокруг медленно опускающегося стакана, потом взял его за донышко, тихонько поставил на стол и засмеялся.

— Ну-с?

— Недурно, — сказал я, осторожно поднимаясь с кресла.

Самочувствие у меня было отличное, мысли отчетливые, во всем теле какая-то легкость. Словом, все во мне заработало быстрее. Сердце, например, делало ты-

сячу ударов в секунду, хотя это не вызывало у меня никаких неприятных ощущений. Я выглянул в окно. Неподвижный велосипедист с застывшим облачком пыли у заднего колеса, опустив голову, с бешеной скоростью догонял мчавшийся омнибус, который тоже не двигался с места. Я раскрыл рот от изумления при виде этого невероятного зрелища.

— Гибберн! — вырвалось у меня. — Сколько времени действует ваше зелье?

— Одному богу известно! — ответил он. — Последний раз я, доложу вам, сильно струхнул и сразу лег спать после приема. На сколько времени его хватит, не знаю; наверно, на несколько минут, а минуты кажутся часами. Но вообще-то сила действия начинает спадать довольно резко.

С гордостью отмечаю, что я не испытывал ни малейшего страха... может быть, потому, что был не один.

— А что, если нам пойти погулять? — предложил я.

— И в самом деле!

— Но нас увидят.

— Что вы! Что вы! Мы понесемся с такой быстротой, какая ни одному фокуснику не снилась. Идем! Как вы предпочитаете: в окно или в дверь?

И мы выскочили в окно.

Из всех чудес, которые я испытал на себе, о которых фантазировал или читал в книгах, эта небольшая прогулочка по Фолкстону в обществе профессора Гибберна после приема «Новейшего ускорителя» была самым странным, самым невероятным приключением за всю мою жизнь.

Мы выбежали из садика Гибберна и стали разглядывать экипажи, неподвижно застывшие посреди улицы. Верхушки колес того самого омнибуса, ноги лошадей, кончик хлыста и нижняя челюсть кондуктора (он, видимо, собирался зевнуть) чуть заметно двигались, но кузов этого неуклюжего рыдвана казался окаменевшим. И мы не слышали ни звука, если не считать легкого хрипа в горле кого-то из пассажиров. Кучер, кондуктор и остальные одиннадцать человек словно смерзлись с этой застывшей глыбой. Сначала такое зрелище поразило нас своей странностью, а потом, когда мы

обошли омнибус со всех сторон, нам стало даже неприятно. Люди как люди, похожие на нас, и вдруг так нелепо застыли, не завершив начатых жестов! Девушка и молодой человек, улыбаясь, делали друг другу глазки, и эта улыбка грозила остаться на их лицах навеки; женщина во вздувшейся мешком накидке сидела, облокотившись на поручни и вперив немигающий взгляд в дом Гибберна; мужчина закручивал ус — ни дать ни взять восковая фигура в музее, а его сосед протянул окостеневшую руку и растопыренными пальцами поправлял съехавшую на затылок шляпу.

Мы разглядывали их, смеялись над ними, корчили им гримасы, но потом, почувствовав чуть ли не отвращение ко всей этой компании, пересекли дорогу под самым носом у велосипедиста и понеслись к взморью.

— Бог мой! — вдруг воскликнул Гибберн. — Посмотрите-ка!

Там, куда он указывал пальцем, по воздуху, медленно перебирая крылышками, двигалась со скоростью медлительнейшей из улиток — кто бы вы думали? — пчела!

И вот мы вышли на зеленый луг. Тут началось что-то совсем уж невообразимое. В музыкальной раковине играл оркестр, но мы слышали не музыку, а какое-то сипение или предсмертные вздохи, временами переходившие в нечто вроде приглушенного тиканья огромных часов. Люди вокруг кто стоял навывтяжку, кто, словно какое-то несуразное немое чучело, балансировал на одной ноге, прогуливаясь по лугу. Я прошел мимо пуделя, который подскочил кверху и теперь спускался на землю, чуть шевеля лапками в воздухе.

— Смотрите, смотрите! — крикнул Гибберн.

Мы задержались на секунду перед щеголем в белом костюме в полоску, белых башмаках и соломенной панаме, который оглянулся назад и подмигнул двум разодетым дамам. Подмигивание — если разглядывать его не спеша, во всех подробностях, как это делали мы, — вещь малопривлекательная. Оно утрачивает всю свою игривую непринужденность, и вы вдруг замечаете, что подмигивающий глаз закрывается неплотно и

из-под опущенного века видна нижняя часть глазного яблока.

— Отныне,— заявил я,— если господь бог не лишит меня памяти, я никогда не буду подмигивать.

— А также и улыбаться,— подхватил Гибберн, глядя на ответный оскал одной из дам.

— Однако становится невыносимо жарко,— сказал я.— Давайте убавим шаг.

— А-а, бросьте! — крикнул Гибберн.

Мы пошли дальше, пробираясь между креслами на колесах, стоявшими вдоль дорожки. Позы тех, кто сидел в этих креслах, большей частью казались почти естественными, зато на искаженные багровые физиономии музыкантов просто больно было смотреть. Апплексического вида джентльмен застыл в неподвижности, пытаясь сложить газету на ветру. Судя по всему, ветер был довольно сильный, но для нас его не существовало. Мы отошли в сторону и стали наблюдать за публикой издали. Разглядывать эту толпу, внезапно превратившуюся в музей восковых фигур, было чрезвычайно любопытно. Как это ни глупо, но, глядя на них, я преисполнился чувства собственного превосходства. Вы только представьте себе! Ведь все, что я сказал, подумал, сделал с того мгновения, как «Новейший ускоритель» проник в мою кровь, укладывалось для этих людей и для всей Вселенной в десятую долю секунды!

— Ваш препарат...— начал было я.

Но Гибберн перебил меня:

— Вот она, проклятая старуха!

— Какая старуха?

— Моя соседка,— сказал Гибберн.— А у нее болонка, которая вечно лает. Нет! Искушение слишком велико!

Гибберн — человек непосредственный и иной раз бывает способен на мальчишеские выходки. Не успел я остановить его, как он ринулся вперед, схватил несчастную собачонку и со всех ног помчался с ней к скалистому берегу. И удивительное дело! Собачонка, которую, кроме нас, никто не мог видеть, не выказала ни малейших признаков жизни — даже не залаяла, не трепыхнулась. Она продолжала крепко спать, хотя

Гибберн держал ее за загривок. Похоже было, что в руках у него деревянная игрушка.

— Гибберн! — крикнул я. — Отпустите ее! — И добавил еще кое-что. Потом снова воззвал к нему: — Гибберн, стойте! На нас все загорится. Смотрите, брюки уже тлеют.

Он хлопнул себя по бедру и в нерешительности остановился.

— Гибберн! — продолжал я, настигая его. — Отпустите собачонку. Бегать в такую жару! Ведь мы делаем две-три мили в секунду. Соппротивление воздуха! — заорал я. — Соппротивление воздуха! Слишком быстро движемся. Как метеориты! Все раскалилось! Гибберн! Гибберн! Я весь в поту, у меня зуд во всем теле. Смотрите, люди оживают. Ваше зелье перестает действовать. Отпустите наконец собаку!

— Что?

— «Ускоритель» перестает действовать! — повторил я. — Мы слишком разгорячились. Действие «Ускорителя» кончается. Я весь взмок.

Гибберн посмотрел на меня. Перевел взгляд на оркестр, хрипы и вздохи которого заметно участились. Потом сильным взмахом руки отшвырнул от себя собачонку. Она взвилась вверх, так и не проснувшись, и повисла над сомкнутыми зонтиками оживленно беседующих дам. Гибберн схватил меня за локоть.

— Черт возьми! — крикнул он. — Вы правы. Зуд во всем теле и... Да! Вон тот человек вынимает носовой платок. Движение совершенно явственное. Надо убираться отсюда, и как можно скорее.

Но это было уже не в наших силах. И, может статься, к счастью. Мы, наверное, пустились бы бежать, но тогда нас охватило бы пламенем. Тут и сомневаться нечего. А тогда нам это и в голову не пришло. Не успели мы с Гибберном сдвинуться с места, как действие «Ускорителя» прекратилось — мгновенно, за какую-нибудь долю секунды. У нас было такое ощущение, словно кто-то коротким рывком задернул занавес. Я услышал голос Гибберна: «Садитесь!» — и с перепугу шлепнулся на траву, сильно при этом обжегшись. В том месте и по сию пору остался выжженный круг. И как только я сел, всеобщее оцепенение кончилось.

Нечленораздельные хрипы оркестра слились в мелодию, гуляющие перестали балансировать на одной ноге и зашагали кто куда, газеты и флажки затрепетали на ветру, вслед за улыбками послышались слова, франт в соломенной панаме кончил свое подмигивание и с самодовольным видом отправился дальше; те, кто сидел в креслах, зашевелились и заговорили.

Мир снова ожил и уже не отставал от нас, вернее, мы перестали обгонять его. Такое ощущение знакомо пассажирам экспресса, резко замедляющего ход у вокзала. Секунду-другую передо мной все кружилось, я почувствовал приступ тошноты... и только. А собачонка, повисшая было в воздухе, куда взметнула ее рука Гибберна, камнем полетела вниз, прорвав зонтик одной из дам!

Это и спасло нас с Гибберном. Нашего внезапного появления никто здесь не заметил, если не считать одного тучного старика в кресле на колесах, который вздрогнул при виде нас, несколько раз недоверчиво покосился в нашу сторону и под конец сказал что-то сопровождавшей его сиделке. Раз! Вот и мы! Брюки на нас перестали тлеть почти мгновенно, но снизу меня все еще здорово припекало. Внимание всех, в том числе и оркестрантов увеселительного общества, впервые в жизни сбившихся с такта, было привлечено женскими криками и громким тьяканьем почтенной разжиревшей болонки, которая только что мирно спала справа от музыкальной раковины и вдруг угодила на зонтик дамы, сидевшей совсем в другой стороне, да еще подпалила себе шерсть от стремительности такого перемещения. И это в наши-то дни, когда люди прямо-таки помешались на разных суевериях, психологических опытах и прочей ерунде! Все повскакали с мест, засуетились, налетая друг на друга, опрокидывая стулья и кресла. Прибежал полисмен. Чем там все кончилось, не знаю. Нам надо было как можно скорее выпутаться из этой истории и скрыться с глаз старика в кресле на колесах. Придя в себя, немножко остыв, поборов чувство тошноты, головокружение и общую растерянность, мы с Гибберном обошли толпу стороной и зашагали по дороге к его дому. Но в шуме, не умолкавшем позади, я совершенно явственно слышал голос джентльме-

на, который сидел рядом с обладательницей прорванного зонтика и распекал ни в чем не повинного служителя в фуражке с надписью «Надзиратель».

— Ах, не вы швырнули собаку? — бушевал он. — Тогда кто же?

Внезапный возврат нормальных движений и звуков в окружающем нас мире, а также, вполне понятно, опасения за самих себя (одежда все еще жгла нам тело, дымившиеся минуто назад брюки Гибберна превратились из белых в темно-бурые) помешали мне заняться наблюдениями. Вообще на обратном пути ничего ценного для науки я сделать не мог. Пчелы на прежнем месте, разумеется, не оказалось. Когда мы вышли на Сэндгейт-роуд, я искал глазами велосипедиста, но то ли он успел укатить, то ли его не было видно в уличной толпе. Зато omnibus, полный пассажиров, которые теперь все ожили, громыхал по мостовой где-то далеко впереди.

Добавлю еще, что подоконник, откуда мы спрыгнули в сад, слегка обуглился, а на песчаной дорожке остались глубокие следы от наших ног.

Таковы были результаты моего первого знакомства с «Новейшим ускорителем». По сути дела, вся эта наша прогулка и то, что было сказано и сделано во время нее, заняли две-три секунды. Мы прожили полчаса, пока оркестр сыграл каких-нибудь два такта. Но ощущение у нас было такое, словно мир замер, давая нам возможность приглядеться к нему. Учитывая обстоятельства и главным образом опрометчивость, с которой мы выскочили из дому, нужно признать, что все могло кончиться для нас значительно хуже. Во всяком случае, наш первый опыт показал следующее: Гибберну придется еще немало потрудиться над своим «Ускорителем», прежде чем он станет годным для употребления, но эффективность его несомненна, тут придраться не к чему.

После наших с ним приключений Гибберн продолжает упорно работать, усовершенствуя свой препарат, и мне случалось неоднократно, без всякого для себя вреда, принимать различные дозы «Новейшего ускорителя» под наблюдением его творца. Должен, впрочем, признаться, что выходить из дому в таких случаях я

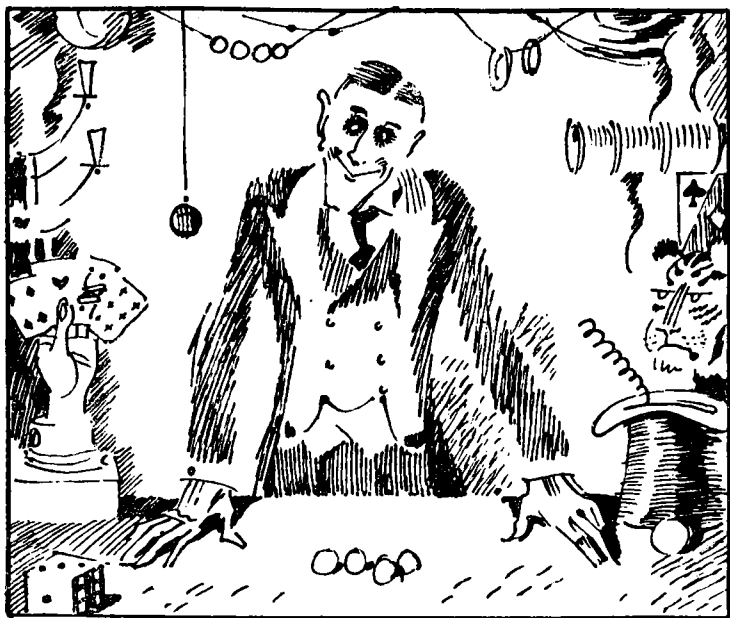
уже не решался. Этот рассказ (вот вам пример действия «Ускорителя») написан мною за один присест. Я отрывался от работы только для того, чтобы откусить кусочек шоколада. Начат он был в шесть часов двадцать пять минут вечера, а сейчас на моих часах тридцать одна минута седьмого. Не передашь словами, какое это удобство — вырвать среди суматошного дня время и целиком отдаться работе!

Теперь Гибберн занят вопросом дозировки «Ускорителя» в зависимости от особенностей организма. В противовес этому составу он надеется изобрести и «Замедлитель», с тем чтобы регулировать чрезмерную силу первого своего изобретения. «Замедлитель», разумеется, будет обладать свойствами, прямо противоположными свойствам «Ускорителя». Прием одного этого лекарства позволит пациенту растянуть секунду своего времени на несколько часов и погрузиться в состояние покоя, застыть наподобие ледника в любом, даже самом шумном, самом раздражающем окружении.

Оба его препарата должны произвести переворот в нашей цивилизации. Они положат начало освобождению от «Покровов времени», о которых писал Карлейль. «Ускоритель» поможет нам сосредоточиваться на каком-нибудь мгновении нашей жизни, требующем наивысшего подъема всех наших сил и способностей, а «Замедлитель» дарует нам полное спокойствие в самые тяжкие и томительные часы и дни. Может быть, я возлагаю чересчур большие надежды на еще не существующий «Замедлитель», но что касается «Ускорителя», то тут никаких споров быть не может. Его появление на рынке в хорошо усваиваемой, удобной для пользования дозировке — дело нескольких месяцев. Маленькие зеленые бутылочки можно будет достать в любой аптеке и в любом аптекарском магазине по довольно высокой, но, принимая во внимание необычайные свойства этого препарата, отнюдь не чрезмерной цене. Он будет называться «Ускоритель для нервной системы. Патент д-ра Гибберна», и Гибберн надеется выпустить его трех степеней ускорения: 1:200; 1:900 и 1:2000, чему будут соответствовать разноцветные этикетки — желтая, розовая и белая.

С помощью «Ускорителя» можно будет осуществить множество поистине удивительных вещей, ибо и самые ошеломляющие и даже преступные деяния удастся тогда совершать незаметно, так сказать, ныряя в щелки времени. Как и всякое сильно действующее средство, «Новейший ускоритель» не застрахован от злоупотреблений. Но, обсудив и эту сторону вопроса, мы с Гибберном пришли к выводу, что тут решающее слово останется за медицинским законодательством, а нас такие дела не касаются. Наша задача — изготовить и продавать «Ускоритель», а что из этого выйдет, посмотрим.

1903

ВОЛШЕБНАЯ ЛАВКА

Издали мне случилось видеть эту волшебную лавку и раньше.

Раза два я проходил мимо ее витрины, где было столько привлекательных товаров: волшебные шары, волшебные куры, чудодейственные колпаки, куклы для чревовещателей, корзины с аппаратурой для фокусов, колоды карт, с виду совсем обыкновенные, и тому подобная мелочь. Мне и в голову не приходило зайти в эту лавку. Но вот однажды Джип взял меня за палец и, ни слова не говоря, потащил к витрине; при этом он вел себя так, что не войти с ним туда было никак невозможно.

По правде говоря, я и не думал, что эта скромная

лавчонка находится именно здесь, на Риджент-стрит, между магазином, где продаются картины, и заведением, где выводятся цыплята в патентованных инкубаторах. Но это была она. Мне почему-то казалось, что она ближе к Сэркус, или за углом на Оксфорд-стрит, или даже в Холборне, и всегда я видел ее на другой стороне улицы, так что к ней было не подойти, и что-то в ней было неуловимое, что-то похожее на мираж. Но вот она здесь, в этом нет никаких сомнений, и пухлый указательный пальчик Джипа стучит по ее витрине.

— Будь я богат,—сказал Джип, тыча пальцем туда, где лежало «Исчезающее яйцо»,— я купил бы себе вот это. И это.— Он указал на «Младенца, плачущего совсем как живой».— И это.

То был таинственный предмет, который назывался: «Купи и удивляй друзей!» — как значилось на аккуратном ярлычке.

— А под этим колпаком,—сказал Джип,— пропадает все, что ни положи. Я читал об этом в одной книге... А вон, папа, «Неуловимый грошик», только его так положили, чтобы не видно было, как это делается.

Джип унаследовал милые черты своей матушки: он не звал меня в лавку и не надоедал приставаниями, он только тянул меня за палец по направлению к двери — совершенно бессознательно,— и было яснее ясно-го, чего ему хочется.

— Вот! — сказал он и указал на «Волшебную бутылку».

— А если б она у тебя была? — спросил я.

И, услышав в этом вопросе обещание, Джип просиял.

— Я показал бы ее Джесси! — ответил он, полный, как всегда, заботы о других.

— До дня твоего рождения осталось меньше ста дней, Джип,—сказал я и взялся за ручку двери.

Джип не ответил, но еще сильнее сжал мой палец, и мы вошли в лавку.

Это была не простая лавка, это была лавка волшебная. И потому Джип не проследовал к прилавку впереди меня, как при покупке обыкновенных игрушек. Здесь он всю тяжесть переговоров возложил на меня.

Это была крошечная, тесноватая полутемная лавчонка, и дверной колокольчик задребезжал жалобным звоном, когда мы захлопнули за собой дверь. В лавчонке никого не оказалось, и мы могли оглядеться. Вот тигр из папье-маше на стекле, покрывающем невысокий прилавок,— степенный, добродушный тигр, размеренно качающий головой; вот хрустальные шары всех видов; вот фарфоровая рука с колодой волшебных карт; вот целый набор разнокалиберных волшебных аквариумов; вот нескромная волшебная шляпа, бесстыдно выставившая напоказ все свои пружины. Кругом было несколько волшебных зеркал. Одно вытягивало и суживало вас, другое отнимало у вас ноги и расплющивало вашу голову, третье делало из вас какую-то круглую, толстую чурку. И пока мы хохотали перед этими зеркалами, откуда-то появился какой-то мужчина, очевидно хозяин. Впрочем, кто бы он ни был, он стоял за прилавком, странный, темноволосый, бледный. Одно ухо было у него больше другого, а подбородок — как носок башмака.

— Чем могу служить? — спросил он и растопырил свои длинные волшебные пальцы на стекле прилавка.

Мы вздрогнули, потому что не подозревали о его присутствии.

— Я хотел бы купить моему малышу какую-нибудь игрушку попроще, — сказал я.

— Фокусы? — спросил он. — Ручные? Механические?

— Что-нибудь позабавнее, — ответил я.

— Гм!.. — произнес продавец и почесал голову, как бы размышляя, и прямо у нас на глазах вынул у себя из головы стеклянный шарик. — Что-нибудь в таком роде? — спросил он и протянул его мне.

Это было неожиданно. Много раз мне случалось видеть такой фокус на эстраде — без него не обойдется ни один фокусник средней руки, — но здесь я этого не ожидал.

— Недурно! — сказал я со смехом.

— Не правда ли? — заметил продавец.

Джип отпустил мой палец и потянулся за стеклянным шариком, но в руках продавца ничего не оказалось.

— Он у вас в кармане,— сказал продавец, и действительно, шарик был там.

— Сколько за шарик? — спросил я.

— За стеклянные шарики мы денег не берем,— любезно ответил продавец.— Они достаются нам,— тут он поймал еще один шарик у себя на локте,— даром.

Третий шарик он поймал у себя на затылке и положил его на прилавок рядом с предыдущим. Джип не торопясь оглядел свой шарик, потом те, что лежали на прилавке, потом обратил вопрошающий взгляд на продавца.

— Можете взять себе и эти,— сказал тот, улыбаясь,— а если не брезгаете, еще один, изо рта. Вот!

Джип взглянул на меня, ища совета, потом в глубочайшем молчании сгреб все четыре шарика, опять ухватился за мой успокоительный палец и приготовился к дальнейшим событиям.

— Так мы приобретаем весь наш товар, какой поменьше,— объяснил продавец.

Я засмеялся и, подхватив его остроу, сказал:

— Вместо того чтобы покупать его на складе? Оно, конечно, дешевле.

— Пожалуй,— ответил продавец.— Хотя в конце концов и нам приходится платить, но не так много, как думают иные. Товары покрупнее, а также пищу, одежду и все, что нам нужно, мы достаем вот из этой шляпы... И позвольте мне заверить вас, сэр, что на свете не бывает оптовых складов настоящих волшебных товаров. Вы, верно, изволили заметить нашу марку: «Настоящая волшебная лавка».

Он вытащил из-за щеки преysкурant и подал его мне.

— Настоящая,— сказал он, указывая пальцем на это слово, и прибавил: — У нас без обмана, сэр.

У меня мелькнула мысль, что его шутки не лишены последовательности.

Потом он обратился к Джипу с ласковой улыбкой:

— А ты, знаешь ли, Неплохой Мальчуган...

Я удивился, не понимая, откуда он мог догадаться. В интересах дисциплины мы держим это в секрете даже в домашнем кругу. Джип выслушал похвалу молча и продолжал смотреть на продавца.

— Потому что только хорошие мальчики могут пройти в эту дверь.

И тотчас же, как бы в подтверждение, раздался стук в дверь и послышался пискливый голосок:

— И-и! Я хочу войти туда, папа! Папа, я хочу войти! И-и-и!

И уговоры измученного папаши:

— Но ведь заперто, Эдуард, нельзя!

— Совсем не заперто! — сказал я.

— Нет, сэр, у нас всегда заперто для таких детей, — сказал продавец, и при этих словах мы увидели мальчика: крошечное личико, болезненно-бледное от множества поедаемых лакомств, искривленное от вечных капризов, личико бессердечного маленького себялюбца, царапающего заколдованное стекло. — Не поможет, сэр, — сказал продавец, заметив, что я со свойственной мне услужливостью шагнул к двери.

Скоро хнычущего избалованного мальчика увели.

— Как это у вас делается? — спросил я, переводя дух.

— Магия! — ответил продавец, небрежно махнув рукой, и — ах! — из его пальцев вылетели разноцветные искры и погасли в полутьме магазина. — Ты говорил там, на улице, — сказал продавец, обращаясь к Джипу, — что хотел бы иметь нашу коробку «Купи и удивляй друзей».

— Да, — признался Джип после героической внутренней борьбы.

— Она у тебя в кармане.

И, перегнувшись через прилавок (тело у него оказалось необычайной длины), этот изумительный субъект с ужимками заправского фокусника вытащил у Джипа из кармана коробку.

— Бумагу! — сказал он и достал большой лист из пустой шляпы с пружинами. — Бечевку! — И во рту у него оказался клубок бечевки, от которого он отмотал длинную нить, перевязал ею сверток, перекусил зубами, а клубок, как мне показалось, проглотил.

Потом об нос одной из чревоушательных кукол зажег свечу, сунул в огонь палец (который тотчас же превратился в палочку красного сургуча) и запечатал покупку.

— Вам еще понравилось «Исчезающее яйцо», — заметил он, вытаскивая это яйцо из внутреннего кармана моего пальто, и завернул его в бумагу вместе с «Младенцем, плачущим совсем как живой».

Я передавал каждый готовый сверток Джипу, а тот крепко прижимал его к груди.

Джип говорил очень мало, но глаза его были красноречивы; красноречивы были и его руки, обхватившие подарки. Его душой овладело невыразимое волнение. Поистине это была настоящая магия.

Но тут я вздрогнул, почувствовав, что у меня под шляпой шевелится что-то мягкое, трепетное. Я схватился за шляпу, и голубь с измятыми перьями выпорхнул оттуда, побежал по прилавку и шмыгнул, кажется, в картонную коробку позади тигра из папье-маше.

— Ай, ай, ай! — сказал продавец, ловким движением отбирая у меня головной убор. — Скажите пожалуйста, эта глупая птица устроила здесь гнездо!..

И он стал трясти мою шляпу, вытряхнул оттуда два или три яйца, мраморный шарик, часы, с полдюжины неизбежных стеклянных шариков и скомканную бумагу, потом еще бумагу, еще и еще, все время распространаясь о том, что очень многие совершенно напрасно чистят свои шляпы только сверху и забывают почистить их внутри, — все это, разумеется, очень вежливо, но не без личных намеков.

— Накапливается целая куча мусора, сэр... Конечно, не у вас одного... Чуть не у каждого покупателя... Чего только люди не носят с собой!

Мятая бумага росла и вздымалась на прилавке все выше, и выше, и выше и совсем заслонила его от нас. Только голос его раздавался по-прежнему.

— Никто из нас не знает, что скрывается иногда за благообразной внешностью человека, сэр. Все мы — только одна видимость, только гробы повапленные...

Его голос замер, точь-в-точь как у ваших соседей замер бы граммофон, если бы вы угодили в него ловко брошенным кирпичом, — такое же внезапное молчание. Шуршание бумаги прекратилось, и стало тихо.

— Вам больше не нужна моя шляпа? — спросил я наконец.

Ответа не было.

Я поглядел на Джипа, Джип поглядел на меня, и в волшебных зеркалах отразились наши искаженные лица — загадочные, серьезные, тихие.

— Я думаю, нам пора! — сказал я. — Будьте добры, скажите, сколько с нас следует... Послушайте, — сказал я, повышая голос, — я хочу расплатиться... И, пожалуйста, мою шляпу...

Из-за груды бумаг как будто послышалось сопение.

— Он смеется над нами! — сказал я. — Ну-ка, Джип, поглядим за прилавком.

Мы обошли тигра, качающего головой. И что же? За прилавком никого не оказалось. На полу валялась моя шляпа, а рядом с нею в глубокой задумчивости, съевшись, сидел вислоухий белый кролик — самый обыкновенный, глупейшего вида кролик, как раз такой, какие бывают только у фокусников. Я нагнулся за шляпой — кролик отпрыгнул от меня.

— Папа! — шепнул Джип виновато.

— Что?

— Мне здесь нравится, папа.

«И мне тоже нравилось бы, — подумал я, — если бы этот прилавок не вытянулся вдруг, загораживая нам выход». Я не сказал об этом Джипу.

— Киска! — произнес он и протянул руку к кролику. — Киска, покажи Джипу фокус!

Кролик шмыгнул в дверь, которой я там раньше почему-то не видел, и в ту же минуту оттуда опять показался человек, у которого одно ухо было длиннее другого. Он по-прежнему улыбался, но, когда наши глаза встретились, я заметил, что его взгляд выражает не то вызов, не то насмешку.

— Не угодно ли осмотреть нашу выставку, сэр? — как ни в чем не бывало сказал он.

Джип потянул меня за палец. Я взглянул на прилавок, потом на продавца, и глаза наши снова встретились. Я уже начинал думать, что волшебство здесь, пожалуй, слишком уж подлинное.

— К сожалению, у нас не очень много времени, — начал я.

Но мы уже находились в другой комнате, где была выставка образцов.

— Все товары у нас одного качества, — сказал про-

давец, потирая гибкие руки,— самого высшего. Настоящая магия, без обмана, другой не держим! С ручательством... Прошу прощения, сэр!

Я почувствовал, как он отрывает что-то от моего рукава, и, оглянувшись, увидел, что он держит за хвост крошечного красного чертика, а тот извивается, и дергается, и норовит укусить его за руку. Продавец беспечно швырнул его под прилавок. Конечно, чертик был резиновый, но на какое-то мгновение... И держал он его так, как держат в руках какую-нибудь кусачую гадину. Я посмотрел на Джипа, но его взгляд был устремлен на волшебную деревянную лошадку. У меня отлегло от сердца.

— Послушайте,— сказал я продавцу, понижая голос и указывая глазами то на Джипа, то на красного чертика,— надеюсь, у вас не слишком много таких... изделий, не правда ли?

— Совсем не держим! Должно быть, вы занесли его с улицы,— сказал продавец, тоже понизив голос и с еще более ослепительной улыбкой.— Чего только люди не таскают с собой, сами того не зная!

Потом он обратился к Джипу:

— Нравится тебе тут что-нибудь?

Джипу многое нравилось.

С доверчивой почтительностью обратившись к чудесному продавцу, он спросил:

— А эта сабля тоже волшебная?

— Волшебная игрушечная сабля — не гнется, не ломается и не режет пальцев. У кого такая сабля, тот выйдет цел и невредим из любого единоборства с любым врагом не старше восемнадцати лет. От двух с половиной шиллингов до семи с половиной, в зависимости от размера... Эти картонные доспехи предназначены для юных рыцарей и незаменимы в странствиях. Волшебный щит, сапоги-скороходы, шапка-невидимка.

— Ох, папа! — воскликнул Джип.

Я хотел узнать их цену, но продавец не обратил на меня внимания. Теперь он совершенно завладел Джипом. Он оторвал его от моего пальца, углубился в описание своих проклятых товаров, и остановить его было невозможно. Скоро я заметил со смутной тревогой и каким-то чувством, похожим на ревность, что Джип

ухватился за его палец, точь-в-точь как обычно хватался за мой. «Конечно, он человек занятный,— думал я,— и у него накоплено много прелюбопытной дряни, но все-таки...»

Я побрел за ними, не говоря ни слова, но зорко приглядывая за этим фокусником. В конце концов, Джипу это доставляет удовольствие... И никто не мешает нам уйти, когда вздумается.

Выставка товаров занимала длинную комнату, большая галерея изобиловала всякими колоннами, подпорками, стойками; арки вели в боковые помещения, где болтались без дела и зевали по сторонам приказчики самого странного вида; на каждом шагу нам преграждали путь и сбивали нас с толку разные портьеры и зеркала, так что скоро я потерял ту дверь, в которую мы вошли.

Продавец показал Джипу волшебные поезда, которые двигались без пара и пружины, чуть только вы открывали семафор, а также драгоценные коробки с оловянными солдатиками, которые оживали, как только вы поднимали крышку и произносили... Как передать этот звук, я не знаю, но Джип — у него тонкий слух его матери — тотчас же воспроизвел его.

— Bravo! — воскликнул продавец, весьма бесцеремонно бросая оловянных человечков обратно в коробку и передавая ее Джипу. — Ну-ка, еще разок!

И Джип в одно мгновение опять воскресил их.

— Вы берете эту коробку? — спросил продавец.

— Мы бы взяли эту коробку, — сказал я, — если только вы уступите нам со скидкой. Иначе нужно быть миллионером...

— Что вы! С удовольствием.

И продавец снова впихнул человечков в коробку, захлопнул крышку, помахал коробкой в воздухе — и тотчас же она оказалась перевязанной бечевкой и обернутой в серую бумагу, а на бумаге появились полный адрес и имя Джипа!

Видя мое изумление, продавец засмеялся.

— У нас настоящее волшебство, — сказал он. — Подделок не держим.

— По-моему, оно даже чересчур настоящее, — отозвался я.

После этого он стал показывать Джипу разные фокусы, необычайные сами по себе, а еще больше — по выполнению. Он объяснял устройство игрушек и выворачивал их наизнанку, и мой милый малыш, страшно серьезный, смотрел и кивал с видом знатока.

Я не мог уследить за ними. «Эй, живо!» — вскрикивал волшебный продавец, и вслед за ним чистый детский голос повторял: «Эй, живо!» Но меня отвлекло другое. Меня стала одолевать вся эта чертовщина. Ею было проникнуто все: пол, потолок, стены, каждый гвоздь, каждый стул. Меня не покидало странное чувство, что стоит мне только отвернуться — и все это заплещет, задвигается, пойдет бесшумно играть у меня за спиной в пятнашки. Карниз извивался, как змея, и лепные маски по углам были, по правде говоря, слишком выразительны для простого гипса.

Внезапно внимание мое привлек один из приказчиков, человек диковинного вида.

Он стоял в стороне и, очевидно, не знал о моем присутствии (мне он был виден не весь: его ноги заслоняла груда игрушек и, кроме того, нас разделяла арка). Он беспечно стоял, прислонясь к столбу и проделывая со своим лицом самые невозможные вещи. Особенно ужасно было то, что он делал со своим носом. И все это с таким видом, будто просто решил поразвлечься от скуки. Сначала у него был коротенький, приплюснутый нос, потом нос неожиданно вытянулся, как подзорная труба, а потом стал делаться все тоньше и тоньше и в конце концов превратился в длинный, гибкий красный хлыст... Как в страшном сне! Он размахивал своим носом в разные стороны и забрасывал его вперед, как рыболов забрасывает удочку.

Тут я спохватился, что это зрелище совсем не для Джипа. Я оглянулся и увидел, что все внимание мальчика поглощено продавцом и он не подозревает ничего дурного. Они о чем-то шептались, поглядывая на меня. Джип взобрался на табуретку, а продавец держал в руке что-то вроде огромного барабана.

— Сыграем в прятки, папа! — крикнул Джип. — Тебе водить!

И не успел я вмешаться, как продавец накрыл его большим барабаном.

Я сразу понял, в чем дело.

— Поднимите барабан! — закричал я. — Сию минуту! Вы испугаете ребенка! Поднимите!

Человек с разными ушами беспрекословно повиновался и протянул мне этот большой цилиндр, чтобы я мог вполне убедиться, что он пуст! Но на табуретке тоже не было никого! Мой мальчик бесследно исчез!..

Вам, может быть, знакомо зловещее чувство, которое охватывает вас, словно рука неведомого, и больно сжимает вам сердце! Это чувство сметает куда-то прочь ваше обычное «я», вы сразу напрягаетесь, становитесь осмотрительны и предприимчивы; вы не медлите, но и не торопитесь, гнев и страх исчезают. Так было со мной.

Я подошел к ухмыляющемуся продавцу и опрокинул табуретку ударом ноги.

— Оставьте эти шутки, — сказал я. — Где мой мальчик?

— Вы сами видите, — сказал он, показывая мне пустой барабан, — у нас никакого обмана...

Я протянул руку, чтобы схватить его за шиворот, но он, ловко извернувшись, ускользнул от меня. Я опять бросился на него, но он опять увильнул и распахнул какую-то дверь.

— Стой! — крикнул я.

Он убежал со смехом, я ринулся за ним и со всего размаху вылетел... во тьму.

Хлоп!

— Фу ты! Я вас и не заметил, сэр!

Я был на Риджент-стрит и столкнулся с каким-то очень почтенным рабочим. А недалеко от меня, немного растерянный, стоял Джип. Я кое-как извинился, и Джип с ясной улыбкой подбежал ко мне, как будто только что на одну секунду потерял меня из виду.

В руках у него было четыре пакета!

Он тотчас же завладел моим пальцем.

Сначала я не знал, что подумать. Я обернулся, чтобы увидеть дверь волшебной лавки, но ее нигде не было. Ни лавки, ни двери — ничего! Самый обыкновенный простенок между магазином, где продаются картины, и окном с цыплятами...

Я сделал единственное, что было возможно в таком

положении: стал на краю тротуара и помахал зонтиком, подзывая кеб.

— В карете! — восторженно воскликнул Джип. Он не ждал этой дополнительной радости.

Я усадил Джипа, не без труда вспомнил свой адрес и сел сам. Тут я почувствовал что-то необычное у себя в кармане и вытянул оттуда стеклянный шарик. С негодованием я бросил его на мостовую.

Джип не сказал ни слова.

Некоторое время мы оба молчали.

— Папа! — сказал наконец Джип. — Это была хорошая лавка!

Тут я впервые задумался, как же он воспринял все это приключение. Он оказался совершенно цел и невредим — это главное. Он не был напуган, он не был расстроен, он просто был страшно доволен тем, как провел день, и к тому же у него в руках было четыре пакета.

Черт возьми! Что могло там быть?

— Гм! — сказал я. — Маленьким детям нельзя каждый день ходить в такие лавки!

Он принял эти слова со свойственным ему стоицизмом, и на минуту я даже пожалел, что я его отец, а не мать и не могу тут же, на извозчике, *coram publico*¹ расцеловать его. «В конце концов, — подумал я, — не так уж все это страшно».

Но окончательно утвердился я в этом мнении, только когда мы распаковали наши свертки. В трех оказались коробки с обыкновенными, но такими замечательными оловянными солдатиками, что Джип совершенно забыл о тех «Настоящих волшебных солдатах», которых он видел в лавке, а в четвертом свертке был котенок — маленький белый живой котенок, очень веселый и с прекрасным аппетитом.

Я рассматривал содержимое пакетов с облегчением, но все-таки еще с опаской. Проторчал я в детской не знаю сколько времени...

Это случилось шесть месяцев назад. И теперь я начинаю думать, что никакой беды не произошло. В котенке оказалось не больше волшебства, чем во всех

¹ При народе (лат.).

других котят. Солдаты оказались такими стойкими, что ими был бы доволен любой полковник. Что же касается Джипа...

Чуткие родители согласятся, что с ним я должен был соблюдать особенную осторожность.

Но недавно я все же отважился на серьезный шаг. Я спросил:

— А что, Джип, если бы твои солдаты вдруг ожили и пошли маршировать?

— Мои солдаты живые, — сказал Джип. — Стоит мне только сказать одно словечко, когда я открываю коробку.

— И они маршируют?

— Еще бы! Иначе за что их и любить!

Я не высказал неуместного удивления и попробовал несколько раз, чуть только он возьмется за своих солдатиков, неожиданно войти к нему в комнату. Но никаких признаков волшебного поведения я до сих пор за ними не заметил. Так что трудно сказать, прав ли Джип или нет.

Еще один вопрос: о деньгах. У меня неизлечимая привычка всегда платить по счетам. Я исходил вдоль и поперек всю Риджент-стрит, но не нашел той лавки. Тем не менее я склонен думать, что в этом деле честь моя не пострадала: ведь раз этим людям — кто бы они ни были — известен адрес Джипа, они могут в любое время явиться ко мне и получить по счету.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Кагарлицкий. Человек, который мог творить чудеса...	5
--	---

РОМАН

Человек-невидимка. Перевод Д. Вейса	23
---	----

РАССКАЗЫ

Замечательный случай с глазами Дэвидсона. Перевод К. Чуковского	171
Хрустальное яйцо. Перевод Н. Волжиной	183
Человек, который мог творить чудеса. Перевод И. Гри- горьева	203
«Новейший ускоритель» Перевод Н. Волжиной	224
Волшебная лавка. Перевод К. Чуковского	241

Для старшего возраста

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

Роман и рассказы

ИБ № 1402

Ответственный редактор Н. В. Шерешевская. Художественный редактор В. А. Горячева. Технический редактор Г. Г. Стан. Корректоры Т. В. Корецкая и Л. А. Рогова. Сдано в набор 22/IV 1977 г. Подписано к печати 20/IX 1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 12,56. Тираж 400 000 (1—200 000) экз. Заказ № 469. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Уэллс Г.

У98 **Человек-невидимка. Роман и рассказы. Пер. с англ. Предисл. Ю. Кагарлицкого. Рис. А. Иткина. М., «Дет. лит.», 1977.**

254 с. с ил. (Б-ка приключ. и науч. ф-ки).

В этот том английского классика-фантаста Герберта Уэллса входят роман «Человек-невидимка» и шесть рассказов.

У 70803—498
М101(03)77 448—77

И(Англ)

55 коп.